

Международный Аспект

ТОМ 2. ВЫПУСК 1 (3)
ЯНВАРЬ — МАРТ 2021

International
Aspect

VOL. 2 NO. 1 (3)
JANUARY — MARCH
2021

БЛИЖНИЙ ВОСТОК В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ

Политико-географические риски
формирования государства Палестина • 15
Екатерина Груздева

Пакистанский фактор в афганском
конфликте (кон. 1970-х — 80-е гг.) • 27
Сергей Чекалин

Роль и место религиозного фактора
во внешней и внутренней политике
современного Египта • 46
Гузаль Кадирова

International Aspect

ACADEMIC JOURNAL

Published since 2020 4 issues per year
Vol. 2, No. 1 (3), 2021

Международный Аспект

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Журнал издается с 2020 г. 4 выпуска в год
Том 2, Выпуск 1 (3), 2021

Между
народный
аспект

Содержание

мировая экономика

Китай в 2020г.: экономические и
международные перспективы • 4
Петр Трофимов

история международных отношений

Политико-географические риски форми-
рования государства Палестина • 15
Екатерина Груздева

Пакистанский фактор в афганском
конflikте (кон. 1970-х – 80-е гг.) • 27
Сергей Чекалин

международные отношения

Роль и место религиозного фактора во
внешней и внутренней политике
современного Египта • 47
Гузаль Кадирова

Выбор в пользу территориальных
воинских формирований в Мексике:
создание мексиканской
Национальной гвардии • 65
Маркос Пабло Молоезник, PhD

Для связи с редакцией: intaspect@intaspect.ru
intaspect.ru

119454, Россия, Москва, просп. Вернадского, 76
+7 (495) 229-41-78

РЕДАКЦИЯ

Главный редактор
Михаил Кан

Заместитель
главного редактора
Глеб Иванов

Ведущий редактор
раздела «История»
Максим Комаринец

Ведущий редактор
раздела
«Международные
отношения»
Михаил Зверев

Ведущий редактор
раздела «Экономика»
Полина Слепухина

Редакторы
Алексей Степанов
Анастасия Лыкова
Андрей Бережнов
Валерия Контрерас Кооб
Грант Бегларян
Даяна Алагирова
Дарина Сибуль
Евгений Кузнецов

Ответственный
редактор выпуска
Грант Бегларян

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель
Редакционного совета
Андрей Анатольевич
Байков, К.полит.н.

Ирина Вячеславовна
Болгова, К.ист.н.

Игорь Александрович
Истомин, К.полит.н.

Contents

world economy

- China in 2020: economic and international prospects • 4
Peter Trofimov

history of international relations

- Political and geographical risks of the State of Palestine formation • 15
Ekaterina Gruzdeva

- The Factor of Pakistan in the Afghan Armed Conflict (late 1970s - 1980s) • 27
Sergey Chekalin

international relations

- The role and the place of the religious factor in the foreign and internal policy of modern Egypt • 46
Guzal Kadirova

- The Choice for Intermediate Forces in Mexico: The Birth of the Mexican National Guard • 65
Marcos Pablo Moloeznik, PhD

Contact the editorial via: intaspect@intaspect.ru
intaspect.ru

76, Vernadsky ave., Moscow, Russia, 119454
+7 (495) 229-41-78

EDITORS

Chief Editor
Mikhail Kan

Deputy Chief Editor
Gleb Ivanov

Editor of «History» section
Maksim Komarinets

Editor of «International Relations» section
Mikhail Zverev

Editor of «Economics» section
Polina Slepukhina

Editors
Aleksey Stepanov
Anastasiya Lykova
Andrey Berezhnov
Valeriya Kontreras Koob
Grant Beglaryan
Dayana Alagirova
Darina Sibul
Evgeny Kuznetsov

Managing Editor of the issue
Grant Beglaryan

EDITORIAL BOARD

Head of the Editorial Board
Andrey Baykov, Ph.D.
in Political Science

Irina Bolgova, Ph.D.
in History

Igor Istomin, Ph.D.
in Political Science

Китай в 2020г.: экономические и международные перспективы

Трофимов Петр
МГИМО

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается положение Китая на международной арене в контексте пандемии COVID-19 и экономического кризиса 2020 г. Целью работы является оценка изменений международного положения Китая в 2020 г., анализ существующих возможностей, рисков и угроз в данном контексте. Задачами работы является анализ общего положения китайской экономики к 2020 г., оценка влияния протекционистской политики Д. Трампа на экономическое положение Китая, анализ достигнутых Китаем успехов в реализации инициативы «Один пояс — один путь» и возникших на данном направлении сложностей, оценка влияния COVID-19 на расклад сил на мировой арене. В контексте влияния событий 2020 г. на международное положение Китая задачами являются оценка результатов дипломатической борьбы между США и КНР, а также оценка влияния пандемии и экономического кризиса на экономику КНР, связанные с этим возможности и риски. В данной работе делается вывод о том, что в целом к 2020 г. экономика Китая испытывала ряд проблем долгосрочного характера, в первую очередь, проблему значительной корпоративной задолженности. Торговая война с США усугубила данную неблагоприятную экономическую конъюнктуру. Влияние пандемии COVID-19 и экономического кризиса 2020 г. на меж-

дународное положение Китая неоднозначно: с одной стороны, стране представилась возможность с помощью гуманитарной помощи обеспечить себе имидж мирового лидера; с другой стороны, политические амбиции Китая, непосредственно связанные с его гуманитарной помощью, рискуют натолкнуться на отпор широкой международной коалиции, что усугубляется недостаточной гибкостью китайской дипломатии «боевых волков». В этих условиях Китай, по-видимому, пошел по рискованному пути конфронтации с Западом, что демонстрирует кризис в Южно-Китайском море. С экономической точки зрения 2020 г. также создает для Китая проблемную конъюнктуру: падение спроса на китайский экспорт серьезно ударило по экспортоориентированной экономике страны, что осложняется низким спросом на внутреннем рынке. Долгосрочным риском является возможность вывода ТНК своих производственных цепочек из Китая с целью диверсификации производства, необходимость которой продемонстрировали события 2020 г. Наконец, угрозу представляет и проблема долгов стран — участниц инициативы «Один пояс — один путь». В связи со всем этим 2020 г. представляется скорее вызовом для Китая, чем возможностью обеспечить себе позицию мирового лидера.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Инфраструктурные проекты, корпоративная задолженность, производственная цепочка, экспортоориентированное предприятие, мораторий на долги

Для связи с автором: lapinski99@mail.ru

China in 2020: economic and international prospects

Peter Trofimov

MGIMO

ABSTRACT

The article considers the position of China on the international arena in the context of the pandemic of COVID-19 and the economic crisis of 2020. The goal of the article is to assess the changes of the international position of China in 2020, analyze the opportunities, risks, and threats in this context. The objectives of the article are to analyze the overall condition of China's economy up to 2020, assess the influence of protectionist policies of Donald Trump regarding the economic position of China, analyze the success achieved by China in the realization of the "One belt – one road" initiative and difficulties encountered in this direction, assess the influence of the pandemic of COVID-19 on the alignment of forces on the international arena. In the context of the influence of the events of 2020 on the international position of China, the objectives of the article are to assess the results of the diplomatic rivalry between the USA and China and to assess the influence of the pandemic and the economic crisis on the economy of China, as well as opportunities and risks related to this. In the article, a point is made that in general in 2020 the economy of China is experiencing a number of long-term problems. First of all, the problem of a considerable corporate debt. The trade war with the USA has exacerbated this unfavorable economic conjuncture by harming China's export and strengthening the trend of a decline in China's GDP growth

that had existed for a long time, which in turn exacerbated the problem of a large corporate debt. The influence of the pandemic of COVID-19 and the 2020 economic crisis on the international position of China is controversial. On the one hand, the country has an opportunity via humanitarian help to ensure its position as a world leader. On the other hand, the political ambitions of China, directly related to the humanitarian help, risk to face a response of an international coalition, which is further exacerbated by the lack of flexibility of the Chinese diplomacy of "wolf warriors". Under these circumstances China has apparently decided to take a risky path of confrontation with the West, which is demonstrated by the crisis in the South China Sea. From an economic perspective, 2020 also creates a rather problematic conjuncture for China. The fall of the demand for the Chinese export has seriously damaged the export-oriented economy of the country, which is exacerbated by a low demand for the domestic market. The long-lasting risk is the possibility of relocation of production chains by TNC away from China, the necessity of which was demonstrated by the events of 2020. Finally, a threat is posed by the problem of the debts of countries that participate in the "One belt – one road" initiative. In this context 2020 appears to be a challenge rather than an opportunity for China.

KEYWORDS

Infrastructure projects, corporate debt, production chain, export-oriented company, debt moratorium.

Contact the author via lapinski99@mail.ru

ВЫПУСК №1 (3) ЯНВАРЬ — МАРТ 2021

За последние годы, начиная с объявления в 2013 г. инициативы «Один пояс — один путь», Китай проделал серьезный путь в направлении глобального лидерства, не только в экономическом, но и в политическом отношении. Приход к власти Си Цзиньпина в 2013 г. ознаменовал переход Китая к новой внешнеполитической и внешнеэкономической доктрине.

С одной стороны, непосредственной перестройке должна была подвергнуться сама китайская экономика. В связи с предсказуемым снижением темпов роста ВВП и исчерпанием традиционных драйверов экономического роста Китая основной целью, поставленной Си Цзиньпином, стало увеличение наукоемкости производства, повышение технологичности. Китай более не может успешно конкурировать с менее развитыми странами в области дешевого производства, поэтому ему необходимо начать конкурировать с развитыми в области производства высокотехнологичного^[1]. Помимо этого, особая ставка была сделана на повышение покупательной способности населения и, как следствие, развитие емкого внутреннего рынка^[2]. С приходом к власти Си Цзиньпина у КНР существенно повысились и внешнеполитические амбиции: отказавшись от выдвинутого Дэн Сяопином принципа «держаться в тени», Китай начал проводить активную политику установления собственного экономи-

ческого влияния на всем континенте Евразии. Осенью 2013 г. китайский лидер провозгласил создание инициативы «Один пояс — один путь» — воссоздание исторического шелкового пути, фактически означавшего сотрудничество КНР и стран Евразии и Африки в создании инфраструктурных комплексов: железнодорожной сети, энергетических трубопроводов, электросетей. В рамках данной инициативы КНР оказывала финансовую поддержку странам-партнерам через Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, де-факто являющийся конкурентом базирующихся в США МВФ и Всемирного банка. За период 2013 – 2020 гг. инициатива продемонстрировала свою востребованность среди стран Евразии и Африки. На настоящий момент участвовать в инициативе выразили желание 138 стран^[3]. Тем не менее, возник и ряд проблем. Так, было выявлено недостаточное качество инвестирования; ряд инфраструктурных проектов оказался в проблемном положении; кроме того, инициатива повлекла за собой череду коррупционных скандалов в КНР, нанесших удар имиджу страны. Наконец, со временем существенные опасения у лидеров стран — партнеров КНР стала вызывать растущий внешний долг («скрытые долги» развивающихся стран перед Китаем в первом квартале 2020 г. составляли 380 млрд долл^[4]) и увеличивающееся влияние ТНК на националь-

[1] Маслов А. А. Китай 2020. Пандемия, общество и глобальные альтернативы / А. А. Маслов. — Москва: Рипол-Классик, 2020. — С. 33–34.

[2] Цыплаков С. С. Китай выбирает стратегию на 15 лет / С. С. Цыплаков. — Институт исследований и экспертизы ВЭБ.РФ. — 2020. — 22 окт. — URL: <http://inveb.ru/ru/news/461-sergej-tsyplakov-kitaj-vybiraet-strategiyu-na-15-let> (дата обращения 11.03.2021).

[3] Countries of the Belt and Road Initiative (BRI) // Green Belt and Road Initiative Center. — URL: <https://green-bri.org/countries-of-the-belt-and-road-initiative-bri> (дата обращения 11.03.2021).

[4] Magnier M. Coronavirus runs roughshod over debt-laden belt and road projects / Mark Magnier // South China Morning Post. The Coronavirus Pandemic. — 2020. — April 15. — URL: <https://www.scmp.com/news/china/diplomacy/article/3079918/coronavirus-runs-roughshod-over-debt-laden-belt-and-road> (дата обращения 11.03.2021).

ные экономики. В результате некоторые страны-участницы стали пересматривать условия сотрудничества с Китаем через инициативу «Один пояс — один путь» и даже отменять запланированные проекты. Не последнюю роль в данном процессе играет и давление Вашингтона на крупные компании.

Таким образом, несмотря на ряд достижений инициативы «Один пояс — один путь», к 2020 г. стала очевидной необходимость корректировки курса сотрудничества с учетом выявленных проблем.

Определенные опасения вызывало и общее экономическое положение Китая накануне 2020 г. Несмотря на то, что объявленный план удвоения ВВП страны в период 2010 – 2020 гг. был практически выполнен. В первую очередь проблемы вызывает произошедший в последние годы «кредитный бум». Опасения связаны с резким ростом корпоративного долга КНР (154% ВВП) в 2018 г.^[5] Большая часть данных кредитов была получена в период после 2008 г., особенно же их объем увеличился в 2019 г. в связи с дефолтами на китайском рынке облигаций. Столь большой объем корпоративного долга вызван снижением доли внутренне генерируемых финансовых ресурсов относительно капитальных расходов и деятельностью

теневое банковского сектора, приведшей к инфляции корпоративного долга^[6]. Проблемой остается и старение населения, являющееся долгосрочным негативным последствием «политики одного ребенка», в свое время оказавшей положительное воздействие на развитие китайской экономики^[7]. К тому же, поскольку пенсионный фонд в Китае был создан лишь недавно, пенсионные выплаты стремительно стареющему населению станут тяжелым бременем для китайского госбюджета^[8].

Отдельного рассмотрения заслуживает влияние торговой войны США и КНР в 2018 – 2019 гг. США является крупнейшим потребителем китайского экспорта (19%^[9]), и повышение издержек экспорта в США не могло не повлиять на темпы роста китайской экономики, сократившегося с 6,9% в 2017 г. до 6,1% в 2019 г.^[10] Темпы роста ВВП КНР имели устойчивый тренд на снижение уже на протяжении достаточно значительного времени, однако торговая война с США существенно ускорила данный процесс.

В связи с этим особым риском является описанный выше значительный объем корпоративной задолженности. В результате падения темпов роста ВВП процесс снижения долговой нагрузки существенно осложняется, что может

[5] Nonfinancial corporate debt, loans and debt securities // International Monetary Fund. — URL: https://www.imf.org/external/datamapper/NFC_LS@GDD/CHN (дата обращения 11.03.2021).

[6] Ma G. China's high and rising corporate debt: examining drivers and risks / Ma Guonan // MERICS. — 2019. — August 22. — P. 5–6. — URL: <https://merics.org/en/report/chinas-high-and-rising-corporate-debt> (дата обращения 11.03.2021).

[7] Tonchev P. What's in store for China's economy in 2020? / Plamen Tonchev // The Diplomat. — 2019. — December 28. — URL: <https://thediplomat.com/2019/12/whats-in-store-for-chinas-economy-in-2020/> (дата обращения 11.03.2021).

[8] Маслов А. А. Китай 2020. Пандемия, общество... — С. 23.

[9] Central Intelligence Agency Database. — URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/ch.html> (дата обращения 11.03.2021).

[10] World Economic Outlook Database // International Monetary Fund. — 2020. — April. — URL: https://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2020/01/weodata/weorept.aspx?pr.x=50&pr.y=12&sy=2017&ey=2021&scsm=1&ssd=1&sort=country&ds=.&br=1&c=924&s=NGDP_RPCH%2CPPPGRDP%2CPCIPCH%2CLUR&grp=0&a (дата обращения 11.03.2021).

стать причиной кризисных явлений для задолжавших предприятий, череду дефолтов и, как следствие, — еще большее сокращение темпов роста экономики, что, в свою очередь, еще в большей степени подвергнет риску китайские предприятия. Таким образом, избыточная корпоративная задолженность при снижении темпов роста ВВП может создать для страны экономическую спираль. В краткосрочной перспективе данная проблема может быть решена за счет либерализации монетарной политики, снижения процентных ставок, однако в долгосрочной перспективе это может привести к увеличению объема долгов и, следовательно, еще худшим экономическим последствиям.

2020 г. внес существенные коррективы в вышеописанную конъюнктуру как в связи с пандемией коронавируса, так и в связи с вызванным ей экономическим кризисом. Очевидно, имидж Китая в значительной степени пострадал в результате распространения вируса. При этом в качестве основного пункта обвинений, выдвигаемых в отношении Китая, выступает запоздалая реакция Китая на первые проявления эпидемии. Нередко озвучивается мнение, что если бы Китай ввел карантинные ограничения ранее, эпидемия имела бы значительно меньшие масштабы. На то, что время было упущено китайскими властями, указывает и доклад американских разведслужб касательно данных, предоставляемых китайским правительством: они являются недостоверными, намеренно занижаются^[11]. С другой стороны, необходимо признать,

что примененные жесткие карантинные ограничения оказались достаточно эффективными и позволили побороть эпидемию в короткие сроки, в отличие от западных стран, где недостаточно жесткий карантин привел как к распространению эпидемии, так и к более глубокому экономическому кризису. В этом ключе событие, с первого взгляда наносящее урон имиджу Китая, наоборот, существенно улучшает его имидж.

Китай, первым столкнувшись с пандемией, также первым из мировых экономических центров стал снимать карантинные ограничения и возобновлять экономическую деятельность. Это сыграло КНР на руку, так как в условиях практически остановившихся западных экономик, КНР имела возможность производить маски, перчатки и прочие медицинские и защитные товары и предоставлять их западным странам в рамках гуманитарной помощи. Как ожидается, широкое предоставление гуманитарной помощи будет неразрывно связано и с расширением политического влияния КНР. Тем не менее, на настоящий момент Китаю не удается добиться безусловно позитивного имиджа на международной арене, чему в значительной мере препятствуют действия США, ЕС и Австралии. Представители «западной оппозиции» стремятся сместить фокус внимания мировой общественности с гуманитарной помощи, оказываемой Китаем странам Запада, на ответственность Китая за само возникновение пандемии, в контексте чего гуманитарная помощь воспринимается как нечто

[11] Wadhams N., Jacobs J. China concealed extent of virus, U. S. Intelligence Says / Nich Wadhams, Jennifer Jacobs // Bloomberg. — 2020. — April 2. — URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2020-04-01/china-concealed-extent-of-virus-outbreak-u-s-intelligence-says> (дата обращения 11.03.2021).

само собой разумеющееся. Ответной реакцией Китая на попытки Запада возложить на него ответственность за распространение пандемии стал крутой поворот в методах действий китайских дипломатов за рубежом. Традиционно осмотрительная китайская дипломатия сменилась так называемой «дипломатией боевых волков»^[12] — нетерпимой в отношении каких-либо упреков в отношении Китая в контексте ответственности за возникновение пандемии. Влияние подобного решения на международное положение Китая двояко. С одной стороны, китайским дипломатам удастся избежать развязывания диалога касательно ответственности КНР за появление пандемии. Уже возникновение диалога с подобной повесткой, вне зависимости от его исхода, ставит КНР с идеологической точки зрения в невыгодное положение. Иными словами, КНР не дает представителям «западной оппозиции» сместить фокус в двусторонних отношениях с позитивной роли Китая в борьбе с пандемией на его ответственность за ее появление. Тем не менее, хотя Пекину удастся избежать разговора об ответственности, маловероятно, что тем самым ему удастся избежать недовольства западных коллег. В этом контексте можно говорить о том, что основная задача КНР в последние годы — ассоциация идеи китайского подъема с идеей позитивного развития миропорядка — не была выполнена^[13]. Запад

продолжает воспринимать растущую роль Китая не как драйвер позитивного развития, а как потенциальную угрозу. Это отражает и концепция НАТО^[14] на новое десятилетие, опубликованная 01.12.2020 г., в которой Китай наряду с Россией указывается в качестве основных угроз. Подобную риторику можно наблюдать и на уровне руководства ЕС. Это говорит о том, что государства запада стремятся выработать стратегию борьбы с новой стратегической угрозой, связанной с растущим глобальным влиянием Китая, в условиях того, что последний остается важным торговым партнером.

2020 г. поставил Китай и перед лицом ряда экономических трудностей. Первые месяцы пандемии привели к резкому падению спроса на китайскую продукцию в западных странах, что нанесло удар по экспортоориентированной экономике Китая. Тем не менее введение жестких ограничительных мер позволило Китаю преодолеть пандемию быстрее, чем большинству стран Запада, в связи с чем китайские фирмы получили конкурентное преимущество: в то время, как производство во многих странах мира было остановлено из-за продолжительного «локдауна», китайские фирмы смогли начать процесс восстановления производства раньше других. Это привело к резкому восстановлению экспорта, в результате чего Китаю удалось достичь самого высокого профицита торгового баланса с 2015 г. —

[12] Dettmer J. China's "wolf warrior" diplomacy prompts international backlash / Jamie Dettmer // VOA. — 2020. — May 6. — URL: <https://www.voanews.com/covid-19-pandemic/chinas-wolf-warrior-diplomacy-prompts-international-backlash> (дата обращения 11.03.2021).

[13] Денисов И. Е. Внешняя политика Китая при Си Цзиньпине: преемственность и новаторство / И. Е. Денисов // Контуры глобальных трансформаций. — 2017. — Том 10. — №5. — С. 89.

[14] NATO 2030: United for a New Era. — 2020. — November 25. — С. 27. — URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2020/12/pdf/201201-Reflection-Group-Final-Report-Uni.pdf (дата обращения 11.03.2021).

535 млн долл^[15]. В целом Китаю, в отличие от западных государств, удалось достичь роста национального ВВП в 2020 г.^[16], несмотря на текущий экономический кризис.

Экономический кризис 2020 г. не проходит бесследно, оказывая существенное влияние на экономический курс китайского правительства. В условиях пандемии Китай пошел по пути ускоренной реализации стратегии, принятой еще до кризиса 2020 г. — переориентации национальных экспортоориентированных предприятий на внутренний рынок, что согласуется с политикой китайского правительства последних лет^[17]. Тем не менее на настоящий момент китайский внутренний рынок все еще не обладает необходимой покупательной способностью; объемы внутреннего потребления в стране существенно упали в 2020 г., что сказалось на росте внешнеторгового профицита и привело к росту дефляционного давления на китайскую экономику. В качестве меры по борьбе с дефляцией КНР стала наращивать денежную массу, выдавая дешевые кредиты — метод, использовавшийся и в 2008 г. Таким образом, КНР увеличила целевой показатель дефицита госбюджета с 2,8% до 3,6%^[18]. На фоне повышения госрасходов власти многих регионов стали повышать уровень минимальных заработных плат — мера, согласующуюся как с долгосрочной стратегией переориентации китайской экономики на внутренний рынок, так

и с краткосрочной необходимостью увеличения покупательной способности населения для оживления экономики.

Одним из ключевых инструментов восстановления экономики после кризиса является активное инвестирование со стороны правительства. В этом контексте особенное значение для инвестиций имеет обновление инфраструктуры с применением технологий нового поколения — в частности, технологий 5G. Приоритетными областями инвестиций также являются большие массивы данных, облачные вычисления, робототехника, электромобилестроение, новые материалы, «зеленые» технологии и различные способы развития искусственного интеллекта.

Необходимо отметить, что определенные риски для Китая создает и его собственное достижение последних лет — инициатива «Один пояс — один путь». За последние годы в рамках инициативы Китай осуществлял масштабные инвестиции в инфраструктурные проекты стран Азии и Африки, в том числе и предоставляя займы развивающимся странам. В настоящее время большое количество стран-должников с высокой вероятностью не смогут выплачивать проценты из-за наступающего мирового экономического кризиса; в особенно сильной степени данный риск относится к странам Африки южнее Сахары. Страна-должники, осознавая свою будущую неспособность платить по кредитам, обвиняют Китай в недостаточно

[15] China Ends 2020 With Record Trade Surplus as Pandemic Goods Soar // Bloomberg. — 2020. — January 14. — URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2021-01-14/china-s-trade-surplus-hits-record-as-pandemic-fuels-exports> (дата обращения 11.03.2021).

[16] Global Economic Prospects // World Bank. — 2021. — URL: <https://www.worldbank.org/en/publication/global-economic-prospects> (дата обращения 11.03.2021).

[17] Цыплаков С. С. Китай выбирает стратегию на 15 лет...

[18] Маслов А. А. Китай 2020. Пандемия, общество... — С. 106.

эффективной политике сдерживания эпидемии, что привело к кризису в их экономиках и, как следствие, — к их неплатежеспособности. Это согласуется с западной позицией касательно роли Китая в событиях, связанных с пандемией, и является потенциальной угрозой для имиджа страны. КНР осознает, что отказ от реструктуризации долгов приведет к серии дефолтов и приведет к настолько сильным репутационным потерям, что осуществление дальнейшей инвестиционной деятельности окажется крайне затруднительным. В связи с этим Китай пошел на сотрудничество с западными странами-кредиторами в вопросе введения моратория на долги. Тем не менее и реструктуризация долгов является крайне проблематичной, так как многие страны-участники инициативы «Один пояс — один путь» прибегали к помощи китайских кредитов потому, что не соответствовали требованиям МВФ и Всемирного банка для получения международных кредитов в силу ряда политических и экономических проблем. Способность этих стран в обозримой перспективе выплатить Китаю долг представляется сомнительной. Сам же Китай показал себя достаточно жестким кредитором, не готовым «прощать» долги: зачастую китайская сторона требовала доступа к месторождениям полезных ископаемых от тех стран, которые не могли выплачивать долги^[19]. Таким образом, инициатива «Один пояс — один путь», в течение последних лет представлявшаяся значительным достижением китайской политики «мягкой силы»

и основным инструментом, с помощью которого Китай в будущем может стать способен вытеснить США с позиции мирового экономического лидера, оказалась ловушкой как для кредитора, так и для кредитруемых: кредитор не сможет в обозримом будущем получить средства обратно, а кредитруемые в обозримом будущем не смогут выплатить долги, и все это, как следствие, негативно сказывается на имидже самой инициативы и Китая в целом. В этих условиях в Китае говорят о необходимости повышения качества инвестиций в рамках данной инициативы, с тем чтобы средства уходили только в те проекты, которые точно будут окупаться^[20]. В случае, если корректировка инвестиционной политики будет проведена успешно, вероятно, можно ожидать позитивного развития инициативы в будущем.

ВЫВОД

К 2020 г. Китай подошел с широким спектром амбиций, а также существенным набором проблем. КНР отошла от традиционной политики «держаться в тени» и стала все заметнее позиционировать себя как глобального игрока. Позиция лидеров продвигалась как на экономическом уровне — с помощью инициативы «Один пояс — один путь», так и на идеологическом — с помощью идеи отождествления китайского развития с прогрессивным развитием мира. Тем не менее к моменту начала кризиса Китай также столкнулся с рядом проблем: «кредитный бум», демографическая проблема старения населения, проблемы инициативы

[19] Ким Е. Китай перестанет разбрасываться деньгами. — «Пояс и путь» под угрозой / Е. Ким // Regnum. — 2020. — 28 мая. — URL: <https://regnum.ru/news/polit/2963986.html> (дата обращения 11.03.2021).

[20] Там же.

«Один пояс — один путь», связанные с формированием долговой петли стран-участниц. Кризис 2020 г., с одной стороны, продемонстрировал, что основная идеологическая цель Китая — формирование позитивного имиджа страны на глобальном уровне — так и не была выполнена. КНР продолжает восприниматься Западом в качестве угрозы, и наличие определенного консенсуса западных стран в вопросе ответственности Китая за возникновение пандемии является явным доказательством этого. Несмотря на то, что китайской дипломатии на настоящий момент удастся избежать разжигания споров на международном уровне касательно ответственности Китая за появление пандемии, недостаточная гибкость «дипломатии боевых волков» негативно влияет на репутацию Китая, лишь пополняя ряды стран, выдвигающих претензии к КНР. С другой стороны, экономические условия, в частности, падение экспорта, усилило тренд на переориентацию китайской

экономики на внутренний рынок. Ключевую роль в данном направлении играют инвестиции в инновационные технологии. Кроме того, экономика КНР начала восстановление после кризиса существенно быстрее западных, что дает стране существенную фору. Будущая же трансформация глобальной роли Китая в политическом и экономическом измерениях будет, по-видимому, зависеть от трех ключевых факторов: насколько хорошо Китаю удастся противостоять единой западной оппозиции и ее влиянию (в первую очередь, через эффективные инструменты мягкой дипломатии); насколько Китаю удастся перейти на новую экономическую модель, подразумевающую менее высокие темпы роста ВВП, более высокую наукоемкость и ориентацию на внутренний рынок; а также насколько Китаю удастся справиться с проблемами инициативы «Один пояс — один путь» и сделать ее по-настоящему финансово привлекательным для стран-участниц проектом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Денисов И. Е. Внешняя политика Китая при Си Цзиньпине: преемственность и новаторство / И. Е. Денисов. — Текст: непосредственный // Контуры глобальных трансформаций. — 2017. — Том 10. — №5. — С. 83—98.
2. Ким Е. Китай перестанет разбрасываться деньгами. — «Пояс и путь» под угрозой / Е. Ким. — Текст: электронный // Regnum. — 2020. — 28 мая. — URL: <https://regnum.ru/news/polit/2963986.html> (дата обращения 11.03.2021).
3. Маслов А. А. Китай 2020. Пандемия, общество и глобальные альтернативы / А. А. Маслов. — Москва: Рипол-Классик, 2020. — 367 с. — Текст: непосредственный.
4. Цыплаков С. С. Китай выбирает стратегию на 15 лет / С. С. Цыплаков. — Текст: электронный // Институт исследований и экспертизы ВЭБ.РФ. — 2020. — 22 окт. — URL: <http://inveb.ru/ru/news/461-sergej-tsyplakov-kitaj-vybiraet-strategiyu-na-15-let> (дата обращения 11.03.2021).
5. Beavers O. China sees chance to expand global influence amid pandemic / Olivia Beavers. — Текст: электронный // The Hill. — 2020. — April 2. — URL: <https://thehill.com/policy/international/490719-china-sees-chance-to-expand-global-influence-amid-pandemic?amp> (дата обращения 11.03.2021).
6. Dettmer J. China's "wolf warrior" diplomacy prompt international backlash / Jamie

Dettmer. — Текст: электронный // VOA. — 2020. — May 6. — URL: <https://www.voanews.com/covid-19-pandemic/chinas-wolf-warrior-diplomacy-prompts-international-backlash> (дата обращения 11.03.2021).

7. Gibbs S. Weekly Insight: Surging Global Debt — What's Owed to China? / Sonja Gibbs. — Текст: электронный // Institute of International Finance. — 2020. — URL: <https://www.iif.com/Key-Topics/lapg16138/11> (дата обращения 11.03.2021). — Режим доступа: по подписке.

8. Ma G. China's high and rising corporate debt: examining drivers and risks / Ma Guonan. — Текст: электронный // MERICS. — 2019. — August 22. — URL: <https://merics.org/en/report/chinas-high-and-rising-corporate-debt> (дата обращения 11.03.2021).

9. Magnier M. Coronavirus runs roughshod over debt-laden belt and road projects / Mark Magnier. — Текст: электронный // South China Morning Post. The Coronavirus Pandemic. — 2020. — April 15. — URL: <https://www.scmp.com/news/china/diplomacy/article/3079918/coronavirus-runs-roughshod-over-debt-laden-belt-and-road> (дата обращения 11.03.2021).

10. Olson S. Managing supply chain risk in a post-COVID-19 world / Stephen Olson. — Текст: электронный // East Asia Forum. — 2020. — May 6. — URL: <https://www.eastasiaforum.org/2020/05/06/managing-supply-chain-risk-in-a-post-covid-19-world/> (дата обращения 11.03.2021).

11. Pettey C. Supply chain in the age of trade wars / Christy Pettey. — Текст: электронный // Gartner. — 2019. — February 11. — URL: <https://www.gartner.com/smarterwithgartner/supply-chain-in-the-age-of-trade-wars/> (дата обращения 11.03.2021).

12. Stevenson A. Coronavirus outbreak tests world's dependence on China / Alexandra Stevenson. — Текст: электронный // The New York Times. — 2020. — January 29. — URL: <https://www.nytimes.com/2020/01/29/business/china-coronavirus-economy.html> (дата обращения 11.03.2021).

13. Tonchev P. What's in store for China's economy in 2020? / Plamen Tonchev. — Текст: электронный // The Diplomat. — 2019. — December 28. — URL: <https://thediplomat.com/2019/12/whats-in-store-for-chinas-economy-in-2020/> (дата обращения 11.03.2021).

14. Vaswani K. China GDP: Bleak outlook for economic recovery post-virus / Karishma Vaswani. — Текст: электронный // BBC News. — 2020. — April 17. — URL: <https://www.bbc.com/news/business-52305259> (дата обращения 11.03.2021).

15. Wadhams N., Jacobs J. China concealed extent of virus, U. S. Intelligence Says / Nicholas Wadhams, Jennifer Jacobs. — Текст: электронный // Bloomberg. — 2020. — April 2. — URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2020-04-01/china-concealed-extent-of-virus-outbreak-u-s-intelligence-says> (дата обращения 11.03.2021).

REFERENCES

1. Beavers O. China sees chance to expand global influence amid pandemic / Olivia Beavers // The Hill. — 2020. — April 2. — URL: <https://thehill.com/policy/international/490719-china-sees-chance-to-expand-global-influence-amid-pandemic?amp> (access date 11.03.2021).

2. Cyplakov S. S. Kitaj vybiraet strategiyu na 15 let [China chooses its strategy for another 15 years] / S. S. Cyplakov // Institut issledovaniy i ekspertizy VEB.RF [Vnesheconombank
ВЫПУСК №1 (3) ЯНВАРЬ — МАРТ 2021

Institute]. — 2020. — October 22. — URL: <http://inveb.ru/ru/news/461-sergej-tsyplakov-kitaj-vybiraet-strategiyu-na-15-let> (access date 11.03.2021).

3. Denisov I. E. Vneshnyaya politika Kitaya pri Si Czin'pine: preemstvennost' i novatorstvo [Chinese Foreign Policy Under Xi Jinping: Continuity and Innovation] / I. E. Denisov // Kontury global'nyh transformacij [Outlines of global transformations: politics, economics, law]. — 2017. — Vol 10. — Issue 5. — P. 83–98.

4. Dettmer J. China's "wolf warrior" diplomacy prompt international backlash / Jamie Dettmer // VOA. — 2020. — May 6. — URL: <https://www.voanews.com/covid-19-pandemic/chinas-wolf-warrior-diplomacy-prompts-international-backlash> (access date 11.03.2021).

5. Gibbs S. Weekly Insight: Surging Global Debt — What's Owed to China? / Sonja Gibbs // Institute of International Finance. — 2020. — URL: <https://www.iif.com/Key-Topics/lapg16138/11> (access date 11.03.2021). — Access mode: personal subscription.

6. Kim E. Kitaj perestanut razbrasyvat'sya den'gami. — «Poyas i put'» pod ugrozoi [China is going to stop wasting money. Belt and Road initiative is under threat] / E. Kim // Regnum. — 2020. — May 28. — URL: <https://regnum.ru/news/polit/2963986.html> (access date 11.03.2021).

7. Ma G. China's high and rising corporate debt: examining drivers and risks / Ma Guonan // MERICS. — 2019. — August 22. — URL: <https://merics.org/en/report/chinas-high-and-rising-corporate-debt> (access date 11.03.2021).

8. Magnier M. Coronavirus runs roughshod over debt-laden belt and road projects / Mark Magnier // South China Morning Post. The Coronavirus Pandemic. — 2020. — April 15. — URL: <https://www.scmp.com/news/china/diplomacy/article/3079918/coronavirus-runs-roughshod-over-debt-laden-belt-and-road> (access date 11.03.2021).

9. Maslov A. A. Kitaj 2020. Pandemiya, obshchestvo i global'nye al'ternativy [China in 2020. The Pandemic, Society, and Global Alternatives] / A. A. Maslov. — Moscow: Ripol-Klassik, 2020. — 367 p.

10. Olson S. Managing supply chain risk in a post-COVID-19 world / Stephen Olson // East Asia Forum. — 2020. — May 6. — URL: <https://www.eastasiaforum.org/2020/05/06/managing-supply-chain-risk-in-a-post-covid-19-world/> (access date 11.03.2021).

11. Pettet C. Supply chain in the age of trade wars / Christy Pettet // Gartner. — 2019. — February 11. — URL: <https://www.gartner.com/smarterwithgartner/supply-chain-in-the-age-of-trade-wars/> (access date 11.03.2021).

12. Stevenson A. Coronavirus outbreak tests world's dependence on China / Alexandra Stevenson // The New York Times. — 2020. — January 29. — URL: <https://www.nytimes.com/2020/01/29/business/china-coronavirus-economy.html> (access date 11.03.2021).

13. Tonchev P. What's in store for China's economy in 2020? / Plamen Tonchev // The Diplomat. — 2019. — December 28. — URL: <https://thediplomat.com/2019/12/whats-in-store-for-chinas-economy-in-2020/> (access date 11.03.2021).

14. Vaswani K. China GDP: Bleak outlook for economic recovery post-virus / Karishma Vaswani // BBC News. — 2020. — April 17. — URL: <https://www.bbc.com/news/business-52305259> (access date 11.03.2021).

15. Wadhams N., Jacobs J. China concealed extent of virus, U. S. Intelligence Says / Nich Wadhams, Jennifer Jacobs // Bloomberg. — 2020. — April 2. — URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2020-04-01/china-concealed-extent-of-virus-outbreak-u-s-intelligence-says> (access date 11.03.2021).

Политико-географические риски формирования государства Палестина

Груздева Екатерина
МГИМО

АННОТАЦИЯ

Арабо-израильский конфликт между Израилем и Палестиной — это яркий пример затяжного территориального конфликта. Ситуацию осложняет то, что компромисс сторон практически невозможен, и государственность Палестины с момента создания в 1948 Организацией Объединенных наций арабского и еврейского государств остается проблемой не только для региона, но и для всего мирового сообщества. В работе исследуется проблема политико-географических рисков, связанных с образованием государственности Палестины. Автор выдвигает гипотезу: территориальная целостность государства является определяющей причиной для формирования государственных институтов. Проблема рассмотрена в контексте институциональной парадигмы, так как анализируются политическая организация власти: население, территория, суверенитет.

Исследовательский вопрос: каким образом политико-географические риски препятствуют формированию государственности в Палестине. В статье рассматривается исторический контекст формирования государственности в Палестине и анализируются особенности установления границы между арабским и еврейским государствами.

Объект исследования — формирование государственности Палестины; предмет — политико-географические риски образования государства.

Выделяются два основных риска, которые лежат в основе данного исследования. Первый риск — географическая фрагментированность и политический сепаратизм на территориях, контролируемых Палестинской национальной администрацией; второй риск — еврейские поселения на территории Западного берега реки Иордан и особенности механизмов их управления.

Цель исследования — выявить влияние особенностей территориальной организации на формирование государственности на примере Палестины.

Данное исследование опирается на теоретическую рамку вопроса политико-географических рисков, связанных с территориальной организацией государства. В работе использован метод исторического анализа. В статье рассматривается связь единства территории и государственности с точки зрения политико-географических рисков формирования государственности, а также раскрыты понятия морфологии территории, территориальной целостности и суверенитета.

Новизна исследования состоит в том, что проблема рассматривается с точки зрения географической диспозиции и территориальных особенностей региона. Автор рассматривает решение проблемы территориальной раздробленности Палестины и сепаратизма в отдельных ее частях в качестве отправной точки для дальнейшего урегулирования конфликта.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Арабо-израильский конфликт, Палестина, территориальный конфликт, еврейские поселения, политико-географические риски, Западный берег, сектор Газа

Political and geographical risks of the State of Palestine formation

Gruzdeva Ekaterina
MGIMO

ABSTRACT

The Arab-Israeli conflict between Israel and Palestine is a prime example of a protracted territorial conflict. The situation is being complicated by the fact that the compromise between the parties is hard to be reached. Since 1948 when Arab and Jewish states were established by the United Nations the statehood of Palestine has remained a problem both for the region and for the entire world community. The article observes the problem of political and geographical risks concerning the formation of the statehood in Palestine. The author suggests a hypothesis that the territorial integrity of the state determines the formation of state institutions. The institutional paradigm provides a basis for the research since the article analyzes the political organization of power, population, territory, sovereignty.

The research question is how political and geographical risks prevent the formation of statehood in Palestine. The article considers a historical context of the statehood formation in Palestine, besides it analyzes the process of boarder settlement between Arabic and Jewish States.

The research object is the formation of the statehood in Palestine, while the political and geographical risks of Palestinian State formation is under study.

KEYWORDS

Arab-Israeli conflict, Palestine, territorial conflict, Jewish settlements, political and geographical risks, West Bank, Gaza Strip.

The two main risks, which the research is based on, are indicated. The first risk is geographic fragmentation and political separatism in the territories of Palestine; the second risk is Jewish settlements in the West Bank and the mechanisms of their management.

The purpose of the research is to determine the influence of the territorial organization on the formation of statehood using the example of Palestine.

The article considers the question of political and geographical risks of the statehood formation from the point of view of the features of Palestinian territory.

The method of the historical analysis is used. The article examines the connection between the unity of territory and statehood from theoretical point of view, describes the political and geographical risks of the formation of statehood as well as the concepts of morphology of the territory, territorial integrity and sovereignty.

The novelty of the research is the problem consideration from the point of view of geographical disposition and territorial features of the region. The author considers the solution of the problem of territorial fragmentation of Palestine and separatism in some parts as a starting point for further conflict settlement.

История арабо-израильского конфликта уходит глубоко корнями в прошлое. Исторические, культурные, религиозные, политические причины тормозят мирное урегулирование и решение конфликта. Палестинский вопрос вызывает бурные обсуждения в научных кругах с момента принятия ООН резолюции № 181 о создании на территории Палестины двух государств — государства Израиль и арабского государства. Палестина еще с конца XIX века привлекала внимание ученых и путешественников, а также дипломата К.М. Базили, историка В.Б. Луцкого, исследовавшего политический аспект арабского интеграционного движения. Проблематике урегулирования конфликтов на Ближнем Востоке, в том числе и в Палестине, посвящены работы В.В. Григорьева, Р.М. Давыдова, А.З. Егорина, В.С. Копина, А.В. Кудрявцева. К современным исследованиям, в которых авторы поднимают проблему развития и урегулирования палестинско-израильского конфликта, относятся монография Е.Д. Пырлина «100 лет противоборства: генезис, эволюция, современное состояние и перспективы решения палестинской проблемы», монография А.В. Федорченко, А.В. Крылова, В.М. Морозова «Государство Палестина: право на будущее».

Авторы традиционно делают упор на исторический аспект вопроса (национальный, культурный, политический, религиозный), однако целью данного исследования является выявление зависимости формирования государственности от особенностей территориальной организации на примере Палестины.

В рамках этой цели поставлены задачи: 1) рассмотреть теоретические стороны взаимозависимости морфологии территории и государственности; 2) изучить морфологию территории Палестины 3) рассмотреть влияние еврейских поселений на формирование государственных институтов; 4) исследовать политико-географические риски, с которыми сталкивается Палестина; 5) выявить пути преодоления проблемы и предпринимаемые меры по разрешению конфликта.

МОРФОЛОГИЯ ТЕРРИТОРИИ

Морфология территории государства — значимая политико-географическая характеристика, от которой зависит развитие государства. Р.Ф. Туровский выделяет следующую классификацию территорий государств:

1. государства «неправильной» формы;
2. фрагментированные государства;
3. государства, имеющие в своем составе эксклав;
4. государства, территорию которых нарушают крупные природные барьеры [1].

В государствах, имеющих любую из приведенных выше морфологию, часто возникают трудности, связанные с протяженностью транспортных коммуникаций, обороной, экономическим обеспечением, управлением, а также высок риск развития сепаратизма. Политико-географические риски формирования государственности в данном контексте можно определить как некоторые условия, дальнейшее развитие которых непосредственно

[1] Туровский Р. Ф. Политическая география: учебное пособие / Р. Ф. Туровский. — Смоленск: Изд-во СГУ, 1999. — 381 с. — С. 67-68.

влияет на ситуацию так, что впоследствии может привести к благоприятному или неблагоприятному разрешению проблемы [2].

Отсутствие единого центра управления — это один из политико-географических рисков, который является препятствием для формирования государственности. Государственной территорией принято считать такую территорию, которая «находится под суверенитетом определенного государства, т. е. принадлежит определенному государству, осуществляющему в ее пределах свое территориальное верховенство».[3] Помимо количественных характеристик территории, важны ее качественные особенности. По классификации Р.Ф. Туровского, одной из «неудобных» форм распределения территории является фрагментированное государство или государство, имеющее эксклавы.[4] Основная угроза для государств подобных форм — сепаратизм на отдельных территориях. Происходит центробежный процесс на почве фактора разнообразия.[5]

Принадлежность территории государству определяется тем, насколько это государство выполняет свои функции на ней. Территория принадлежит тому государству, которое способно ее удержать и осуществлять власть на ней.[6] Из этого можно сде-

лать вывод, что, во-первых, сепаратизм на некоторых территориях обусловлен геополитическим положением государства, как, например, неправильная морфология территории. Во-вторых, центробежные процессы поддерживаются и развиваются под воздействием неких внутренних сил, осуществляющих власть на территории или ее части и посягающих на государственный суверенитет.

Таким образом, неправильная форма территории и разобщенность центральной власти с властью эксклава препятствуют формированию единого государства с организованными институтами власти, хотя и другие признаки государственности — население и территория — присутствуют. В случае Палестины разделённость ее территории и значительная автономия управления сектора Газа — одна из причин сепаратизма в секторе.

ТЕРРИТОРИЯ И СУВЕРЕНИТЕТ. РАЗДРОБЛЕННОСТЬ ТЕРРИТОРИИ.

Важными признаком государства, помимо территории, является суверенитет.[7] Территория государства — это часть территории земного шара, находящаяся под суверенитетом определенного государства.[8] Суверенитет — это политико-правовое свойство, выражающее верховенство государства внутри

[2] Матвеев Ю. И. Современные подходы к изучению риска / Ю. И. Матвеев. // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. — 2012. — №1. — С. 165-166. — URL: <https://clck.ru/Q6rRW> (дата обращения: 05.08.2020).

[3] Курс международного права: Основные институты и отрасли современного международного права. В 6-ти томах. — Т. 2 / Верецагин А. Н., Ганюшкин Б. В., Жуков Г. П., Захарова Н. В. и др. — Москва: Наука, 1994. — С. 58.

[4] Туровский Р. Ф. Политическая география. — С. 67.

[5] Там же. С. 84

[6] Орлов А. С. Неопределенность правовой природы государственной территории как фактор международных территориальных конфликтов / А. С. Орлов. // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». — 2007. — №2. — URL: <https://clck.ru/Q6rWd> (дата обращения: 05.08.2020).

[7] Словарь международного права. 3-е изд. перераб. и доп. — Москва: Статут, 2014. — С. 70

[8] Голубчик М. М. Политическая география мира: Учебное пособие / М. М. Голубчик. — Смоленск: Изд-во СГУ, 1998. — С. 38.

страны и его самостоятельность и независимость во внешних делах.^[9] Однако понятие суверенитета не является однозначным и в процессе исторического развития приобретает разные проявления и трактовки. Н.И. Грачев предлагает рассмотреть суверенитет с нескольких сторон: 1) в качестве идеи; 2) как объективно существующее явление в его историческом развитии; 3) в качестве юридической конструкции.^[10]

В современных международных отношениях понятие суверенитета меняет свою направленность и может оставаться закрепленным в конституции правом государства распространять власть на всю его территорию. Фактически часть полномочий государства ограничена новыми акторами международных отношений — наднациональными организациями. Тем не менее, государства не отказываются полностью от своего права верховенства над определенной территорией — суверенитет как идея по-прежнему лежит в основе любого государства и является основанием на его существование.

Идея суверенитета сталкивается с идеей национального самоопределения, поэтому государства не отказываются от первой, чтобы сохранить влияние внутри во внутренних делах и на внешней арене. Однако идея суверенитета не может приниматься в качестве абсолюта. Она становится гибким инструментом политического влияния.^[11]

Образование государства связано с определенной территорией, заселенной определенным народом (народами), над которой вершится публичная власть. Однако публичность государственной власти — значимый, но недостаточный ее признак. Власть может быть публичной, но при этом не верховной, не суверенной. Суверенность власти означает, что она не подконтрольна никакой другой вышестоящей власти. Помимо внешнего суверенитета, государственная власть должна обладать правом верховной власти внутри самого государства. Если территориальная целостность нарушена, и, кроме установленных государством законов, вмешиваются другие, действующие только на части его территории, то суверенитет верховной власти становится под вопросом. В государстве не может существовать две или больше равные по силе власти. Отсюда следует вывод о роли территориальной целостности для суверенного государства.

Целостность территории помогает поддерживать транспортное сообщение. Если оно затруднительно из-за анклавов иной власти, то создаются дополнительные преграды в функционировании государственных систем и государство определяется как «государство с ослабленной суверенностью».^[12] Здесь хотелось бы отметить роль транспортного сообщения в сохранении целостности государствен-

[9] Курс международного права. — С. 84

[10] Грачев Н. И. Мифология и суверенитет: верховная власть сквозь призму сакральных традиций / Н.И. Грачев. // Право и жизнь. Независимый научно-популярный журнал. — 2002. — № 49 (6).

[11] Андреев Ю. В. Проблемы суверенитета и международная безопасность / Ю. В. Андреев. // Власть. — 2011. — №1. — URL: <https://clck.ru/Q6qbh> (дата обращения: 05.08.2020).

[12] Звягельская И. Д. Суверенитет и государственность на Ближнем Востоке — невыносимая хрупкость бытия / И. Д. Звягельская. // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. — 2017. — №2. — С. 106. — URL: <https://clck.ru/Q6r6X> (дата обращения: 05.08.2020).

ной территории. Это интеграционное средство, связывающее регионы и создающее благоприятные возможности для налаживания торговли и единого экономического пространства — одного из признаков государственности.^[13]

Из приведенных данных следует сделать вывод, что суверенитет как идея может поддаваться запросам политики, но целостность территории является определяющим признаком существования государства.

ОСОБЕННОСТЬ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ПАЛЕСТИНЫ

Территориями Палестины по данным на 2020 год признаются сектор Газа и Западный берег реки Иордан, на котором расположены еврейские поселения, контролирующие около 76,2% территории.^[14] В настоящее время Палестина — это частично признанное государство. На пути образования суверенного государства стоит проблема целостности и политико-географического единства территории, которая в настоящее время сильно фрагментирована и состоит из нескольких сотен анклавов. Палестина не обладает основными признаками государства: политическое, территориальное и структурное единство.

Первый риск формирования государственности Палестины — сепаратизм в секторе Газа. Территории, контролируемые Палестинской национальной администрацией, раздроблены не только географически, но и полити-

чески: каждая территория автономна, и на каждой действует своя администрация. С 2006 года сектор Газа находится под контролем движения ХАМАС, в то время как территория Западного берега управляется Палестинской национальной администрацией — признанным правительством Палестины, лидирующие позиции в парламенте занимает партия ФАТХ, лидером которой является действующий президент Палестины Махмуд Аббас.^[15]

Фактически Западный берег и сектор Газа составляют две части одного государства. Западный берег с 1991 года проводит политику мирного урегулирования, ПНА активно принимает участие во всех мирных переговорах с Израилем и открыта для решения конфликта дипломатическими методами. Сектор Газа имел большую автономию от управляющего центра из-за его удаленности от основной территории и иного политико-географического положения, поэтому в нем получило широкую поддержку населения радикально-экстремистское национальное движение ХАМАС. Причины популярности движения кроются не только в особенности географического положения сектора Газа, но и в ориентации программы ХАМАС на социальные и внутривнутриполитические проблемы.

Существует несколько причин, почему сектор Газа не идет на мирное урегулирование. Поскольку центр не способен обеспечить достаточную защиту и избавление от оккупантов для сек-

[13] Грудцын Н. А. Геополитический фактор развития транспортных систем / Н. А. Грудцын. // Вестник СПбГУ. Науки о Земле. — 2016. — №4. — URL: <https://clck.ru/Q6qxe> (дата обращения: 05.08.2020).

[14] Area C. The Key to the Two-State Solution / Jerusalem: Palestinian Academic Society for the Study of International Affairs. — 2012. — December. — P. 3 — URL: <https://clck.ru/TgwTT> (дата обращения 12.03.2021).

[15] Вопрос о Палестине и Организация Объединенных Наций: Брошюра. / Организация Объединенных Наций. — Нью-Йорк. — 2008. — С. 59. — URL: <https://clck.ru/Q6qjq> (дата обращения: 05.08.2020).

тора Газа, внутренние силы сектора стали проводить свою политику вразрез признанной администрации. В первую очередь они воспринимались как защитники территории, но отсутствие правового регулирования и контроля их действий привело к дезинтеграции с Западным берегом в политическом курсе. Популярность ХАМАС среди населения увеличивалась пропорционально увеличению давления Израиля. На выборах в парламент представители ХАМАС получили большинство, заняв 74 места.^[16] Более того, бедность и безработица вынуждает население вступать в террористические и экстремистские исламские организации, что радикализирует общество Газы.^[17]

Второй риск формирования государственности Палестины — еврейские поселения на Западном берегу. Целостность территории Западного берега была нарушена еще в 1949 году в результате арабо-израильской войны, когда Израиль оккупировал часть территории арабского государства, а в 1967 году Израиль устанавливает свои органы военной администрации на Западном берегу, которые контролируют большую часть Палестины. В 1981 военная администрация была заменена на гражданскую, но сам факт присутствия еврейских поселений на территориях, контролируемых ПНА, мешает формированию государственности.

В 1995 году по соглашению «Осло- 2» территория Западного берега была поделена на три зоны ответственности.

Под ответственностью ПНА находилось 2% территории. Западный берег разделен на 227 анклавов, которые могут быть полностью изолированы друг от друга в случае военного переворота или антиссионистских выступлений (рис. 1).

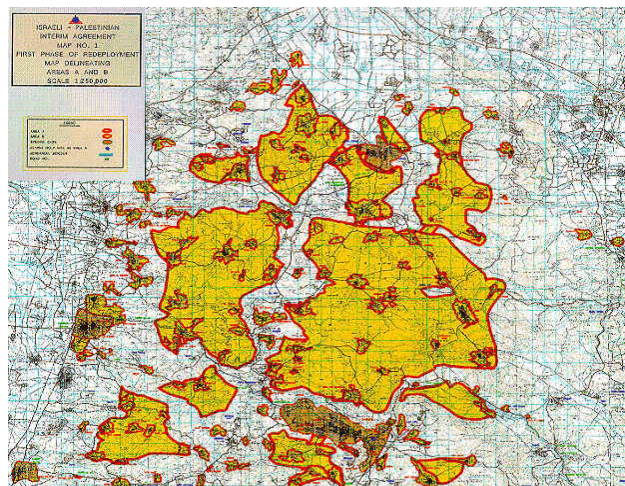

Рис.1 Разделение территории Западного берега на зоны
Источник: Israel-Palestinian Negotiations: Interim Agreement on the West Bank and the Gaza Strip (Oslo II) - Article 11.
URL: <https://clck.ru/Q6sCQ>

Связь территорий ослаблена, поскольку над более чем 30% установлен израильский контроль, на 40% расположены КПП и блокпосты. За 2016 год площадь израильских поселений на территориях, контролируемых ПНА, возросла на 34%.^[18]

Израильские поселения расположены таким образом, что вокруг находятся пустующие территории, которые с разрешения израильских властей объявляются государственной собственностью Израиля. Это приводит к тому, что зона «А», где контроль над территорией осуществляет ПНА, согласно Временному палестино-израильскому соглашению

[16] Palestine Chronology. — 2006. — P. 1. — URL: <https://clck.ru/Q6sWc> (дата обращения: 05.08.2020).

[17] Федорченко А. В., Крылов А. В., Морозов В. М. Государство Палестина: право на будущее / А. В. Федорченко, А. В. Крылов, В. М. Морозов. — МГИМО-Университет, 2018. — С. 135-136.

[18] Palestine Chronology. — 2017. — P. 3. — URL: <https://clck.ru/Q6sLv> (дата обращения: 05.08.2020).

по Западному берегу Иордана и сектору Газа от 28 сентября 1995 года,^[19] зависит от администраций поселений.

Израильские поселения на территории Западного берега имеют абсолютный контроль над водными ресурсами. В связи с этим, ПНА, чтобы обеспечить выживание граждан, вынуждена идти на покупку 17% ресурсов по рыночной цене.^[20] ПНА не обладает ни военной, ни административной властью над своими территориями, что дает основание квалифицировать ее как государство с ослабленной суверенностью.^[21]

Власти Израиля поддерживают переселенцев обеспечивая их льготами и дотациями. С 2007 по 2017 год доля еврейского населения на оккупированных территориях Палестины увеличилась на 5,3%.^[22]

Палестина — фрагментированное государство с ярко выраженной дробностью одной из территорий и ослабленной суверенностью. Особенности ее территориальной организации: сепаратизм в секторе Газа и изолированность анклавов на Западном берегу из-за расположения еврейских поселений между ними. Для формирования государственности необходимо преодолеть приведенные риски.

В связи с последними событиями, связанными с установлением дипломатических отношений между ОАЭ и Израилем решение проблемы может снова затянуться на неопределенный срок. Конфликт требует консолидации власти на территориях, находящихся

под контролем ПНА, а также решения таких проблем как формирование национальной идентичности, бедность населения, отсутствие социальных гарантий. Органы власти Палестины не имеют ресурсов для объединения раздробленного — как территориально, так и идеологически — общества.

МЕРЫ ПО ПРЕОДОЛЕНИЮ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ РАЗДРОБЛЕННОСТИ

На настоящий момент главной задачей ПНА является преодоление географической раздробленности подконтрольных территорий. Это касается как политической интеграции Западного берега и сектора Газа, так и объединение территорий сектора «А» (по договору «Осло-2») на Западном берегу. ПНА предпринимает попытки реализации этих целей, стремясь наладить диалог с Израилем и за столом переговоров добиться освобождения территорий, а также принимает внутренние законодательные акты и доктрины, направленные на преодоление географической раздробленности.

В 1987 на территориях, контролируемых ПНА, прокатилась волна народных протестов против израильских поселений. Борьба выразилась в форме выступлений рабочих, женщин и молодежи — интифады (с арабск. «восстание»). За выступлениями последовали реакционные меры Израиля, впоследствии чего конфликт приобрел агрессивный характер.

[19] Israel-Palestinian Negotiations: Interim Agreement on the West Bank and the Gaza Strip (Oslo II). Article XI. — URL: <https://clck.ru/Q6sCQ> (дата обращения: 05.08.2020).

[20] Федорченко А. В., Крылов А. В., Морозов В. М. Государство Палестина: право на будущее... С. 188.

[21] Звягельская И. Д. Суверенитет и государственность на Ближнем Востоке... С. 106.

[22] Федорченко А. В., Крылов А. В., Морозов В. М. Государство Палестина: право на будущее... С. 179.

В 1988 году Иордания отказалась от притязаний на Западный берег. В ответ на это Национальный Совет Палестины (НСП) прекратил все имеющиеся юридические и административные договоренности с Иорданией. Этот шаг можно расценивать как самостоятельный шаг палестинской администрации в вопросах отстаивания национального суверенитета на международной арене. Более того, НСП, приняв Декларацию независимости Палестины, отталкиваясь от норм международного права и резолюции Генеральной Ассамблеи 181 (II) от 1947 года, заявил о себе как о полноценном члене международного сообщества.

Декларация принципов о временных мерах по самоуправлению (1993), предполагала создание органов самоуправления на каждой из территорий — Западный берег и сектор Газа. Важным этапом в освобождении территории стало Израильско-палестинское временное соглашение по Западному берегу и сектору Газа, потому что оно предполагало планомерное освобождение территории Палестины от израильтян, а также расширение полномочий палестинских властей.

Меморандум Уай-Ривер стал еще одним достижением в процессе переговоров, так как предполагал вывод израильских войск с 13% территории Палестины.^[23]

Следующий этап мирного урегулирования начался со второй интифады. Она подорвала ход процесса и положила начало многолетним боевым действиям.

Террористические атаки со стороны Палестины способствовали ужесточению режимов на оккупированных территориях, поэтому все предыдущие достижения мирного процесса были аннулированы де-факто. Шарм-эш-Шейхская конференция должна была стать завершением интифады и возвращением на путь переговоров, но была заморожена из-за очередного террористического акта.

Из приведенных фактов можно сделать вывод, что помимо внешнеполитических соглашений и переговоров необходимы решения вопросов терроризма и безопасности внутри государств. Несмотря на соглашения о постепенном выводе израильских оккупантов с территорий, контролируемых ПНА, и прекращении строительства поселений, в период 1990 — 1995 гг. численность израильских поселенцев увеличилась на 10%.^[24]

Географическая раздробленность государства — причина серьезных экономических затрат, связанных с трудностями налаживания сетей коммуникаций и инфраструктуры. ПНА для преодоления кризисных явлений положила в основу национальных приоритетных направлений политики на 2017 — 2022 гг. вложения в водопроводную, электрическую, транспортную, телекоммуникационную и интернет системы. Единство инфраструктуры снизит тенденции сепаратизма на отдельных территориях и создаст прочную, материально воплощенную базу для дальнейшей интеграции анклавных территорий.^[25]

[23] Вопрос о Палестине и Организация Объединенных Наций... С. 39-40.

[24] Крылов А. В., Сорокина Н. М. Анализ основных документов палестино-израильского переговорного процесса после подписания норвежских соглашений (1996 – 2001 гг.) / А. В. Крылов, Н. М. Сорокина. // Аналитические доклады — 2011. — №1(25). — С. 11. — URL: <https://clck.ru/Q6rEM> (дата обращения: 05.08.2020).

[25] Infrastructure / Palestinian Academic Society for the Study of International Affairs. — P. 1. — URL: <https://clck.ru/Q6s6k> (дата обращения: 05.08.2020).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Палестинская проблема во многом обусловлена, с одной стороны, внутривнутриполитическими, а с другой — межэтническими противоречиями в вопросе о формировании государства. В данной работе выделены два основных риска, которые находят отражение на процессе формирования государственности.

К внутреннему противоречию относится риск сепаратизма на территории сектора Газа. Второй риск связан с нарушением целостности территории Западного берега еврейскими поселениями и невозможностью установления верховенства суверенитета государства над ней.

Ввиду последних событий, связанных с установлением дипломатических отношений между ОАЭ и Израилем, решение проблемы может вновь затянуться на неопределенный срок. Конфликт требует консолидации власти на территории Палестины, а также решение таких проблем как формирование национальной идентичности, бедность населения, отсутствие социальных гарантий. На данный момент органы власти Палестины не имеют ресурсов для объединения раздробленного — как территориально, так и идеологически — общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреев Ю. В. Проблемы суверенитета и международная безопасность / Ю. В. Андреев. — Текст: непосредственный // Власть. — 2011. — №1. — С. 97-100. — URL: <https://clck.ru/Q6qbh> (дата обращения: 05.08.2020).
2. Вопрос о Палестине и Организация Объединенных Наций: Брошюра. / Организация Объединенных Наций. — Нью-Йорк. — 2008. — 137 с. — URL: <https://clck.ru/Q6qjq> (дата обращения: 05.08.2020). — Текст: электронный.
3. Голубчик М. М. Политическая география мира: Учебное пособие / М. М. Голубчик. — Смоленск: Изд-во СГУ, 1998. — 312 с. — Текст: непосредственный.
4. Грачев Н. И. Мифология и суверенитет: верховная власть сквозь призму сакральных традиций / Н. И. Грачев. — Текст: непосредственный. // Право и жизнь. Независимый научно-популярный журнал. — 2002. — № 49 (6).
5. Грачев Н. И. Происхождение суверенитета: Верховная власть в мировоззрении и практике государственного строительства традиционного общества / Н. И. Грачев. — Москва: ИКД «Зерцало-М», 2009. — 320 с. — Текст: непосредственный.
6. Грудцын Н. А. Геополитический фактор развития транспортных систем / Н. А. Грудцын. — Текст: непосредственный // Вестник СПбГУ. Науки о Земле. — 2016. — №4. — С. 134-143. — URL: <https://clck.ru/Q6qxe> (дата обращения: 05.08.2020).
7. Звягельская И. Д. Суверенитет и государственность на Ближнем Востоке — невыносимая хрупкость бытия / И. Д. Звягельская. — Текст: непосредственный // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. — 2017. — №2. — С. 97-109. — URL: <https://clck.ru/Q6r6X> (дата обращения: 05.08.2020).
8. Крылов А. В., Сорокина Н. М. Анализ основных документов палестино-израильского переговорного процесса после подписания норвежских соглашений (1996–2001 гг.) / А. В. Крылов, Н. М. Сорокина. — Текст: непосредственный // Аналитические доклады — 2011. — №1(25). — 82 с. — URL: <https://clck.ru/Q6rEM> (дата обращения: 05.08.2020).

9. Курс международного права: Основные институты и отрасли современного международного права. В 6-ти томах. — Т. 2 / Верещагин А. Н., Ганюшкин Б. В., Жуков Г. П., Захарова Н. В. и др. — Москва: Наука, 1994. — 451 с. — Текст: непосредственный.
10. Матвеев Ю. И. Современные подходы к изучению риска / Ю. И. Матвеев — Текст: непосредственный // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. — 2012. — №1. — С. 165-166. — URL: <https://clck.ru/Q6rRW> (дата обращения: 05.08.2020).
11. Орлов А. С. Неопределенность правовой природы государственной территории как фактор международных территориальных конфликтов / А. С. Орлов. — Текст: непосредственный // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». — 2007. — №2. — URL: <https://clck.ru/Q6rWd> (дата обращения: 05.08.2020).
12. Словарь международного права. 3-е изд. перераб. и доп. — Москва: Статут, 2014. — 495 с. — Текст: непосредственный.
13. Туровский Р. Ф. Политическая география: учебное пособие / Р. Ф. Туровский. — Смоленск: Изд-во СГУ, 1999. — 381 с. — Текст: непосредственный.
14. Федорченко А. В., Крылов А. В., Морозов В. М. Государство Палестина: право на будущее / А. В. Федорченко, А. В. Крылов, В. М. Морозов. — МГИМО-Университет, 2018. — 418 с. — Текст: непосредственный.
15. Area C. The Key to the Two-State Solution / Jerusalem: Palestinian Academic Society for the Study of International Affairs. — 2012. — December. — 11 p. — URL: <https://clck.ru/TgwTT> (дата обращения 12.03.2021). — Текст: электронный.
16. Infrastructure / Palestinian Academic Society for the Study of International Affairs. — 11 p. — URL: <https://clck.ru/Q6s6k> (дата обращения: 05.08.2020). — Текст: электронный.

REFERENCES

1. Andreev Ju. V. Problemy suvereniteta i mezhdunarodnaja bezopasnost' [The issues of sovereignty and international security] / Ju. V. Andreev. // Vlast' [Power]. — 2011. — №1. — P. 97-100. — URL: <https://clck.ru/Q6qbh> (access date: 05.08.2020).
2. Area C. The Key to the Two-State Solution / Jerusalem: Palestinian Academic Society for the Study of International Affairs. — 2012. — December. — 11 p. — URL: <https://clck.ru/TgwTT> (access date 12.03.2021).
3. Fedorchenko A. V., Krylov A. V., Morozov V. M. Gosudarstvo Palestina: pravo na budushhee [Palestine State: right for the future] / A. V. Fedorchenko, A. V. Krylov, V. M. Morozov. — MGIMO-Universitet. — 2018. — 418 p.
4. Golubchik M. M. Politicheskaja geografija mira: uchebnoe posobie [World political geography: a manual] / M. M. Golubchik. — Smolensk: SGU, 1998. — 312 p.
5. Grachev N. I. Mifologiya i suverenitet: verhovnaya vlast' skvoz' prizmu sakral'nyh tradicij [Mythology and sovereignty: supreme power through the prism of sacred traditions] / N. I. Grachev. // Pravo i zhizn'. Nezavisimyj nauchno-populyarnyj zhurnal [Law and life. Independent popular scientific journal]. — 2002. — № 49 (6).
6. Grachev N. I. Proishozhdenie suvereniteta: Verhovnaja vlast' v mirovozzrenii i praktike gosudarstvennogo stroitel'stva tradicionnogo obshhestva [The origin of sovereignty: supreme power in the worldview and practice of state building of traditional society] / N. I. Grachev. — Moscow: IKD «Zercalo-M», 2009. — 320 p.

7. Grudtcyn N. A. Geopoliticheskij faktor razvitija transportnyh sistem [The geopolitical factor in the development of transport systems] / N. A. Grudtcyn. // Vestnik SPbGU [Vestnik of Saint Petersburg University]. — 2016. — №4. — P. 134-143. — URL: <https://clck.ru/Q6qxe> (access date: 05.08.2020).
8. Infrastructure / Palestinian Academic Society for the Study of International Affairs. — 11 p. — URL: <https://clck.ru/Q6s6k> (access date: 05.08.2020).
9. Krylov A. V., Sorokina N. M. Analiz osnovnyh dokumentov palestino-izrail'skogo peregovornogo processa posle podpisaniya norvezhskih soglashenij (1996–2001 gg.) [The analysis of the main documents of Israeli-Palestinian negotiation process after signing of Oslo Accords (1996–2001)] / A. V. Krylov. // Analiticheskie doklady [Analytical reports]. — 2011. — №1(25). — 82 p. — URL: <https://clck.ru/Q6rEM> (access date: 05.08.2020).
10. Kurs mezhdunarodnogo prava: Osnovnye instituty i otrasli sovremennogo mezhdunarodnogo prava. V 6-ti tomah. [Course of International Law: basic institutions and branches of modern international law. 6 volumes]. — T. 2 / Vereshhagin A. N., Ganjushkin B. V., Zhukov G. P., Zaharova N. V., et al. — Moscow: Nauka, 1994. — 451 p.
11. Matveenکو Ju. I. Sovremennye podhody k izucheniju riska [Modern approaches to the study of risk] / Ju. I. Matveenکو. // Izvestija TulGU. Gumanitarnye nauki. [Izvestiya Tula State University. Humanitarian sciences]. — 2012. — №1. — P. 165-166. — URL: <https://clck.ru/Q6rRW> (access date: 05.08.2020).
12. Orlov A. S. Neopredelennost' pravovoj prirody gosudarstvennoj territorii kak faktor mezhdunarodnyh territorial'nyh konfliktov [Uncertainty of the legal nature of the state territory as a factor of international territorial conflicts] / A. S. Orlov. // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya «Jekonomika i pravo» [Bulletin of Udmurt University. Series Economics and Law]. — 2007. — №2. — URL: <https://clck.ru/Q6rWd> (access date: 05.08.2020).
13. Slovar' mezhdunarodnogo prava 3-e izd. pererab. i dop [Dictionary of International Law. 3rd edition, updated and revised]. — Moscow: Statut, 2014. — 495 p.
14. Turovskij R. F. Politicheskaja geografija: uchebnoe posobie [Political geography: a manual] / R. F. Turovskij. — Smolensk: SGU, 1999. — 381 p.
15. Vopros o Palestine i Organizacija Ob'edinennyh Nacij: Broshjura [The question of Palestine and the Organization of the United Nations: brochure] — New-York. — 2008. — 137 p. — URL: <https://clck.ru/Q6qjq> (access date: 05.08.2020).
16. Zvjagel'skaja I. D. Suverenitet i gosudarstvennost' na Blizhnem Vostoke - nevyynosimaja hrupkost' bytija [Sovereignty and statehood in the Middle East - the unbearable fragility of being] / I. D. Zvjagel'skaja. // Kontury global'nyh transformacij: politika, jekonomika, pravo [Outlines of global transformations: politics, economics, law]. — 2017. — №2. — P. 97-109. — URL: <https://clck.ru/Q6r6X> (дата обращения: 05.08.2020).

Пакистанский фактор в афганском конфликте (кон. 1970-х – 80-е гг.)

Чекалин Сергей

МГИМО

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются пути и средства воздействия Пакистана на афганский вооруженный конфликт на его начальном этапе (в конце 1970-х – 80-х гг.). Автор анализирует различные аспекты влияния Исламабада как на непосредственно боевые действия, так и на политическую обстановку в Афганистане. Специфика исследования заключается также в рассмотрении роли специальных служб и министерства иностранных дел Пакистана. Особо заостряется внимание на пакистанском факторе в формировании международной повести по рассматриваемому конфликту.

Афганистан — один из очагов международной нестабильности, источник угроз мировой безопасности, в том числе по линии бесконтрольного распространения оружия, наркоторговли, распространения сепаратистских и террористических идей и организаций. Основы подобной печальной ситуации были, во многом, заложены на первом этапе вооруженного конфликта, в котором Пакистан принимал активное участие. Пакистанская помощь, наряду с поддержкой других стран (США, Саудовская Аравия и др.), помогла афганской оппозиции окрепнуть в военном и политическом смыслах и в конечном

счете прийти к власти в Афганистане. При этом актуальность данной работы подчеркивает и тот факт, что в истории влияния Пакистана на события в регионе в 1980-е гг. остаются нерешенные вопросы, требующие дополнительного исследования.

Цель данного исследования — проанализировать роль, которую сыграли различные силы в пакистанском руководстве и обществе в развитии афганского вооруженного конфликта на его начальном этапе, и выяснить последствия определенной политики Пакистана в афганском вопросе для южноазиатского региона и всего мира.

Автор использует комплексный подход к рассмотрению происходивших в 1970 – 80-е гг. событий в Афганистане и Пакистане, останавливаясь не только на общеизвестных фактах, зачастую представленных в ангажированном виде. Для более фундированного исследования к работе привлекается широкий ряд российских и зарубежных источников. Работа ссылается на ряд работ пакистанских ученых, в том числе написанных на языке урду. Содержащиеся в них мнения, отличающиеся от общепринятых в нашей стране, заслуживают самого пристального внимания.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Афганская война, Пакистан, Афганистан, пакистано-афганские отношения, моджахеды, Зия-уль-Хак.

Для связи с автором: ChekalinSergey@yandex.ru

ВЫПУСК №1 (3) ЯНВАРЬ — МАРТ 2021

The Factor of Pakistan in the Afghan Armed Conflict (late 1970s – 1980s)

Chekalin Sergey
MGIMO

ABSTRACT

The article deals with the methods used by Pakistan to impact the first phase of the Afghan armed conflict (in late 1970s – 1980s). The author analyses different aspects of Pakistan's influence on both combat operations and political situation in Afghanistan. The peculiarity of the research is dwelling on the role of the Pakistani Foreign Ministry and the country's special services. The Pakistan's effort in shaping the international agenda on the issue in question is specially noted in the article.

Afghanistan is one of the hotbeds of international instability and a source of threats to the world's security, such as uncontrolled spread of arms, drug trafficking, various separatist and terrorist organizations. The basis for such a situation in many respects was laid in the first phase of the armed conflict, in which Pakistan took an active part. Pakistan's assistance along with other countries' support (USA, Saudi Arabia, etc.) helped

the Afghan opposition to get on their feet and finally come to power in Afghanistan. Besides, the article is of particular interest as several issues concerning Pakistan's impact on the event in South Asia in 1980s still require further research.

The objective of the study is to analyse the role of different actors in Pakistani government and society in evolution of the first phase of the Afghan armed conflict and find out the consequences of Pakistani certain policy on the Afghan issue for South Asia and the whole world.

The author applies a complex approach to review the events in Afghanistan and Pakistan in 1970 – 80s and avoids dealing only with widely known facts. A wide row of Russian and foreign sources is engaged for more profound research. The article also refers to several Pakistani scientists, including Urdu-speaking ones, whose opinions are quite different from those generally accepted in Russia.

KEYWORDS

Afghan War, Pakistan, Afghanistan, Afghan-Pakistan relations, mujahideen, Zia-Ul Haq.

ВВЕДЕНИЕ

Афганское направление внешней политики неизменно оставалось одним из ключевых для Исламской Республики Пакистан (ИРП) с самого момента получения ею независимости в 1947 г. Еще до этого, в 1893 г., британские колониальные власти провели т. н. «линию Дюранда», и сегодня являющуюся границей между двумя государствами. Под юрисдикцией сначала Британской Индии, а затем и Пакистана оказались многие афганские племена — это породило целый комплекс проблем во взаимоотношениях двух стран-соседей, среди которых стремление Афганистана пересмотреть границу, пуштунский и белуджский сепаратизм на пакистанской территории, снижение эффективности государственного управления Пакистана.

С получением Пакистаном независимости в 1947 г. двусторонние отношения носили волнообразный характер. Неоднократные обострения обстановки на границе вынуждали ИРП действовать решительно вплоть до военных спецопераций, чтобы подавить деятельность повстанческих группировок с явным афганским следом. Очередной кризис в двусторонних отношениях после прихода к власти в Афганистане просоветских сил в 1978 г. привел к тому, что Пакистан поддержал афганскую оппозицию, стремившуюся свергнуть новый режим. Исламабад оказался втянут в принципиально иную форму противостояния с Кабулом — вооруженный конфликт.

В данной работе рассматривается проблематика путей и средств воздействия Пакистана на афганский вооруженный конфликт — как на не-

посредственно боевые действия, так и на политическую обстановку в Афганистане. Отдельный упор сделан на анализе пакистанского фактора в развитии международной повестки по афганскому вопросу.

Цель данной работы — проанализировать роль, которую сыграли различные силы в пакистанском руководстве и обществе в развитии афганского вооруженного конфликта на его начальном этапе, и выяснить последствия политики Пакистана в афганском вопросе для ситуации в южноазиатском регионе и мире. Для корректного рассмотрения темы и достижения вышеуказанной цели автор полагает необходимым поставить следующие задачи:

1. Рассмотреть политический курс Пакистана в отношении Демократической Республики Афганистан (1978 – 1992), а также линии взаимодействия Исламабада и афганской оппозиции и ее вооруженных отрядов (моджахедов);

2. Проанализировать международную деятельность Пакистана в отношении вопросов афганского вооруженного конфликта и оценить, насколько сильной была геополитическая зависимость ИРП от событий в Афганистане в конце 1970 – начале 1990-х гг.;

3. Определить значение афганского вооруженного конфликта конца 1970 – 80-х гг. и пакистанского фактора в нём для развития социально-экономической и политической ситуации в южно-азиатском регионе, а также международной обстановки.

Хронологические рамки исследования ограничиваются периодом нахождения у власти в Афганистане просоветского правительства (1978 – 1992).

Автор полагает, что работа требует рассмотрения именно указанного временного периода, поскольку в эти годы афганский конфликт носил однородный характер: борьба правительственных войск и поддерживающих их сил против оппозиции и их союзников. Многие историки сводят историю афганского конфликта 1980-х гг. лишь к действиям, направленным против введенных в Афганистан советских войск (1979 – 1989). В данном же исследовании такой подход нерационален, поскольку пакистанский фактор, включая военную помощь оппозиции, в той или иной форме проявлялся и до вторжения советских войск и после их вывода.

Актуальность. Афганский конфликт, фактически переросший в гражданскую войну, продолжается до сегодняшнего дня. Афганистан — один из очагов международной нестабильности, источник угроз мировой безопасности, в том числе по линии бесконтрольного распространения оружия, сепаратистских и террористических идей и организаций, наркоторговли. Основы подобной печальной ситуации были во многом заложены на первом этапе вооруженного конфликта, в котором Пакистан принимал активное участие. Пакистанская помощь, наряду с поддержкой других стран (США, Саудовская Аравия и др.), помогла афганской оппозиции окрепнуть в военном и политическом смыслах и, в конечном счете, прийти к власти в Афганистане, что, в свою очередь, вызвало серию цепных реакций: от раскола в стане нового руководства до борьбы за власть с радикально-исламистскими движениями и ввода американских войск в Афганистан.

Научная новизна работы определяется тем, что при всем обилии работ по проблематике афганского конфликта комплексных исследований той роли, которую сыграл Пакистан в развитии вооруженного противостояния в Афганистане, особенно на русском языке, практически нет. В истории влияния Пакистана на события в регионе в 1980-е гг. по-прежнему остаются нерешенные вопросы, требующие дополнительного исследования. В данной же работе автор структурирует пакистанский фактор в афганском конфликте, рассматривает его с различных аспектов — военного, экономического, политического — и анализирует различные каналы воздействия — правительство и МИД, специальные службы, негосударственные структуры.

Теоретические и методологические основы. Автор исходит из представлений о многоярусности мировой политики, в которую со второй половине XX в. все активнее оказываются вовлечены негосударственные субъекты. Именно поэтому в данной работе осуществлён отход от рассмотрения исключительно межправительственных отношений, включая в исследование прочих акторов международных отношений. Кроме того, следуя концепции структурализма, автор полагает неправильным анализировать афганский конфликт в отрыве от международной обстановки (прежде всего, биполярного противостояния США и СССР), прямым образом влиявшей как на его развитие, так и на действия различных сил пакистанского общества, пытавшихся найти свое место в сложившейся структуре международных отношений.

Работа построена по проблемно-хронологическому принципу. Следуя общепринятому делению первой фазы афганского вооруженного конфликта на три этапа, автор вместе с тем выделяет отдельные сюжетные линии развития противостояния (например, «челночная дипломатия» Зия-уль-Хака; политическая работа спецслужб Пакистана и т.д.). Глубина анализа обеспечивается обращением к широкому ряду методов исторического исследования: хронологическому, типологическому, статистическому методам; методу ситуационного анализа.

В исследовании использован широкий круг источников и литературы. Работа ссылается на некоторые рассекреченные материалы КГБ (приведенные в книге «Тайны афганской войны» В. М. Забродина и А. А. Ляховского). Исследование также опирается на публичные выступления различных политических деятелей, прежде всего, откровенные интервью М. Зия-уль-Хака западным СМИ.

Отдельно стоит сказать о работах очевидцев описываемых в работе событий, т.е. мемуарах политических деятелей. В автобиографии экс-премьер-министра Пакистана Б. Бхутто «Дочь Востока» наглядно продемонстрирована эволюция отношения демократических сил к афганской проблеме. Кроме того, выделяется работа экс-посла Пакистана в Вашингтоне Х. Хаккани «Пакистан: между мечетью и армией», описывающего пакистано-афганские противоречия с позиций как очевидца событий, так и профессионального дипломата.

Дополнительно к данному исследованию привлекались новостные сводки западных СМИ в рассматриваемый период для более полного понимания международной обстановки.

Что касается научной литературы, то фактологическая база данного исследования составлена, прежде всего, из комплексных работ по анализу двусторонних отношений (например, диссертация Ю. Н. Паничкина «Пакистано-афганские отношения: эволюция, проблемы, решения. 1947 – 2014 гг.») и монографий, касающихся истории одного из двух государств («История Пакистана. XX век» В. Я. Белокреницкого и В. Н. Москаленко; «История Афганистана. XX век» В. Г. Коргуна).

Кроме того, исследование опирается на ряд специализированных работ, касающихся политики пакистанского правительства в афганском вопросе, причем как российских (например, Т. В. Рабуш, В. А. Спольников) и среднеазиатских историков (К. Искандаров), так и зарубежных исследователей (К. Сиддик, С. Сиал и др.).

К исследованию привлечены и пакистанские труды по истории своей страны и пакистано-афганских отношений, в том числе на языке урду (например, работы М. А. Чирага, М. А. Хана). Несмотря на определенную ангажированность при подаче информации, позицию стороны афганского конфликта, являющейся центральной для данного исследования, нельзя оставить без внимания.

СОДЕРЖАНИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Свержение правительства З. А. Бхутто в ходе очередного военного переворота в Пакистане в 1977 г. и приход к власти армейской верхушки во главе с генералом М. Зия-уль-Хаком осложнили геополитическую ситуацию в южноазиатском регионе. Реализация курса тотальной

исламизации нашло свое отражение и во внешнеполитической доктрине Пакистана. Диктатор мыслил глобально: его стратегической целью стало превращение Пакистана в мировой политический центр ислама^[1].

Вскоре переворот произошел и в Афганистане. 27 апреля 1978 г. афганские войска под руководством Народно-демократической партии Афганистана (НДПА) подняли восстание против действующего режима: президент М. Дауд был убит, провозглашалась Демократическая Республика Афганистан (ДРА). Советское руководство поддержало ДРА и расширило объемы финансовой и военной помощи.

Пакистан также стал активно вмешиваться в развитие событий в соседнем государстве, поддерживая оппозицию режиму ДРА, нарушавшему, по личному убеждению Зия-уль-Хака, своей социалистической направленностью каноны ислама. Особо широкий размах приобрела деятельность исламистских партий. Штаб-квартиры большинства из них были официально зарегистрированы в пакистанском городе Пешаваре^[2]. У партий были и собственные военные ячейки. На территории ИРП функционировали лагеря подготовки вооруженных отрядов для последующей отправки в Афганистан. К концу 1979 г. существовало 23 таких лагеря, суммарно в них обучались 35 тысяч человек^[3].

Примечательно, что пакистанские историки, как правило, игнорируют факт поддержки Исламабадом этих вооруженных формирований до ввода советских войск в Афганистан. В своих работах они делают акцент на проблеме беженцев, которая действительно представляла угрозу, прежде всего, экономике Пакистана. Правительство было вынуждено за свой счет содержать нищенствующие многодетные афганские семьи. По некоторым оценкам, уже к концу 1980 г. более миллиона афганцев нашли себе убежище в Пакистане^[4]. Дестабилизация социально-политической ситуации также происходила вследствие тотальной безработицы, высокого уровня преступности в среде беженцев. Многие из них были насильно завербованы в повстанческие отряды^[5].

Единственным способом, который афганские исламисты считали надежным для свержения ненавистного просоветского афганского режима, был джихад. Противники правительства НДПА под ним понимали активную вооруженную борьбу с неверными (в т. ч. мусульманами-социалистами)^[6]. Антиправительственные силы именно в это время начинают называть моджахедами (борцами).

К концу 1979 г. джихадом, а проще говоря, полномасштабными боевыми действиями были охвачены 18 из 26

[1] Воробьев В. В. Правление в Пакистане М. Зия уль Хака: особенности и последствия / отв. ред. В. Я. Белокреницкий. — Москва: ИВ РАН, 2018. — С. 9.

[2] Коргун В. Г. История Афганистана. XX век / В. Г. Коргун. — Москва: ИВ РАН, Крафт+. — 2004. — С. 417.

[3] Там же. С. 418.

[4] Хан М. А. Афганистан — Руси дахшатгарди се амрики дахшатгарди так [Афганистан — От русского терроризма до американского терроризма] (на урду). / Мухаммад А. Хан. — Дели: Маасума-энд-камани, 2012. — С. 59.

[5] Забродин В. М., Ляховский А. А. Тайны афганской войны. / В. М. Забродин, А. А. Ляховский. — Москва: Планета, 1991. — Глава 2.

[6] Рабуш Т. В. Джихад и пропаганда в афганском вооруженном конфликте (1979-1989 гг.) / Т. В. Рабуш. // Исламоведение. — 2016. — Т. 7. №3. — С. 17-25. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dzhihad-i-propaganda-v-afganskom-vooruzhennom-konflikte-1979-1989-gg> (дата обращения 26.04.2020).

провинций Афганистана. После долгих колебаний узкий круг ЦК КПСС принял решение оказать военную поддержку режиму НДПА. 25 декабря 1979 г. в Кабуле и Баграме был высажен первый советский десант, а руководящие посты в ДРА вскоре занял ставленник Москвы Б.Кармаль. Как метко выразился экс-посол Пакистана в США Х.Хаккани, Советский Союз следом за Пакистаном оказался втянут в «трясину афганского конфликта»^[7].

Вторжение советских войск в Афганистан серьезно укрепило международный авторитет Пакистана. В обмен на свое участие в конфликте Исламабад требовал объемной помощи от США и Саудовской Аравии. Понимая почти безысходное положение американцев, которые не желали напрямую ввязываться в конфликт (сказался и т.н. вьетнамский синдром), но и не могли уступить СССР в Юго-Западной Азии, Зия-уль-Хак чуть ли не дразнил Вашингтон и лично президента Картера. В январе 1980 г. на брифинге с иностранными журналистами генерал назвал предложенные Пакистану Соединенными Штатами 400 миллионов долларов «мелочью»^[8]. А вот что говорил Зия-уль-Хак в одном из своих интервью в 1980 г.: «Проиграв во Вьетнаме, вы [американцы] вернулись домой и расплакались. Так разве

Америка все еще лидер свободного мира?»^[9]. По сути, такое заявление могло быть расценено как вызов Западному блоку.

Как свидетельствуют многочисленные источники, Зия-уль-Хак мог в реальности не понимать силу советского оружия и настойчивость Москвы в решении конфликтов, подобных афганскому. Он не обращал особого внимания на предупреждения Запада, хотя была почти стопроцентная уверенность, что в будущем советские войска будут втянуты в преследование афганских повстанцев на территории Пакистана^[10]. Как писала будущая премьер-министр Пакистана Б. Бхутто, в народе вторжение СССР в Афганистан пакистанцы саркастично прозвали «рождественским подарком Брежнева генералу Зия»^[11].

К февралю 1980 г. завершился начальный этап действий советских войск на афганской территории. Ввод советских войск не привел, как ожидалось ранее, к спаду антиправительственных вооруженных выступлений. В итоге из Москвы поступило указание: «Начать совместно с армией ДРА активные действия по разгрому отрядов оппозиции»^[12].

Тем временем на фоне затягивания конфликта Зия-уль-Хак все-таки сумел получить более крупную помощь от нового президента США Р. Рейгана: уже

[7] Haqqani H. Pakistan: Between Mosque and Military / Husain Haqqani. — Washington: Carnegie Endowment for International Peace. — 2005. — P. 164.

[8] The New York Times 24.01.1980 // Times Machine. — URL: <https://timesmachine.nytimes.com/timesmachine/1980/01/19/111135734.html> (дата обращения 24.04.2020).

[9] Hussain H. Tale of a love affair that never was: United States-Pakistan Defence Relations / Hamid Hussain. // Defence Journal. — 2002. — June. — URL: <https://web.archive.org/web/20120304115412/http://www.defencejournal.com/2002/june/loveaffair.htm> (дата обращения 15.04.2020).

[10] Ньюсвик от 14.01.1980. Специальный репортаж о вводе советских войск в Афганистан [Перевод]. // ПВ КГБ СССР в Афганистане 1979 - 1989. — 2012. — 14 янв. — URL: http://pv-afghan.ucoz.ru/publ/zhurnaly/vypusk_zhurnala_njusvik_ot_14_01_1980_sposialnyj_reportazh_o_vvode_sovetskikh_vojsk_v_afganistan/3-1-0-574 (дата обращения 24.04.2020).

[11] Bhutto B. Daughter of the East: An Autobiography / Benazir Bhutto. — London: Simon & Schuster, 2008. — P. 112.

[12] Забродин В. М., Ляховский А. А. Тайны афганской войны. — Глава 3.

в 1981 г. Белый дом выделил Пакистану 3,2 миллиарда долларов на пять лет, а в качестве военной помощи — 40 передовых легких истребителей F-16^[13]. И это несмотря на активно идущую работу по производству оружейного урана в Пакистане, хотя по закону США не могли оказывать поддержку окологосударственным державам. По сути, Вашингтон просто заявил о своей беспомощности в вопросе прекращения ядерной программы Исламабада, решив, что важнее заручиться надежной поддержкой Пакистана на афганском фронте.

На первый взгляд может показаться, что настал «звездный час» для Пакистана: афганский конфликт, в котором самым непосредственным образом сталкивались интересы двух сверхдержав, стал отличным шансом для ИРП укрепить свое положение в мусульманском мире и на международной арене.

Однако при более пристальном рассмотрении внутривнутриполитической ситуации в Пакистане становится понятно, что бремя афганского конфликта стоило для страны дороже, чем она могла себе позволить. Массовый приток зарубежной финансовой помощи обострил проблему инфляции, к тому же далеко не вся помощь Исламабаду была безвозмездной — к 1983 г. внешний долг страны вырос до 12 млрд долларов^[14]. Обострялась проблема афганских беженцев. Районы их расселения были

почти неподконтрольны Исламабаду, образуя своеобразное государство в государстве^[15].

Недовольство политикой Зия-уль-Хака нарастало и внутри пакистанской правящей верхушки. На генерала оказывали давление ультраправые силы, ратовавшие за открытое полномасштабное вмешательство в афганский конфликт. В их числе и Межведомственная разведка Пакистана (ISI — InterServices Intelligence), ставшая при режиме Зия влиятельнейшей, полуавтономной от центрального правительства структурой^[16].

Именно по линии разведывательных органов распределялась помощь афганским вооруженным отрядам. С 1979 г. осуществлялась американская операция «Циклон», при этом само ЦРУ минимизировало прямое вмешательство в дела моджахедов, как только удалось добиться гарантий лояльности Исламабада Вашингтону, т. е. после 1983 г.^[17] Межведомственная разведка самостоятельно распоряжалась всем поступавшим от американцев финансированием и оружием и контролировала всю последовательность действий моджахедов: от их вербовки и подготовки до контроля за боевыми действиями «подопечных» на афганской территории. Пакистанская разведка играла и роль арбитра, примирявшего повздоривших главарей отрядов и перераспределявшего военную добычу^[18].

[13] Белокреницкий В. Я., Москаленко В. Н., Шаумян Т. Л. Южная Азия в мировой политике / В. Я. Белокреницкий, В. Н. Москаленко, Т. Л. Шаумян. — Москва: Международные отношения, 2003. — С. 108-109.

[14] Паничкин Ю. Н. Пакистано-афганские отношения: эволюция, проблемы, решения. 1947-2014 гг.: дис. д-ра ист. наук: 07.00.15. — Москва, ИВ РАН, 2015. — С. 217. — URL: https://www.ivran.ru/f/Panichkin_YU.N._Dissertaciya.pdf (дата обращения 30.04.2020).

[15] Там же. С. 218.

[16] Белокреницкий В. Я., Москаленко В. Н. История Пакистана. XX век / В. Я. Белокреницкий, В. Н. Москаленко. — Москва: ИВ РАН: Крафт+, 2008. — С. 319.

[17] Naqqani H. Pakistan: Between Mosque and Military. — P. 167.

[18] Белокреницкий В. Я. Из Пакистана и Афганистана в Центральную Азию. Пути распространения исламского радика-

Зия-уль-Хак же фактически решил откеститься от прямого участия в делах афганской оппозиции и искать способы политического урегулирования конфликта. Для терявшего в народе популярность диктаторского режима уйти в дипломатическую плоскость было, вероятно, лучшим имиджевым решением.

Отныне курс официального Исламабада заключался в политическом давлении на СССР с целью вынудить его вывести свои контингенты из Афганистана^[19], а также в стремлении получить максимально широкую поддержку своей политики в мире, что помогло бы поднять авторитет генерала Зия в том числе и на внутриполитической арене. Для достижения цели пакистанский диктатор избрал тактику челночной дипломатии. За 1982 г. он посетил больше 10 государств. От США и КНР удалось добиться подтверждения военной помощи Исламабаду, от Индии — невмешательства в конфликт.

Международные дипломатические усилия в отношении афганского конфликта с 1982 г. были сосредоточены на женевском переговорном процессе под эгидой ООН с участием представителей Пакистана и Афганистана, а также СССР и США.

Позиция Исламабада по некоторым вопросам была неконструктивна: в число требований неизменно включалось свержение режима Б. Кармая, а за все время женевского переговорного процесса 1982 – 83 гг. пакистанский представитель ни разу не встречался в двустороннем режиме с визави из ДРА^[20].

В качестве уступки, ради определенного демонстрационного эффекта, штаб-квартиры афганских оппозиционных партий были перемещены из Пешавара в Зону племен, ближе к афганской границе. Однако на деле помощь моджахедам только нарастала: через ISI им поступало передовое вооружение стран НАТО (например, ультрачувствительный ПЗРК «Стингер»^[21]). В середине 1980-х гг. темпы вербовки афганских беженцев в ряды вооруженных отрядов продолжали расти. Всего, по некоторым оценкам, за 1980-е гг. подготовку в лагерях на пакистанской территории прошло 80 – 90 тысяч человек^[22].

Кроме того, в 1986 г. ISI сформировала новую структуру — «Свободную афганскую армию», чью основу составили дезертиры из правительственной армии ДРА. Она занималась в том числе и борьбой против отрядов моджахедов, пытавшихся выйти из-под контроля пакистанской разведки^[23].

лизма. — Афганистан в начале XXI века / В. Г. Коргун (ред.). — Москва: Ин-т изучения Израиля и Ближ. Востока, 2004. — С. 104-105.

[19] Паничкин Ю. Н. Пакистано-афганские отношения... С. 218.

[20] Спольников В. Н. Афганистан. Исламская оппозиция: Истоки и цели / В. Н. Спольников; отв. ред. Ю. В. Ганковский. — Москва: Наука, 1990. — С. 114-120.

[21] Мусиенко А. Хроника «афганской войны». «Стингер» против вертолетов: спецназ против «Стингера» / А. Мусиенко. // Военное обозрение. — URL: <https://topwar.ru/30455-hronika-afganskoy-voyny-stinger-protiv-vertoletov-specnaz-protiv-stingera.html> (дата обращения 02.05.2020).

[22] Искандаров К. Фактор Пакистана в афганском конфликте / К. Искандаров. // Центральная Азия и Кавказ. — 2013. — Т. 16. — №3. — С. 101. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/faktor-pakistana-v-afganskom-konflikte> (дата обращения 30.04.2020).

[23] Там же.

С 1985 г. начинается поворотный период в афганском конфликте. В марте была принята директива Совета национальной безопасности США № 166, ставившая задачу заставить СССР вывести войска из Афганистана любыми средствами^[24]. Американская финансовая и военная помощь к середине 1980-х гг. достигла колоссальных размеров. В 1986 г. было заключено очередное двустороннее соглашение, согласно которому Пакистану в течение шести лет полагалось перечислить 4,02 миллиарда долларов^[25]. В очередной раз было подтверждено право Исламабада сохранить собственную ядерную программу^[26].

Стоит сказать о двух вопросах, до сих пор остающихся спорными, но прямо влияющими на оценку пакистанского фактора в афганском конфликте. Во-первых, насколько широким было участие в боевых действиях непосредственно пакистанцев? Естественно, Исламабад всецело отрицал не только возможность вступления своих граждан в моджахедские отряды, но даже присутствие в них своих военных инструкторов^[27]. Имеющиеся свидетельства говорят о том, что некоторое количество пакистанцев в вооруженном конфликте участие всё-таки принимало. В начале афганского конфликта в Пакистане была проведена широкомасштабная

кампания по вербовке моджахедов на «священное» дело из числа учащихся медресе (исламских религиозных школ)^[28]. Известно, что среди руководящего состава Свободной афганской армии, непосредственно принимавшего участия в боевых действиях, были пакистанские офицеры^[29]. В середине 1980х гг. активизировалась деятельность пакистанских исламистских группировок, позднее признанных террористическими. Отряды Харкат-уль-Джихад-аль-Исламия («Исламское движение сопротивления») и Харкат-уль-Муджахидин («Движение моджахедов») проходили подготовку в лагерях афганской оппозиции и затем сражались на ее стороне против советско-афганских войск^[30]. Эти группировки, конечно, не были связаны с пакистанским правительством, однако сама логика их существования прямо проистекала из политики тотальной исламизации, проводимой Зия-уль-Хаком. Вероятно, масштаб участия пакистанцев в боевых действиях на стороне моджахедов еще предстоит оценить.

Другим важным вкладом Пакистана в упорное и длительное сопротивление моджахедов было создание на своей территории тюрем для военнопленных советских и афганских солдат. Причем на территории базтюрем присутствова-

[24] Арунова М. Р. Афганская политика США в 1945-1999 гг.: (Краткий очерк) / М. Р. Арунова. — Москва: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2000. — С. 30.

[25] Haqqani H. Pakistan: Between Mosque and Military. — P. 167.

[26] Hussain H. Tale of a love affair...

[27] Чираг М. А. Тарих-и Пакистан [История Пакистана] (на урду) / Мухаммад А. Чираг. — Лахор: Санг-и Мил Пабליкейшнз. — 2016. — С. 479-480.

[28] Sial S. Pakistan's role and strategic priorities in Afghanistan since 1980 / Safdar Sial. // NOREF Report. — 2013. — June. — Part 2. — URL: http://www.operationspaix.net/DATA/DOCUMENT/8076~v~Pakistans_role_and_strategic_priorities_in_Afghanistan_since_1980.pdf (дата обращения 29.04.2020).

[29] Искандаров К. Фактор Пакистана в афганском конфликте. — С. 101.

[30] Sial S. Pakistan's role... — P. 2.

ли в качестве охраны войска регулярной армии Пакистана^[31], так что последующие заявления Исламабада, что руководство страны не догадывалось о происходящем вдоль афганской границы, несостоятельны.

В апреле 1985 г. в западную прессу просочились новости о восстании советских военнопленных в одном из таких лагерей, Бадабере. В ходе штурма склада, где они забаррикадировались, прогремел взрыв страшной силы — были и убиты восставшие, и уничтожены огромные запасы боеприпасов. Официальных разъяснений Исламабада не последовало^[32]. Пакистанская сторона до сегодняшнего дня отрицает нахождение советских военнопленных в Бадабере, однако это уже доказанный факт, подтверждающий непосредственное участие пакистанских военных в афганском конфликте, пусть и на своей территории, и осуществление целенаправленных действий против советского контингента и правительственных войск ДРА.

С приходом к власти в марте 1985 г. М. С. Горбачева во внешнеполитической линии СССР наблюдался сдвиг в сторону уменьшения накала Холодной войны и урегулирования конфликтов в Третьем мире, находившихся в открытой фазе. В январе 1987 г. новый лидер НДПА М. Наджибулла выдвинул программу «национального применения»^[33], в рамках которой предполагалось привлечь

широкий круг оппозиционных сил к мирным переговорам. На фоне положительных изменений в позиции СССР и Афганистана женевский процесс вышел на стадию принятия реальных решений по урегулированию конфликта.

14 апреля 1988 г. министрами иностранных дел был подписан ряд пакистано-афганских соглашений, гарантами которых выступили СССР и США. Женевские соглашения позволяли решить принципиальный вопрос об иностранном участии в афганском конфликте^[34]. Стороны брали на себя обязательства не только по недопущению какого-либо иностранного вмешательства в свои дела, но и по прекращению поддержки и спонсирования повстанческих и сепаратистских формирований. СССР должен был вывести войска в течение девяти месяцев, начиная с 15 мая 1988 г. Для контроля над выполнением Женевских соглашений создавалась Комиссия наблюдателей ООН в Афганистане и Пакистане (УНГОМАП).

Исламабад очень вольно трактовал положения с трудом достигнутых соглашений. Так, наблюдателей из УНГОМАП пакистанские власти даже не пустили в районы расположения баз подготовки моджахедских отрядов. Есть все основания полагать, что повстанцы продолжали готовиться в этих лагерях и после апреля 1988 г.^[35] Кроме того, нередко были и случаи диверсий в отношении прекративших в одностороннем поряд-

[31] Сотников М. Герои Бадабера / М. Сотников. // Спецназ России. Общественно-политическое издание. — 2015. — 31 июля. — URL: <http://www.specnaz.ru/articles/226/8/2278.htm> (дата обращения 03.05.2020).

[32] Трофимов А. Афганский Собибор: история восстания в лагере Бадабер / А. Трофимов. // История.РФ. — URL: <https://histrf.ru/biblioteka/b/afghanskii-sobibor-istoriia-vosstaniia-v-laghierie-badabier> (дата обращения 03.05.2020).

[33] Паничкин Ю. Н. Пакистано-афганские отношения... — С 238.

[34] Забродин В. М., Ляховский А. А. Тайны афганской войны. — Глава 4.

[35] Ляховский А. А. Трагедия и доблесть Афгана. / А. А. Ляховский. — Москва: Искона, 1995. — URL: <https://history.wikireading.ru/410551> (дата обращения 29.04.2020).

ке боевые действия советских войск. Несмотря на это, никаких санкций со стороны Совбеза ООН не последовало. Вопреки ожиданиям, хрупкий мир, установленный в Женеве, не привел к дальнейшему улучшению внутривнутриполитической обстановке в Афганистане и пакистано-афганских отношений.

15 февраля 1989 г. последние части 40-й армии советских войск пересекли афгано-советскую границу — вывод войск был завершен. Однако сам афганский конфликт, противостояние правительственных войск и моджахедов, не прекратился. Моджахеды не признали подписанные соглашения. Кроме того, чем более осязаема была власть, тем больше противоречий вставало между лидерами различных афганских партий.

Такой очаг нестабильности был прямой угрозой безопасности Пакистана, поэтому еще до окончательного вывода советских войск Исламабад совместно с Вашингтоном попытался создать лояльное Западу единое моджахедское правительство, которое можно было бы впоследствии привести к власти в Кабуле. Проект Переходного правительства Афганистана (ППА) вызвал отторжение многих моджахедских сил, с растущим недоверием относившихся к иностранному вмешательству в свою деятельность^[36]. Кроме того, под влиянием Саудовской Аравии, также щедро спонсировавшей оппозицию, ISI не допустила к распределению власти лидеров шиитской оппозиции, поддержанных Ираном. В итоге большинство стран от признания ППА

воздержались, понимая, что реально не будет иметь поддержки большинства населения^[37].

Как уже говорилось, афганский конфликт фактически держал на плаву режим Зия-уль-Хака. В 1980-е гг. распределение помощи моджахедам стало фактически новой отраслью национальной экономики^[38]. Формировались группы, лоббировавшие поставки того или иного вида продукции; различные каналы помощи афганской оппозиции — министерства, ISI, армейское командование — конкурировали за поступающие из США, Китая и других стран ресурсы; в стране процветала коррупция.

Однако экономические потери и возникшие социальные проблемы явно перевешивали потенциальные геостратегические выгоды и даже приходящую в страну зарубежную помощь. После Женевских соглашений рухнуло последнее оправдание Зия-уль-Хака своих действий: отныне прикрыться борьбой за безопасность Пакистана в силу возможного вторжения советских войск было нельзя, слабеющий режим Наджибуллы на роль угрозы, заставляющей держать все пакистанское общество в страхе, явно не подходил.

В мае 1988 г. оппозиция развернула широкомасштабные акции протеста против диктаторского режима. А 17 августа Зия-уль-Хак разбился в авиакатастрофе при невыясненных обстоятельствах. Вместе с ним погибли посол США в Исламабаде А. Л. Рафель и «серый кардинал» афганского конфликта директор ISI А. А. Рахман.

[36] Коргун В. Г. История Афганистана. XX век. — С. 440–441.

[37] Там же. — С. 442.

[38] Haqqani H. Pakistan: Between Mosque and Military. — P. 174.

По итогам свободных выборов в ноябре 1988 г. премьер-министром стала Б. Бхутто — первая женщина-глава правительства в мусульманском государстве. Безусловно, смелое, поддержанное населением решение госпожи Бхутто стать во главе государства — свидетельство усталости Пакистана от радикальной исламизации и засилья военных.

Символично, что смерть Зия-уль-Хака и начало вывода советских войск произошли в один и тот же год. Пакистан терял свое глобальное значение, отныне афганский вопрос был обречен стать локальным, пакистано-афгано-иранским делом. Вооруженный конфликт в 1989 – 90 гг. приобрел позиционный характер вблизи пакистанской границы. Однако новое пакистанское руководство не могло смириться с возвращением страны в разряд второстепенных держав, десять лет пробывшей «в свете софитов». Пакистан попал в геополитическую зависимость от афганского конфликта.

Б. Бхутто, несмотря на все негативные отзывы о режиме Зия-уль-Хака и заверения исправить тяжелое положение в стране, во многом продолжила внешнеполитический курс предшественника. Так, Исламабаду под преодоление его последствий в рамках стабилизационной программы МВФ был выдан очередной огромный кредит (516 млн долларов^[39]);

из Вашингтона была выписана очередная партия из 60 многофункциональных истребителей F-16^[40]. Летом 1989 г. в ходе визита в США Бхутто всеми силами пыталась убедить американское руководство, что Пакистан по-прежнему играет первую скрипку в южноазиатском регионе и без него окончательное решение афганского вопроса будет затруднительно^[41].

В начале 1990-х гг. активизировались диверсионные действия пакистанских националистов в Кашмире. По некоторым сведениям, ISI хотели опробовать свою «афганскую схему» поддержки местных повстанцев и в противостоянии с Индией^[42]. США же, не желавшие обострения отношений с Индией, болезненно отреагировали на такое развитие событий, пригрозив Пакистану самыми серьезными последствиями.

Агрессия Ирака против Кувейта в августе 1990 г. окончательно переключила внимание мирового сообщества с Афганистана на Ближний Восток^[43]. Исламабад терпел убытки из-за прекращения экспорта в Кувейт и Ирак; без работы вернулись на родину трудовые мигранты. Окончательно добило экономику страны, находящуюся в глубоком кризисе, решение новой американской администрации Дж. Буша прекратить всякую военную и финансовую помощь Пакистану как околоядерной державе^[44].

[39] Nasir J. IMF Programs in Pakistan (1988-2008) — An Analysis / Jamil Nasir // Criterion Quarterly. — 2012. — November 10. — Vol. 6 (4). — URL: <http://criterion-quarterly.com/imf-programs-in-pakistan-1988-2008-%E2%80%93-an-analysis/> (дата обращения 02.02.2020).

[40] Белокреницкий В. Я., Москаленко В. Н. История Пакистана. XX век. — С. 357.

[41] Там же.

[42] Sial S. Pakistan's role... — P. 3.

[43] Воробьев В. В. Правление в Пакистане М. Зия уль-Хака... — С. 84-85.

[44] Галищева Н. В. Экономическое сотрудничество Пакистана и США / Н. В. Галищева. // Мировое и национальное хозяйство. — 2016. — №2(37). — С. 6. — URL: <https://mirec.mgimo.ru/upload/ckeditor/files/mirec-2016-2-galishcheva.pdf> (дата обращения 01.02.2020).

Свержению режима Наджибуллы в конечном итоге способствовал распад СССР, после которого всякая помощь Кабулу прекратилась. Очередное полномасштабное наступление моджахедов впервые увенчалось успехом в апреле 1992 г. — был взят Кабул. Было провозглашено Исламское Государство Афганистан.

Исламабад сразу признал новое афганское правительство, однако политическое сражение Пакистан проиграл — протеже пакистанских спецслужб, радикальному исламисту Г. Хекматъяру, места в новом афганском руководстве не нашлось^[45]. В итоге сложилась оппозиция новому режиму — военные столкновения продолжали сотрясать страну. С приходом к власти моджахедов — то, за что так яро боролся Пакистан — мир в Афганистане не наступил, а новое кабульское правительство оказалось неустойчивым.

В дальнейшем Исламабад продолжил поддержку отдельных сил на территории Афганистана, однако и сам афганский конфликт приобрел иной характер, и пакистанский фактор в нем на какое-то время перестал быть ключевым для региональной и мировой обстановки. Афганистан погрузился в гражданскую войну.

Заключение. Проведенное исследование доказывает, что история Пакистана конца 1970-х – 1980-х гг. оказалась неразрывно связанной с афганским конфликтом. Вооруженное противостояние, в котором самым непосредственным образом сталкивались интересы двух сверхдержав, стало отличным шансом для Пакистана укрепить свое положение в мусульман-

ском мире и на международной арене. Пакистан всячески доказывал свою незаменимость в борьбе с советским присутствием в регионе Вашингтону, не желавшему прямо вмешиваться в конфликт. С начала 1980-х гг. начинается период полномасштабного союзничества США и Пакистана в афганском вопросе. Из Белого Дома шли огромные потоки военной и финансовой помощи, а Исламабад, в свою очередь, начал активную поддержку афганских повстанческих отрядов (моджахедов). Именно благодаря такому положению дел советские войска не смогли быстро выполнить поставленные задачи и оказались надолго втянуты в афганский конфликт — этого и добивался Запад.

Особая роль в вооруженном противостоянии принадлежала пакистанской разведке (ISI). Не желая публично признавать поддержку моджахедов, Пакистан принимал помощь по каналу ЦРУ. Именно ISI сыграла роль ключевого центра управления деятельностью афганских моджахедов.

Нельзя не отметить и усилия пакистанских дипломатов, работавших в условиях, когда попытки политического решения конфликта для руководства страны были лишь прикрытием реального положения дел. Тем не менее во 2-й пол. 1980-х гг. Исламабад окончательно отказался от тактики внешнеполитического маневрирования, следуя в фарватере США.

Дискуссионным остается вопрос прямого участия пакистанских военных в боевых действиях на территории Афганистана. Факты свидетельствуют о том, что некоторое количество паки-

[45] Искандаров К. Фактор Пакистана в афганском конфликте. — С. 101.

станских граждан действительно воевало за афганскую оппозицию. Некоторые террористические формирования исламистского толка, вероятно, добровольно отправляли свои отряды в Афганистан. С другой стороны, известны факты вербовки в повстанческие отряды учащих пакистанских медресе и наличия пакистанских офицеров в руководстве «Свободной афганской армии», сформированной ISI. Тем не менее массового характера прямое военное вмешательство пакистанской армии не носило.

Вместе с тем афганский конфликт оказал непосредственное воздействие на внутривнутриполитическую обстановку в Пакистане. Самой насущной проблемой стали афганские беженцы, число которых к концу 1980-х гг. приближалось к трем миллионам. Беженцы не могли интегрироваться в экономическую жизнь Пакистана, возникла социальная напряженность. В бюджете страны упор делался на военные расходы, экономические трудности населения игнорировались, серьезно упал уровень жизни населения. В таких условиях у власти Зия-уль-Хак оставался лишь благодаря поддержке США. Исламабад фактически попал в тотальную экономическую и политическую зависимость от ситуации в соседнем Афганистане. Многие из указанных проблем сохраняются в Пакистане и по сей день.

Вместе с тем последствия политики, проводимой Пакистаном по отношению к Афганистану на протяжении полутора десятилетий, оказались далекоидущими. Когда в 1992 г. режим ДРА был свергнут, новое афганское правительство оказалось крайне неустойчивым. В результате Афганистан и приграничные

пакистанские районы остаются очагом региональной и международной напряженности вплоть до сегодняшнего дня.

С отходом от концепции афганского джихада, пакистанские исламистские группировки, ранее принимавшие участие в данном конфликте, развернули активную подрывную деятельность в другом беспокойном регионе Южной Азии — Кашмире. Обострение ситуации в Кашмире вызвало очередной виток пакистано-индийского противостояния и на рубеже веков вылилось в ряд военных приграничных столкновений. С другой стороны, энергия пакистанских исламистов вскоре была направлена в принципиально иное русло — терроризм. От преступлений радикалов пострадал сначала сам Пакистан, а затем теракты, в которых были замешаны пакистанские исламисты (например, трагедия 11 сентября 2001 г.), потрясли весь мир.

Итак, пакистанский фактор в афганском конфликте — комплексное явление; сочетание правительственного курса в отношении афганского вопроса и параллельных действий различных органов власти Пакистана (Межведомственная разведка, МИД) и негосударственных институтов (добровольческие радикально-исламистские группировки). Обширное вмешательство Пакистана в ситуацию в соседнем Афганистане в конце 1970 – 1980-х гг., пусть и без прямого участия правительственных войск, привело к серьезным, по большей части, негативным последствиям для внутривнутриполитической и экономической ситуации в Пакистане, а также к первоначальному повышению влияния страны на мировую поли-

тическую обстановку, к концу 1980-х гг. обернувшись падением международного авторитета Исламабада. Кроме того, усилия Пакистана по нагнетанию обстановки и эскалации афганского конфликта привели к возникновению

постоянного очага угрозы региональной и международной безопасности в Афганистане и в приграничных пакистанских районах, а также всплеску деятельности радикальных исламистских и террористических организаций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арунова М. Р. Афганская политика США в 1945-1999 гг.: (Краткий очерк) / М. Р. Арунова. — Москва: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2000. — 128 с. — Текст: непосредственный.
2. Афганистан в начале XXI века: сб. ст. / отв. ред. В. Г. Коргун. — Москва: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2004. — 194 с. — Текст: непосредственный.
3. Белокреницкий В. Я., Москаленко В. Н. История Пакистана. XX век / В. Я. Белокреницкий, В. Н. Москаленко. — Москва: ИВ РАН: Крафт+, 2008. — 576 с. — Текст: непосредственный
4. Белокреницкий В. Я., Москаленко В. Н., Шаумян Т. Л. Южная Азия в мировой политике / В. Я. Белокреницкий, В. Н. Москаленко, Т. Л. Шаумян. — Москва: Международные отношения, 2003. — 368 с. — Текст: непосредственный.
5. Воробьев В. В. Правление в Пакистане М. Зия уль-Хака: особенности и последствия / отв. ред. В. Я. Белокреницкий. — Москва: ИВ РАН, 2018. — 240 с. — Текст: непосредственный.
6. Галищева Н. В. Экономическое сотрудничество Пакистана и США / Н. В. Галищева. — Текст: электронный // Мировое и национальное хозяйство. — 2016. — №2(37). — URL: <https://mirec.mgimo.ru/upload/ckeditor/files/mirec-2016-2-galishcheva.pdf> (дата обращения 01.02.2020).
7. Забродин В. М., Ляховский А. А. Тайны афганской войны. / В. М. Забродин, А. А. Ляховский. — Москва: Планета, 1991. — 269 с. — Текст: непосредственный.
8. Искандаров К. Фактор Пакистана в афганском конфликте / К. Искандаров. — Текст: непосредственный // Центральная Азия и Кавказ. — 2013. — Т. 16. — №3. — С. 96–111. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/faktor-pakistana-v-afganskom-konflikte> (дата обращения 30.04.2020).
9. Коргун В. Г. История Афганистана. XX век / В. Г. Коргун. — Москва: ИВ РАН, Крафт+. — 2004. — 525 с. — Текст: непосредственный.
10. Ляховский А. А. Трагедия и доблесть Афгана. / А. А. Ляховский. — Москва: Искона., 1995. — 720 с. — Текст: непосредственный.
11. Мусиенко А. Хроника «афганской войны». «Стингер» против вертолетов: спецназ против «Стингера» / А. Мусиенко. — Текст: электронный // Военное обозрение. — URL: <https://topwar.ru/30455-hronika-afganskoy-voyny-stinger-protiv-vertoletov-spesnaz-protiv-stingera.html> (дата обращения 02.05.2020).
12. Ньюсвик от 14.01.1980. Специальный репортаж о вводе советских войск в Афганистан [Перевод]. — Текст: электронный // ПВ КГБ СССР в Афганистане 1979-1989. — 2012. — 14 янв. — URL: http://pv-afghan.ucoz.ru/publ/zhurnaly/vypusk_zhurnala_njusvik_ot_14_01_1980_specialnyj_reportazh_o_vvode_sovetskikh_vojsk_v_afganistan/3-1-0-574 (дата обращения 24.04.2020).

13. Паничкин Ю. Н. Пакистано-афганские отношения: эволюция, проблемы, решения. 1947-2014 гг.: дис. д-ра ист. наук: 07.00.15. — Москва, ИВ РАН, 2015. — 511 с. — Текст: непосредственный. — URL: https://www.ivran.ru/f/Panichkin_YU.N._Dissertaciya..pdf (дата обращения 30.04.2020).

14. Рабуш Т. В. Джихад и пропаганда в афганском вооруженном конфликте (1979-1989 гг.) / Т. В. Рабуш. — Текст: непосредственный // Исламоведение. — 2016. — Т. 7. №3. — С. 17–25. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dzhihad-i-propaganda-v-afganskom-vooruzhennom-konflikte-1979-1989-gg> (дата обращения 26.04.2020).

15. Сотников М. Герои Бадабера / М. Сотников. — Текст: электронный // Спецназ России. Общественно-политическое издание. — 2015. — 31 июля. — URL: <http://www.spcnaz.ru/articles/226/8/2278.htm> (дата обращения 03.05.2020).

16. Спольников В. Н. Афганистан. Исламская оппозиция: Истоки и цели / В. Н. Спольников; Отв. ред. Ю. В. Ганковский. — Москва: Наука, 1990. — 191 с. — Текст: непосредственный.

17. Трофимов А. Афганский Собибор: история восстания в лагере Бадабер / А. Трофимов. — Текст: электронный // История.РФ. — URL: <https://histrf.ru/biblioteka/b/afghanskii-sobibor-istoriia-vosstaniia-v-laghierie-badabier> (дата обращения 03.05.2020).

18. Хан М. А. Афганистан — Руси дахшатгарди се амрики дахшатгарди так [Афганистан — От русского терроризма до американского терроризма] (на урду). / Мухаммад А. — Хан– Дели: Маасума-энд-кампани, 2012. — 288 с. — Текст: непосредственный.

19. Чираг М. А. Тарих-и Пакистан [История Пакистана] (на урду) / Мухаммад А. Чираг. — Лахор: Санг-и Мил Пабליкейшнз. — 2016. — 604 с. — Текст: непосредственный.

20. Bhutto B. Daughter of the East: An Autobiography / Benazir Bhutto. — London: Simon & Schuster, 2008. — 484 p. — Текст: непосредственный.

21. Haqqani H. Pakistan: Between Mosque and Military / Husain Haqqani. — Washington: Carnegie Endowment for International Peace. — 2005. — 380 p. — Текст: непосредственный.

22. Hussain H. Tale of a love affair that never was: United States-Pakistan Defence Relations / Hamid Hussain. — Текст: электронный // Defence Journal. — 2002. — June. — URL: <https://web.archive.org/web/20120304115412/http://www.defencejournal.com/2002/june/loveaffair.htm> (дата обращения 15.04.2020).

23. Nasir J. IMF Programs in Pakistan (1988-2008) — An Analysis / Jamil Nasir. — Текст: электронный // Criterion Quarterly. — 2012. — November 10. — Vol. 6 (4). — URL: <http://criterion-quarterly.com/imf-programs-in-pakistan-1988-2008-%E2%80%93-an-analysis/> (дата обращения 02.02.2020).

24. Sial S. Pakistan's role and strategic priorities in Afghanistan since 1980 / Safdar Sial — Текст: электронный // NOREF Report. — 2013. — June. — URL: http://www.operationspaix.net/DATA/DOCUMENT/8076~v~Pakistans_role_and_strategic_priorities_in_Afghanistan_since_1980.pdf (дата обращения 29.04.2020).

25. The New York Times 24.01.1980. — Текст: электронный // Times Machine. — URL: <https://timesmachine.nytimes.com/timesmachine/1980/01/19/111135734.html> (дата обращения 24.04.2020).

REFERENCES

1. Afganistan v nachale XXI veka [Afghanistan at the Beginning of the 20th Century] / V. G. Korgun (ed.). — Moscow: Institut izucheniya Izrailya i Blizhnego Vostoka [The Institute of Israel and Middle East], 2004. — 194 p.
2. Arunova M. R. Afganskaya politika SShA v 1945-1999 gg.: (Kratkij ocherk) [The US Policy on Afghanistan in 1945-1999 (Feature Article)] / M. R. Arunova — Moscow: Institut izucheniya Izrailya i Blizhnego Vostoka [The Institute of Israel and Middle East], 2000. — 128 p.
3. Belokreniczkiy V. Ya., Moskalenko V. N. Istoriya Pakistana. XX vek [The History of Pakistan. 20th Century] / V. Ya. Belokreniczkiy, V. N. Moskalenko. — Moscow: IV RAN [The Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences]: Kraft+, 2008. — 576 p.
4. Belokreniczkiy V. Ya., Moskalenko V. N., Shaumyan T. L. Yuzhnaya Aziya v mirovoj politike [South Asia in the World's Politics] / V. Ya. Belokreniczkiy, V. N. Moskalenko, T. L. Shaumyan. — Moscow: Mezhdunarodny'e otnosheniya [International Relations], 2003. — 368 p.
5. Bhutto B. Daughter of the East: An Autobiography / Benazir Bhutto. — London: Simon & Schuster, 2008. — 484 p.
6. Chirag M. A. Tarikh-i Pakistan [The History of Pakistan] (in Urdu) / Muhammad A. Chirag. — Lahore: Sang-i Mil Publications, 2016. — 604 p.
7. Galishheva N. V. E'konomicheskoe sotrudnichestvo Pakistana i SShA [US-Pakistan Economic Cooperation] / N. V. Galishheva. // Mirovoe i nacional'noe xozyajstvo [The World and National Economy]. — 2016. — №2(37). — URL: <https://mirec.mgimo.ru/upload/ckeditor/files/mirec-2016-2-galishcheva.pdf> (access date 01.02.2020).
8. Haqqani H. Pakistan: Between Mosque and Military / Husain Haqqani. — Washington: Carnegie Endowment for International Peace, 2005. — 380 p.
9. Hussain H. Tale of a love affair that never was: United States-Pakistan Defence Relations / Hamid Hussain. // Defence Journal. — 2002. — June. — URL: <https://web.archive.org/web/20120304115412/http://www.defencejournal.com/2002/june/loveaffair.htm> (access date 15.04.2020).
10. Iskandarov K. Faktor Pakistana v afganskom konflikte [Pakistan's Factor in the Aghan Conflict] / K. Iskandarov. // Central'naya Aziya i Kavkaz [Central Asia and Caucasus]. — 2013. — Vol. 16. — №3. — P. 96-111. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/faktor-pakistana-v-afganskom-konflikte> (access date 30.04.2020).
11. Khan M. A. Afghanistan — Rusi dahshatgardi se amriki dahshatgardi tak [Afghanistan — From Russian Terrorism to American Terrorism] (in Urdu) / Muhammad A. Khan. — Deli: Maasuma&Co, 2012. — 288 p.
12. Korgun V. G. Istoriya Afganistana. XX vek [The History of Afghanistan. The 20th Century] / V. G. Korgun. — Moscow: IV RAN [The Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences]: Kraft+, 2004. — 525 p.
13. Lyaxovskij A. A. Tragediya i doblest' Afgana [The Tragedy and the Valour of Afghanistan] / A. A. Lyaxovskij. — Moscow: Iskona, 1995. — 720 p.
14. Musienko A. Hronika «afganskoj vojny». «Stinger» protiv vertoletov: specnaz protiv «Stingera» [The chronicles of the Afghan war. "Stinger" against helicopters. Specials forces against "Stinger"] / A. Musienko // Voennoe obozrenie [Military Review]. — URL: <https://topwar.ru/30455-hronika-afganskoy-voyny-stinger-protiv-vertoletov-specnaz-protiv-stingera.html> (access date 02.05.2020).

15. Nasir J. IMF Programs in Pakistan (1988-2008) — An Analysis / Jamil Nasir. // *Criterion Quarterly*. — 2012. — November 10. — Vol. 6 (4). — URL: <http://criterion-quarterly.com/imf-programs-in-pakistan-1988-2008-%E2%80%93-an-analysis/> (access date 02.02.2020).

16. Nyusvik ot 14.01.1980. Special'nyj reportazh o vvode sovetskix vojsk v Afganistan [The Newsweek 14.01.1980. The Special Report on the Entry of Soviet Troops in Afghanistan] // PV KGB SSSR v Afganistane 1979-1989 [The KGB Border Guard Forces in Afghanistan 1979-1989]. — 2012. — January 14. — URL: http://pv-afghan.ucoz.ru/publ/zhurnaly/vypusk_zhurnala_njusvik_ot_14_01_1980_specialnyj_reportazh_o_vvode_sovetskikh_vojsk_v_afganistan/3-1-0-574 (access date 24.04.2020).

17. Panichkin Yu. N. Pakistano-afganskije otnosheniya: e'voljuciya, problemy, resheniya 1947-2014 gg. [Pak-Afghan Relations: evolution, problems, solutions (1947-2014)] / Yu. N. Panichkin. — Moscow: IV RAN [The Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences], 2015. — 511 p.

18. Rabush T. V. Dzhihad i propaganda v afganskom vooruzhennom konflikte (1979-1989 gg.) [Jihad and Propaganda in the Afghan Armed Conflict (1979-1989)] / T. V. Rabush. // *Islamovedenie* [Islamic Studies] — 2016. — Vol. 7, №3. — P. 17-25. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dzhihad-i-propaganda-v-afganskom-vooruzhennom-konflikte-1979-1989-gg> (access date 26.04.2020).

19. Sial S. Pakistan's role and strategic priorities in Afghanistan since 1980 / Safdar Sial // *NOREF Report*. — 2013. — June. — URL: http://www.operationspaix.net/DATA/DOCUMENT/8076~v~Pakistans_role_and_strategic_priorities_in_Afghanistan_since_1980.pdf (access date 29.04.2020).

20. Sotnikov M. Geroi Badabera [The Heroes of Badaber] / M. Sotnikov. // *Specnaz Rossii. Obshhestvenno-politicheskoe izdanie* [Special Forces. The socio-political media outlet] — 2015. — July 31. — URL: <http://www.specnaz.ru/articles/226/8/2278.htm> (access date 03.05.2020).

21. Spol'nikov, V. N. Afganistan. Islamskaya oppositsiya: Istoki i celi [Afghanistan. Islamic Opposition. Origins and Aims] / V. N. Spol'nikov, Yu. V. Gankovskij (ed.). — Moscow: Nauka [Science]. — 1990. — 191 p.

22. The New York Times. — 1980. — January 24. // *Times Machine*. — URL: <https://timesmachine.nytimes.com/timesmachine/1980/01/19/111135734.html> (access date 24.04.2020).

23. Trofimov A. Afganskij Sobibor: istoriya vosstaniya v lagere Badaber [The Afghan Sobibor: The History of the Rebellion at the Badaber fortress] / A. Trofimov. // *Istoriya.RF* [The History]. — URL: <https://histrf.ru/biblioteka/b/afghanskii-sobibor-istoriia-vosstaniia-v-lagierie-badabier> (access date 03.05.2020).

24. Vorob'ev, V. V. Pravlenie v Pakistane M. Ziya ul'-Haka: osobennosti i posledstviya [M. Zia ul-Haq's Rule in Pakistan: Features and Consequences] / V. Ya. Belokreniczkiy (ed.) — Moscow: IV RAN [The Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences], 2018. — 240 p.

25. Zabrodin, V. M., Lyaxovskij, A. A. Tajny' afganskoj vojny' [Mysteries of the Afghan War] / V. M. Zabrodin, A. A. Lyaxovskij. — Moscow: Planeta [The Planet], 1991. — 269 p.

Роль и место религиозного фактора во внешней и внутренней политике современного Египта

Гузаль Кадилова
ТГУВ

АННОТАЦИЯ

Данная статья посвящена роли исламского фактора во внешней и внутренней политике Арабской Республики Египет. В статье анализируется, как исламский фактор в Египте проецируется на политические процессы в этой лидирующей мусульманской стране. Актуальность исследования обусловлена анализом сравнительно малоизученных процессов развития в одной из наиболее стабильных, ведущих мусульманских стран — Арабской Республике Египет в период после кризисных социально-политических событий т.н. «Арабской весны». При этом в исследовании анализируется, какое многомерное и противоречивое влияние оказывает ислам на политическую систему и политический курс руководства страны, независимо от исторического прошлого.

В статье автор путем системного и сравнительного анализа пытается показать, каким образом противостояние между правительством и «Братьями-мусульманами» оказывает влияние на внешнюю политику страны, в том числе международное сотрудничество Египта с соседними странами в период правления разных президентов страны.

Статья состоит из двух частей, первая из которых охватывает период с 1952 года до января 2012 года (т.е. до начала «Арабской весны»), где анализируется состояние и проблемы египетского общества, а также причины, приведшие к краху правления Хосни Мубарака. Вторая часть посвящена исследованию происходивших и происходящих внутренних социально-политических процессов и проблем, включая их отражение на внешней политике страны.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Исламский фактор, модернизация, политическая система Египта, «Братья-мусульмане», транзит власти, ХАМАС, международный терроризм..

The role and the place of the religious factor in the foreign and internal policy of modern Egypt

Guzal Kadirova
TDSHU

ABSTRACT

This article is devoted to the role of the Islamic factor in the foreign policy of the modern Arab Republic of Egypt. The article analyzes how the Islamic factor in Egypt is projected on the political processes in this leading Muslim country. The relevance of the study is that the article analyzes the relatively poorly studied development processes in one of the most stable and leading Muslim countries – the Arab Republic of Egypt in the period after the crisis socio-political events of the so-called «Arab Spring». At the same time the study analyzes what multidimensional and contradictory influence Islam has on the political system and the political course of the country's leadership, regardless of the historical past.

In the article, the author, through a systematic and comparative analysis, tries to show how the confrontation between the government and the Muslim Brotherhood influences the country's foreign policy, including Egypt's international cooperation with neighboring countries during the terms of various presidents of the country.

The article consists of two parts, the first part covering the period from 1952 until January 2012, i.e. the period before the «Arab Spring», which analyzes the state and problems of Egyptian society, as well as the reasons that had led to the collapse of the reign of Hosni Mubarak. The second part is devoted to the study of the ongoing and current internal socio-political processes and problems, including their reflection on the country's foreign policy.

KEYWORDS

Islamic factor, modernization, political system of Egypt, «Muslim Brotherhood», transit of power, HAMAS, international terrorism.

ВВЕДЕНИЕ

Арабская Республика Египет — страна с древней историей, одна из стран-лидеров Арабского Востока. В настоящее время она сталкивается с широким и многогранным спектром проявлений исламского фактора, как во внутренней, так и во внешней политике. Это стало следствием объективных причин исторического пути развития египетского общества и государства, в котором столкнулись светские черты государственности и влияния традиционного ислама. Ислам зачастую рассматривается не просто как религиозное учение, но и как образ жизни мусульман, неотъемлемой частью которой являются и политические, и экономические процессы.

Целью данной статьи является показать степень и возможные последствия влияния исламского фактора^[1] на внутреннюю и внешнюю политику Египта в постконфликтный период (2013 – 2020 гг.). Задачами же — показать роль и место религиозного фактора в египетской политике и обществе до 2011 – 2012 гг.; сравнить и проанализировать влияние исламского фактора на внешнюю политику при смене правящих элит; дать оценку внутренних политических процессов в Египте в период правления «Братьев-мусульман» (2012 – 2013) и после него; показать тщетность предпринимаемых попы-

ток правящей элиты Египта по сдерживанию исламистской оппозиции при отсутствии четко разработанной комплексной программы по борьбе с религиозным радикализмом и терроризмом.

К настоящему моменту в мире написано множество монографических и академических исследований и трудов по современному Египту. Спектр этих работ и исследований можно условно разделить на две части: до «Арабской весны» в АРЕ и после нее. Обзорных работ, академических исследований, посвященных Египту постконфликтного^[2] периода на английском, арабском и других языках относительно много, о чем свидетельствует небольшой список избранных работ, использованных мною в данной статье и приведенных ниже в сссылках.

Русскоязычных исследований ученых из стран СНГ, особенно после 1950-х годов, также достаточно, в первую очередь касательно доконфликтного периода развития. Среди них можно выделить работы В. Ахмадуллина, А. Богуславского, С. Волкова, А. Исаева, Г. Исаева, Н. Комлевой, А. Картунова, И. Крюкова, Р. Ланда, А. Манойло, В. Наумкина, А. Кузнецова, Ж. Петруниной, А. Пойда, Е. Примакова, Д. Примакова, М. Ражбадинова, Л. Сюкияйнена, А. Федорченко, И. Чайко и других^[3].

[1] В данном случае под исламским фактором следует понимать влияние мусульманской религии, ее правовых и моральных догматов, различных институтов и организаций на конкретное общество и государство (прим. авт.).

[2] Имеется в виду период (2011 – 2013 гг.) с начала Арабской весны в Тунисе и до конца 2013 года, когда власть перешла в руки военных, и некоторое время шли протестные акции в поддержку «Братьев-мусульман».

[3] Ахмадуллин В. В. Анализ интерпретации термина «Ближний Восток» арабоязычными авторами / В. В. Ахмадуллин. — Текст: непосредственный // Армия и общество. — 2014. — №4. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-interpretatsii-termi-na-blizhniy-vostok-araboyazychnymi-avtorami> (дата обращения: 17.06.2020); Богуславский А. Б. Внешняя политика Исламской Республики Иран на современном этапе / А. Б. Богуславский. // Институт Ближнего Востока. — Текст: электронный // Институт Ближнего Востока. — 2003. — 17 мая. — URL: <http://www.iimes.ru/?p=383> (дата обращения: 17.06.2020); Волков С. Н. Итоги конституционного референдума в Египте / С. Н. Волков. — Текст: электронный // ИМЭМО РАН. — URL: <https://www.imemo.ru/news/events/text/itogi-konstitutsionnogo-referenduma-v-egipte?ret=527> (дата обращения: 17.06.2020);

Но вместе с тем, говоря об именно постконфликтном периоде (после 2013 г.) следует отметить их явный недостаток. Можно выделить труды таких исследователей как О.В. Карпачева и М.Ф. Видясова, а также материалы научных конференций^[4], рассматривавших современное социально-политическое развитие и события на Ближнем Востоке. Однако,

учитывая стратегическую роль, которую играет Египет в этом регионе, и внимание, которое традиционно уделялось этой стране в научных кругах, следует всё же отметить некоторый недостаток русскоязычного контента в аналитическом сегменте, являющегося основополагающим для анализа и прогнозирования конфликтных ситуаций в других мусульманских странах^[5].

Исаев А. Внешняя политика Турции: от идеологии к прагматизму (в поисках геополитической парадигмы) / А. Исаев. — Текст: электронный // Международная жизнь. — 2018. — 6 дек. — URL: <https://interaffairs.ru/news/show/21163> (дата обращения: 17.06.2020); Исаев Г. Что такое «Ближний Восток»? / Г. Исаев. — Текст: электронный // Сетевое издание Центра исследований и аналитики Фонда исторической перспективы «Перспективы». — 2009. — 30 сент. — URL: http://www.perspektivy.info/book/chto_takoe_blizhnij_vostok_2009-09-30.htm (дата обращения: 17.06.2020); Комлева Н. А. Арабская весна как технологический элемент структуры мирового господства / Н.А. Комлева. — Текст: непосредственный // Пространство и время. — 2013. — №1. — С. 18-23; Кортунов А. Россия на Ближнем Востоке: тактические победы и стратегические вызовы / А. Кортунов. — Текст: электронный // Российский совет по международным делам. — URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rossiya-na-blizhnem-vostoke-takticheskie-pobedy-i-strategicheskie-vyzovy/> (дата обращения: 17.06.2020); Крючков И. Внешняя политика Саудовской Аравии на Ближнем Востоке в начале 21 века / И. Крючков. — Текст: непосредственный // Вестник Волгоградского государственного университета. — Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. — 2017. — Т. 22. — №3. — С. 142-149; Ланда Р. Политические волнения в арабском мире: видимость и суть / Р. Ланда. — Текст: непосредственный // Россия и мусульманский мир. — 2012. — №2. — С. 154-168; Манойло А.В. Технологии управления политическими конфликтами в революциях на Ближнем Востоке и в Северной Африке / А.В. Манойло. — Текст: непосредственный // ПОЛИТЭКС. — 2012. — Том 8. — № 1. — С. 131-154; Наумкин В.В. Вместо предисловия: круговорот Арабского пробуждения. / Ближний Восток, Арабское пробуждение и Россия: что дальше? Сборник статей / отв. Ред. В.В. Наумкин, В.В. Попов, В.А. Кузнецов. — ИВ РАН; Фак-т мировой политики и ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова. — Москва: ИВ РАН, 2012. — С. 3 – 20. — Текст: непосредственный; Наумкин В.В. Снизу вверх и обратно / В.В. Наумкин. — Текст: непосредственный // Россия в глобальной политике. — 2011. — №4. — URL: <https://globalaffairs.ru/articles/snizu-vverh-i-obratno/> (дата обращения 17.06.2020); Наумкин В.В., Кузнецов В.А. Исламский мир и исламские организации в современной мирополитической системе / В.В. Наумкин, В.А. Кузнецов. — Текст: непосредственный // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. — 2013. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/islamskiy-mir-i-islamskie-organizatsii-v-sovremennoy-miropoliticheskoy-sisteme-1> (дата обращения 17.06.2020); Петрунина Ж.В. Военные реформы Мухаммеда Али как основа реализации планов по созданию независимой арабо-мусульманской империи / Ж.В. Петрунина. — Текст: непосредственный // Наука и школа. — 2007. — №3. — С. 66-69. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/voennye-reformy-muhammeda-ali-kak-osnova-realizatsii-planov-po-sozdaniyu-nezavisimoy-arabo-musulmanskoj-imperii> (дата обращения 02.09.2020); Пойда А.А. Исторические детерминанты внешней политики Арабской Республики Египет / А.А. Пойда. — Текст: непосредственный // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. — 2018. — № 2. — С. 192 – 200; Примаков Е.М. Ближневосточный курс России: исторические этапы. / Ближний Восток, Арабское пробуждение и Россия: что дальше? Сборник статей / отв. ред.: В.В. Наумкин, В.В. Попов, В.А. Кузнецов. — ИВ РАН; Фак-т мировой политики и ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова. — Москва: ИВРАН, 2012. — С. 21-31; Примаков Д.Я. «Братская» конституция Египта / Д.Я. Примаков. — Текст: электронный // Российский совет по международным делам. — 2013. — 11 февр. — URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/bratskaya-konstitutsiya-egipta/> (дата обращения 17); Ражбадинов М.З. Ассоциация «Братья-мусульмане» и перспективы политических процессов в современном Египте / М. З. Ражбадинов. — Текст: непосредственный // Вестник МГИМО Университета. — 2013. — №1. — С. 42-46; Сюкияйнен Л.Р. Конституционный статус шариата как источника законодательства в арабских странах / Л.Р. Сюкияйнен. — Текст: непосредственный // Право в современном мире. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». — 2016. — №4. — С. 205 – 222. — URL: <https://law-journal.hse.ru/data/2016/12/15/111613970/syukiyaynen.pdf> (дата обращения 17.06.2020); Сюкияйнен Л.Р. Ислам и перспективы развития мусульманского мира / Л.Р. Сюкияйнен. — Текст: электронный // Высшая школа экономики. — 2006. — 20 сент. — URL: <https://www.hse.ru/news/1163603/1136241.html> (дата обращения 17.06.2020); Федорченко А.В. Египет после выборов: необходимость и возможность экономических реформ / А.В. Федорченко. — Текст: электронный // Портал МГИМО. — 2014. — 10 июня. — URL: <https://mgimo.ru/about/news/experts/253304/> (дата обращения 17.06.2020); Чайко И.А. Роль вооруженных сил в политической системе Египта / И.А. Чайко. — Текст: непосредственный // Вестник МГИМО Университета. — 2013. — №3. — С.50-56.

[4] Карпачева О.В. История исламской оппозиции в Египте / О.В. Карпачева. — Москва: 2013. — 216 с. — Текст: непосредственный; Видясова М.Ф. Египет: от Насера до наших дней / М.Ф. Видясова. — Москва: Сандра, 2020. — 248 с. — Текст: непосредственный; Исламские радикальные движения на политической карте современного мира: страны Северной и Северо-Восточной Африки / отв. ред. А.Д. Саватеев, Э.Ф. Кисриев. — Москва: URSS/Ленанд, 2015. — 424 с. — Текст: непосредственный.

[5] Имеется в виду для центральноазиатских республик (прим. авт.).

В связи с этим в предлагаемой статье был проведен сравнительный и системный анализ большого пласта как академических, так и электронных источников, а также русскоязычных, западных и арабских научных исследований, которые вкуче дают объективный анализ внутренней и внешней политики современного Египта.

Так, изучению исламского фактора во внешней политике Египта или его отдельных аспектов, анализу «арабской весны» посвящены

материалы А.К. Муштака, М. Афзала, А. Эрин, И. Идрис, Дж. Мутхукумара, Дж. Фахми, Дж. Шарпа, Д. Шенкера, Е. Стейна. Современную внешнюю политику Египта и особенности ситуации в стране рассматривают такие эксперты, как Х. Абугабал, Б. Абдаллах, А. аль-Адави, Х. Ахмадиан, А. аль-Хадиди, К. аль-Анани, Л. Ардовини, А. Ариан, Б. Боукер, Х. Дарвишех, М. Мейер-Ресенде, А. Мелканджи, Дж. Дентис, А. Меринголо, М. Носсер, Дж. Поуштер, Б. Пиатца, Р. Приевассер, Дж. Хаддад, Б. Хассан^[6].

- [6] Mushtaq A.Q., Afzal M. Arab Spring: Its Causes and Consequences / Abdul Qadir Mushtaq, Muhammad Afzal. — Текст: электронный // Journal of the Punjab University. — 2017. — Vol. 30. — Issue 1. — URL: http://pu.edu.pk/images/journal/HistoryPStudies/PDF_Files/01_V-30-No1-Jun17.pdf (дата обращения 17.06.2020); Snider E. A., Faris D. M. The Arab Spring: U.S. Democracy Promotion in Egypt / Erin A. Snider, David M. Faris. — Текст: непосредственный // Middle East Policy. — 2011. — Vol. 18. — Issue 3. — P. 49–62. — URL: <https://meepc.org/arab-spring-us-democracy-promotion-egypt> (дата обращения 17.06.2020); Fahmi G. Five Lessons From the New Arab Uprisings / George Fahmy. — Текст: электронный // Chatham House. — 2019. — November 12. — URL: <https://www.chathamhouse.org/expert/comment/five-lessons-new-arab-uprisings> (дата обращения 17.06.2020); Idris I. Analysis of the Arab Spring / Iffat Idris. — Текст: электронный // Governance and Social Development Resource Centre. — 2016. — April 8. — URL: <https://gsdrc.org/wp-content/uploads/2016/04/HDQ1350.pdf> (дата обращения 17.06.2020); Muthukumar J. Arab Spring and Third Wave of Democratisation: The case of Egypt / Janakan Muthukumar. — Текст: электронный // Modern Diplomacy. — 2019. — December 6. — URL: <https://modern diplomacy.eu/2019/12/06/arab-spring-and-third-wave-of-democratisation-the-case-of-egypt/> (дата обращения 17.06.2020); Sharp J. M. Egypt: The January 25 Revolution and Implications for U.S. Foreign Policy / Jeremy M. Sharp. — Текст: электронный // Congressional Research Service. — 2011. — February 11. — URL: <https://www.refworld.org/pdfile/4d6f4dc5c.pdf> (дата обращения 17.06.2020); Sharp J. Egypt: Background and U.S. Relations / Jeremy M. Sharp. — Текст: электронный // Congressional Research Service. — 2020. — URL: <https://fas.org/srg/crs/mideast/RL33003.pdf> (дата обращения 17.06.2020); Schenker D. Arab Spring or Islamist Winter? / David Schenker. — Текст: электронный // The Washington Institute for Near East Policy. — 2012. — January 31. — URL: <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/view/arab-spring-or-islamist-winter> (дата обращения 17.06.2020); Stein E. After the Arab Spring: power shift in the Middle East? / Ewan Stein. — Текст: непосредственный // London School of Economics and Political Science. — 2012. — URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/2800214.pdf> (дата обращения 17.06.2020); Abougabal H. Egypt rethinks foreign policy strategy / Hossam Abougabal. — Текст: электронный // Middle East Business Intelligence. — 2016. — February 23. — URL: <https://www.meed.com/egypt-rethinks-foreign-policy-strategy/> (дата обращения 17.06.2020); Abdallah B. Al-Azhar and Sisi's Regime: Structural Roots of Disagreement / Belal Abdallah. — Текст: электронный // Atlantic Council. — 2017. — April 7. — URL: <https://www.atlanticcouncil.org/blogs/menasource/al-azhar-and-sisi-s-regime-structural-roots-of-disagreement/> (дата обращения 17.06.2020); El-Adawy A. Egypt's Evolving Foreign Policy / Adel El-Adawy // The Washington Institute for Near East Policy — 2013. — October 17. — URL: <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/view/egypts-evolving-foreign-policy> (дата обращения 17.06.2020); Ahmadian H. Egyptian Foreign Policy Identities / Hassan Ahmadian. — Текст: непосредственный // Iranian Review of Foreign Affairs. — 2014. — Vol. 5. — No. 3. — P. 5–31. URL: <http://irfajournal.csr.ir/WebUsers/irfajournal/UploadFiles/OK/139409021334175000003-F.pdf> (дата обращения 17.06.2020); Elhadidi A. Egypt's Shifting Foreign Policy Priorities / Alaa Elhadidi. — Текст: электронный // The Cairo Review of Global Affairs. — 2018. — URL: <https://www.thecaireview.com/essays/egypts-shifting-foreign-policy-priorities/> (дата обращения 17.06.2020); Al-Anani K. Egypt's counterterrorism strategy in Sinai: challenges and failures / Khalil Al-Anani. — Текст: электронный // Responsible Statecraft. — 2020. — September 5. — URL: <https://responsiblereview.org/2020/09/05/egypts-counterterrorism-strategy-in-sinai-challenges-and-failures/> (дата обращения 17.06.2020); Ardovini L. Egypt's faltering legitimacy: Sisi's contested victory and pressing challenges / Lucia Ardovini. — Текст: электронный // The Foreign Policy Centre. — 2018. — April 4. — URL: <https://fpc.org.uk/sisi/> (дата обращения 17.06.2020); Arian A. Egypt and the Palestinian question / Abdullah Al-Arian. — Текст: электронный // Al Jazeera. — 2011. — December 4. — URL: <https://www.aljazeera.com/indepth/opinion/2011/02/20112512042978473.html> (дата обращения 17.06.2020); Hassan B. E. New Political Struggles for Egypt's Military / Bahey Eldin Hassan. — Текст: электронный // Carnegie Endowment for International Peace. — 2019. — May 9. — URL: <https://carnegieendowment.org/sada/79096> (дата обращения 17.06.2020); Piazza B. A. The Consolidation of Authoritarianism in al-Sisi's Egypt / Bárbara Azaola Piazza. — Текст: непосредственный // The European Institute of the Mediterranean. IEMed Yearbook. — 2018. — URL: https://www.iemed.org/observatori/arees-danalisi/arxius-adjunts/anyari/med.2018/Authoritarianism_Egypt_Barbara_Azaola_Piazza_Medyearbook2018.pdf (дата обращения 17.06.2020); Bowker B. Egypt's Revolution and the Lessons for Today / Bob Bowker. — Текст: электронный // Australian Institute of International Affairs. — 2017. — July 21. — URL: <http://www.internationalaffairs.org.au/australianoutlook/egyptian-revolution-1952-lessons/> (дата обращения 17.06.2020); Darwish H. Egypt under Sisi: from an Authoritarian Dominant-Party System to Strongman Politics / Housam Darwish. — Текст: электронный // JETRO-IDE Middle East Review. — 2018–2019. — Vol. 6. — URL:

Различные аспекты влияния исламского фактора на политические процессы и внешнюю политику Египта изучались в работах Х. Абаза, Х. Альбрехт, Дж. Армаджани, Ч. Басьюни, Л. Блейдс, Х. Давуд, М. Данн, Ф. Джерджс, А. Хамзави, Н. Браун, П. Кенъон, Д. Маковски, Р. Мейсон, Дж. Равински, Н. Шама, Д. Шехата. П. Эль-Шаракави, П. Мандавил, Ш. Хамид, Т. Уиттс рассматривали роль ислама в Египте в меняющейся внутренней и внешней среде. О. Руа, Н. Браун, М. Резаи анализировали «парадокс демократии» и исламистскую дилемму Египта. Публикации экспертов Middle East Monitor и Tahrir Institute for Middle East Policy (TIMEP) представляли

ситуационный анализ тех или иных процессов в Египте. Материалы американского центра World Politics Review методом интервью с представителями «Братьев-мусульман» предлагают анализ современного положения и перспектив исламистов в Египте^[7].

Среди исследователей Узбекистана отдельно следует выделить труды Ш. Ёвкочева, в которых анализируется влияние ислама на политическую систему Египта, и другие аспекты изучаемой темы^[8].

Исследуя современные взаимоотношения религии и государства в Египте можно отметить, что они были заложены в XIX в., в период реформ

https://www.ide.go.jp/library/Japanese/Publish/Periodicals/Me_review/pdf/201903_01.pdf (дата обращения 17.06.2020); Darwish H. Regime Survival Strategies and the Conduct of Foreign Policy in Egypt / Housam Darwish. — Текст: электронный // JETRO-IDE Middle East Review. — 2014-2015. — Vol. 2. — URL: https://www.ide.go.jp/library/Japanese/Publish/Periodicals/Me_review/pdf/201503_01.pdf (дата обращения 17.06.2020); Haddad J. Foreign Policy under the President al-Sisi / John Haddad. — Текст: электронный // Monterey. — 2018. — 57 p. URL: <https://apps.dtic.mil/dtic/tr/fulltext/u2/1059890.pdf> (дата обращения 17.06.2020); Melcangi A., Dentice G. Libya's crisis is a tough puzzle to solve for Egypt / Alessia Melcangi, Giuseppe Dentice. — Текст: электронный // Atlantic Council. — 2020. — June 18. — URL: <https://www.atlanticcouncil.org/blogs/menasource/libyas-crisis-is-a-tough-puzzle-to-solve-for-egypt/> (дата обращения 17.06.2020); El Sharakawy P. Islamic – Secular Hybrid and the Egyptian State / Pakinam El Sharakawy. — DOI: 10.1080/19370679.2013.12023217. — Текст: электронный // Journal of Middle Eastern and Islamic Studies (in Asia). — 2018. — July 17. — Vol. 7. — Issue 1. — P. 17-58. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/pdf/10.1080/19370679.2013.12023217> (дата обращения 06.09.2020); Mandaville P., Hamid S. Islam as Statecraft: How Governments use Religion in Foreign Policy / Peter Mandaville, Shadi Hamid. — Текст: непосредственный // Brookings Institution. The New Geopolitics. Middle East. — 2018. — November. — URL: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2018/11/FP_20181116_islam_as_statecraft.pdf (дата обращения 17.06.2020); Mandaville P., Hamid S. The Rise of Islamic Soft Power / Peter Mandaville, Shadi Hamid. — Текст: электронный // Foreign Affairs — 2018. — December 7. — URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/middle-east/2018-12-07/rise-islamic-soft-power> (дата обращения 17.06.2020); Wittes T. The New U.S. Proposal for a Greater Middle East Initiative: An Evaluation / Tamara Cofman Wittes. — Текст: электронный // Brookings Institution. — 2004. — May 10. — URL: <https://www.brookings.edu/research/the-new-u-s-proposal-for-a-greater-middle-east-initiative-an-evaluation/> (дата обращения 17.06.2020); Brown N. The Muslim Brotherhood's Democratic Dilemma / Nathan J. Brown. — Текст: электронный // Carnegie Endowment for International Peace. — 2011. — December 1. — URL: <https://carnegieendowment.org/2011/12/01/muslim-brotherhood-s-democratic-dilemma/8kqi> (дата обращения 17.06.2020); Rezaei M. Egypt and "Democracy Dilemma" / Masoud Rezaei. — DOI: 10.5897/AJPSIR2014.0763. — Текст: электронный // African Journal of Political Science and International Relations. — 2015. — June. — Vol. 9 (6). — P. 217-224. — URL: <https://academicjournals.org/journal/AJPSIR/article-full-text-pdf/B83139F52949> (дата обращения 17.06.2020); Roy O. Islam: the Democracy Dilemma / Olivier Roy. — Текст: электронный // Wilson Center. — URL: <https://www.wilsoncenter.org/islam-the-democracy-dilemma-0> (дата обращения 17.06.2020).

[7] Why Egypt's Muslim Brotherhood Needs to Transform to Survive. — Текст: электронный // World Politics Review. — 2018. — February 20. — URL: <https://www.worldpoliticsreview.com/articles/24221/why-egypt-s-muslim-brotherhood-needs-to-transform-to-survive> (дата обращения 05.09.2020). — Режим доступа: по подписке.

[8] Ёвков Ш.А. Влияние ислама на формирование современной политической системы АРЕ: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора политических наук / Ш.А. Ёвков; Академия государственного и общественного строительства при Президенте Республики Узбекистан. — Ташкент, 2009. — Текст: непосредственный; Ёвков Ш.А. Египет: влияние радикальных исламистских организаций и движений на социально-политическую ситуацию / Ш.А. Ёвков. — Текст: непосредственный // Восток. — 2007. — № 6. — С.116-123; Ёвков Ш.А. Ислам и модели политического и социально-экономического развития государств мусульманского мира / Ш.А. Ёвков. — Текст: непосредственный // Центральная Азия и Кавказ. — 2008 г. — № 1. — С. 170-178; Ш.А. Ёвков Трансформация внешнеполитической стратегии США в свете "твиттерных революций" на Ближнем Востоке / Ш.А. Ёвков. — Текст: непосредственный // Ўзбекистон Республикаси ОУМТВ миқёсидаги иккинчи анъанавий илмий-амалий конференция материаллари тўплами. / Масъул муҳаррир Ёвков Ш.А. Б. Очилов // Ташкентский государственный институт востоковедения. — 2011. — С.11-14.

Мухаммеда Али (1805 – 1848), который создал прообраз современного государства и стал основоположником монархической династии, правившей до установления в стране республиканской формы правления. В центре его реформ было создание мощной современной армии. О векторе модернизации Мухаммеда Али также свидетельствовал тот факт, что воинский устав был фактически позаимствован у армии Наполеона. Вокруг вооруженных сил в Египте на тот период выстраивалась относительно современная система государственного управления, проводились реформы во всех сферах жизни общества, и прежде всего, в сфере экономики и образования^[9]. Модернизация общества, осуществленная Мухаммедом Али, проходила на фоне переосмысления традиционных норм общества, основанных на шариате.

Так, исламский фактор и модернизация общества были постоянными элементами обсуждений в египетском обществе начиная с XIX в. Все обновления в Египте рассматривались через призму исламских норм. К примеру, поражение в 1811 г. от ваххабитов в начале вторжения на Аравийский полуостров объяснялось властями тем, что египетская армия, в отличие от ваххабитской, не следовала исламским нормам, обряды и предписания не выполнялись, азана^[10] не было слышно, а с армией следовали ящики со спиртным^[11]. Такой подход согласовывался с мнением властей о необходимости

соблюдения приличий и исламских норм в обществе.

Однако попытки сочетать процессы модернизации по европейскому образцу с традиционными исламскими канонами не увенчались успехом, а основополагающие противоречия между светским характером государства и требованиями ислама оказались неразрешенными, доставшись в наследство современной политической системе Египта.

В целом невозможность полностью реализовать идею светской государственности или на практике монополизировать религиозную идеологию проявилась уже при первых попытках модернизации и поставила политическую систему Египта перед классической дилеммой авторитарного управления или отказа от светского государства в пользу монархическо-теократического.

Впрочем, еще одним традиционным наследием государственных реформ Мухаммеда Али стала особая роль армии в обществе, характерная для большинства мусульманских стран региона. Как правило, в них вооруженные силы исполняют роль не только защитника от внешних угроз, но и фактически держат в своих руках безопасность и стабильность государства. Такие черты арабского менталитета, связанные с подчинением и уважением населением «сильной власти», обеспечивали стабильность и порядок в государстве, состоящим из разнородных слоев населения и продолжением кланово-племенных традиций.

[9] Rivlin H. A. B. Mohammed Ali / Helen Anne B. Rivlin. — Текст: электронный // Encyclopedia Britannica. — URL: <https://www.britannica.com/biography/Muhammad-Ali-pasha-and-viceroy-of-Egypt> (дата обращения 02.09.2020).

[10] Азан – призыв на молитву у мусульман (прим. авт.).

[11] Петрунина Ж.В. Военные реформы Мухаммеда Али как основа реализации планов по созданию независимой арабо-мусульманской империи / Ж.В. Петрунина. — Текст: непосредственный // Наука и школа. — 2007. — №3. — С. 66 – 69. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/voennye-reformy-muhammeda-ali-kak-osnova-realizatsii-planov-po-sozdaniyu-nezavisimoy-arabo-musulmanskoj-imperii> (дата обращения 02.09.2020).

ФОРМИРОВАНИЕ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ЕГИПТА: ОТ НАСЕРА ДО МУРСИ

Особенности политической системы Египта проявились также в ходе революции 1952 г. В ходе свержения монархической власти главной движущей силой стала военная организация «Свободные офицеры», что еще раз подчеркнуло особую стабилизирующую роль армии в политических процессах Египта. Достаточно вспомнить, что все^[12] президенты Египта — М. Нагиб, Г.А. Насер, А. Садат, Х. Мубарак и А.Ф. ас-Сиси — также вышли из армейских рядов, тем самым обозначая сохранение особого положения вооруженных сил в системе политических координат Египта.

Представляется, что победа Г.А. Насера в «Революции 23 июля» означала, что военный аппарат и система безопасности стали главными средствами достижения и сохранения власти в Египте. Тогда, в процессе революции 1952 г. и установления нового республиканского политического строя, активную поддержку военным оказало имевшее большую популярность среди народа организация «Братья-мусульмане»^[13]. Радикальная исламская организация поддержала реформистские попытки нового правительства во главе с генералом Мухаммадом Нагибом, который, являлся формальным главой «Свободных офицеров». М. Нагиб потерпел поражение во внутривнутриполитической борьбе в начале 1954 г. и к власти пришел молодой и амбициозный

Г.А. Насер (1954 – 1970). Понимая всю опасность растущего влияния «Братьев-мусульман», Г.А. Насер, воспользовавшись попыткой покушения на его жизнь, бросил всю мощь государственного аппарата и армии на запрет этой радикальной исламской организации, а её членов подверг массовым гонениям и репрессиям.

Этот процесс взаимодействия армии, государственного управления и исламистов стал характерным свидетельством неразрешимого противоречия между светским и религиозным внутри политической системы страны и также характерным для современного Египта, указывая, что заложенные изначально фундаментальные противоречия сохраняются и служат основой для исламистской дилеммы, утверждая при этом роль вооруженных сил как гаранта сохранения конституционного порядка против исламистов.

Вместе с тем, период правления Г.А. Насера предопределил еще одну ключевую особенность развития политических процессов в традиционных мусульманских обществах. Подвергшиеся жестким репрессиям исламисты не исчезли с политической арены Египта, но, перейдя в подполье, в значительной степени радикализировались. В ходе второй волны репрессий против «Братьев-мусульман» в 1960-е, были сформулированы основные идеи Саййида Кутба и Абуль Аля Маудуди, которые считаются одними из главных идеологов радикального исламизма XX века, отвергавшими легитимность

[12] Лишь Мухаммад Мурси — ставленник Братьев Мусульман был избран в период «Арабской весны» в АРЕ в 2012 г. и руководил Египтом ровно один год до военного переворота в 2013 г.

[13] Allouche Y. Remembering the 1952 Egyptian Revolution / Yasmina Allouche. — Текст: электронный // Middle East Monitor. — 2017. — July 23. — URL: <https://www.middleeastmonitor.com/20170723-remembering-the-1952-egyptian-revolution/> (дата обращения 02.09.2020).

правительств, обвиняя их в безбожии и утверждая необходимость завоевания власти силовым путем^[14].

Победить исламских радикалов силовыми методами было невозможным: любая сила вызывала ответную силу. Попытки государства предложить альтернативу и монополизировать тем самым политическую идеологию, включающую собственную интерпретацию ислама также не увенчались успехом. Это относится и к периоду президента Насера, апеллировавшего к арабскому национализму, и к периоду Анвара Садата, «заигрывавшего» с исламистами и погибшего от их рук. Компромиссная политика «кнута и пряника» Хосни Мубарака, который, с одной стороны, использовал силы безопасности против исламистов, с другой — допустил их участие в составе блоков или в качестве независимых кандидатов на парламентских выборах, также не принесла существенных изменений в решении умиротворения исламистов и соблюдении религиозно-светского баланса в государстве. Последовавшая за «кнута», комплексная социально-экономическая государственная программа, включавшая т.н. «иссушение корней» религиозного экстремизма, также не принесла должных результатов вследствие своей половинчатости.

В целом различные ответы на исламистские вызовы в условиях постоянно меняющегося политического пространства, как правило, не приносят стратегического успеха. Попытки государства определить место и роль ислама были

всегда и продолжают в настоящее время при президенте Абдель Фаттахе ас-Сиси, вновь встречая упорное сопротивление, как со стороны исламистов, так и самого традиционного общества.

Ещё одну характерную черту для политических процессов в Египте обнажили последние годы правления Х. Мубарака. Политическая и экономическая либерализация, осуществляемая Х. Мубараком под давлением Запада, подорвала главное преимущество египетских властей, на которое они опирались — гарантии стабильности и безопасности в стране. Конституционная реформа 2005 г. позволила «Братьям-мусульманам» прорваться в парламент и продемонстрировать не только свою популярность, но и политическую силу^[15]. В условиях религиозно-политического противостояния в стране эта организация стало главной организующей и направляющей силой исламской оппозиции.

АРАБСКАЯ ВЕСНА ИЛИ РЕВАНШ ИСЛАМИСТОВ

События 2011 – 2013 годов продемонстрировали во многом схожий с 1952 – 1954 годами сценарий. Свержение Х. Мубарака сопровождалось схожими требованиями демократизации и либерализации. Исламисты, во главе с «Братьями-мусульманами», а также и более радикальные салафиты резко усилили свои позиции на внутренней арене страны. Однако, в отличие от 1952 г., «Братья-мусульмане» смогли использовать революционный момент

[14] Gerges F.A. Making the Arab world: Nasser, Qutb, and the Clash That Shaped the Middle East / Fawaz A. Gerges. — Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 2018. — Текст: непосредственный.

[15] Имеется в виду популярность этой организации среди населения АРЕ, а также конкурентоспособность её политической программы на внутренней политической арене Египта (прим. авт.).

и прийти к власти через процедуру демократических выборов президента в 2012 году.

Таким образом, на примере Египта можно отметить действенность так называемого «парадокса демократии», когда демократизация приводит к власти антидемократические, в данном случае, исламистские силы. Однако отсутствие политического опыта управления государством привело исламистов к кризису и падению популярности среди населения. В этой связи, можно согласиться с мнением известного французского исламоведа Оливье Руа, что неспособность «Братьев-мусульман» эффективно трансформировать исламские нормы в более универсальные ценности подорвало их престиж^[16]. Под универсальными ценностями здесь должно понимать понятные для всех общечеловеческие устоявшиеся нормы общества.

В свою очередь, как представляется, это привело «Братьев-мусульман» к дилемме между проигрышем на новых демократических выборах или введением более авторитарных методов управления. Исламисты выбрали второй вариант, однако военные не позволили завершить трансформацию Египта в исламистское государство, и взяли власть в свои руки, используя общенародное недовольство правлением М. Мурси (2012 – 2013).

В то же время очередной виток репрессий против исламистов, последовавший после смены власти, не привел к решению исламистской угрозы в государстве. Влияние исламистов и актуальность исламистской дилеммы

для Египта остается на повестке дня, и в настоящее время правящий режим ас-Сиси осуществляет попытки по решению проблемы религиозного радикализма и терроризма, предлагая уже известные варианты равноправия религий и толерантности. Однако эти и другие попытки по искоренению религиозного радикализма и терроризма не получают должной поддержки среди населения и в стране продолжают репрессии, попытки государственного подчинения светских и религиозных независимых институтов.

Можно предположить, что проблема революционных моментов в Египте тесно связано с проблемой транзита и преемственности власти. Если действующий президент отказывается уходить, это ослабляет институциональные основы государства^[17] и ведет к постепенной дестабилизации основ государства и режима.

Однако глубинными причинами ключевых политических событий в Египте, в том числе революционных событий, все же являются изначально заложенные принципиальные противоречия между светским и религиозным в политической системе.

ВОЕННЫЙ АВТОРИТАРИЗМ ИЛИ ТРАДИЦИОННЫЙ ПА- ТЕРНАЛИЗМ

Политика президента Абдель Фаттах ас-Сиси по подавлению любой оппозиции или независимых структур, с одной стороны, способствует консолидации правящего режима,

[16] Roy O. Islam: the Democracy Dilemma / Olivier Roy. — Текст: электронный // Wilson Center. — URL: <https://www.wilsoncenter.org/islam-the-democracy-dilemma-0> (дата обращения 05.09.2020).

[17] Bowker B. Egypt's Revolution and the Lessons for Today / Bob Bowker. — Текст: электронный // Australian Institute of International Affairs. — 2017. — July 21. — URL: <http://www.internationalaffairs.org.au/australianoutlook/egyptian-revolution-1952-lessons/> (дата обращения 05.09.2020).

с другой — ослабляет возможности светских политических сил в противовес исламистским. Как представляется, в долгосрочной перспективе это может негативно сказаться на устойчивости правящего режима и его способности противостоять исламистам, особенно в случае крупных внешнеполитических неудач, например, провала возможной интервенции в Ливии, или невыполнения неформальных обязательств режима по обеспечению безопасности и стабильности внутри страны.

Одновременно с подавлением светских и исламистских движений, президент ас-Сиси оказывает давление на руководство аль-Азхара^[18], как главного центра относительно независимой исламской мысли в стране. Еще в 2013 году они были союзниками, и, как подчеркивает египетский исследователь Б. Абдалла, президент АРЕ стремился использовать авторитет аль-Азхара для того, чтобы легитимировать свои решения относительно «Братьев-мусульман» и радикальных исламистов^[19].

Однако по мере укрепления режима стали нарастать противоречия между политическим руководством страны и руководством аль-Азхар. В частности, в 2016 году Верховный имам аль-Азхара ат-Тойиб отказался признавать рекомендацию Международной исламской конференции в Грозном, прошедшей при поддержке президента АРЕ А.Ф. ас-Сиси и правительства ОАЭ,

о признании «Братьев-мусульман» и салафитов немусульманами^[20].

Разногласия между президентом Египта и Верховным имамом аль-Азхара носят принципиальный характер. Президент ас-Сиси считает, что обладает исключительным правом и возможностями решения всех проблем страны, в то время как Верховный имам считает себя обязанным защищать святость и роль одного из наиболее авторитетных духовных учреждений в исламском мире.

Представляется, что конфликт между президентом Египта и руководителем аль-Азхара представляет собой шаг к огосударствлению относительно независимой структуры и может рассматриваться в качестве попытки государства не только монополизировать ислам как идеологию, но и реформировать роль главного религиозного учреждения страны в обществе, которая не менялась со времен Мухаммада Али.

Тем не менее, независимо от тактических успехов или неудач ас-Сиси, в перспективе противоречия с исламистами скорее всего сохранятся при относительно высокой роли исламского фактора. Это будет происходить на фоне относительно большой роли частных мечетей и школ, различных исламских некоммерческих и благотворительных организаций, банков и т.д. Не претендуя на какую-либо политическую роль, они формируют независимые от го-

[18] Аль-Азхар — один из старейших в мире университетов, а также наиболее престижный мусульманский духовный университет мира. Основан в 988 году в Каире (АРЕ). Играет важную религиозно-политическую роль в АРЕ. Верховный имам приравнен к статусу Заместителю Премьер-министра АРЕ.

[19] Abdallah B. Al-Azhar and Sisi's Regime: Structural Roots of Disagreement / Belal Abdallah. — Текст: электронный // Atlantic Council. — 2017. — April 7. — URL: <https://www.atlanticcouncil.org/blogs/menasource/al-azhar-and-sisi-s-regime-structural-roots-of-disagreement/> (дата обращения 05.09.2020).

[20] Dalloul M. A. A clash of former allies: Al-Sisi and the Grand Imam of Al-Azhar / Motasem A Dalloul. — Текст: электронный // Middle East Monitor. — 2020. — February 5. — URL: <https://www.middleeastmonitor.com/20200205-a-clash-of-former-allies-al-sisi-and-the-grand-imam-of-al-azhar/> (дата обращения 05.09.2020).

сударства и его идеологии взгляды, предлагающие альтернативное видение и понимание мира.

В настоящее время сложившаяся ситуация в Египте, в частности, в отношениях государства с исламскими организациями, остается в тупиковой ситуации. Военные пока не могут пойти на смягчение и относительную либерализацию политических процессов. Более того, как показывает нынешний конфликт с Верховным имамом аль-Азхара, президент А.Ф. ас-Сиси настойчиво стремится сгладить любые проявления противоречий и показать дружное единогласие в верхах.

В настоящее время положение руководства АРЕ сравнимо с «президентской монархией», в которой оно «возвышается» над политическими процессами, не отождествляя себя ни с одной политической партией^[21]. Однако, как показывает современная история Египта, исключение исламской оппозиции из легальных политических процессов все же не решает проблему, но лишь видоизменяет ее форму.

Если же допустить возможность последующей либерализации, то это вновь приведет к необходимости в новой форме решать исламистскую дилемму и даже к возможному «парадоксу демократии», то есть к повторению «пороч-

ного круга»^[22] между авторитаризмом с опорой на вооруженные силы с одной стороны, и политическим исламом — с другой.

Вероятнее всего, этот «порочный круг» развития в Египте будет неизбежно повторяться, поскольку правящий режим пытается осуществлять политическую и экономическую модернизацию, ставя амбициозные цели развития к 2030 году^[23], что неизбежно приведет к возникновению внутривнутриполитических конфликтов и активизации исламистских сил, и тем самым — поиску путей дальнейшего развития сформированного «светско-исламистского гибрида»^[24] в рамках политической системы АРЕ.

Как считает эксперт Института Гувера Л. Блейдз, необходимость модернизации общества обусловлена также и тем, что демографические и экономические проблемы, а также проблемы сферы здравоохранения усугубятся для Египта уже в ближайшее десятилетие, и это потребует сложных и скоординированных политических решений^[25].

В этой связи выживаемость нынешнего режима будет зависеть от того, насколько успешно президент Абдель Фаттах ас-Сиси сможет справиться с вышеуказанными проблемами. Отказ от модернизации в случае ее провала или возросших рисков для самого

[21] Darwish H. Egypt under Sisi: from an Authoritarian Dominant-Party System to Strongman Politics / Housam Darwish. — Текст: электронный // JETRO-IDE Middle East Review. — 2018-2019. — Vol. 6. — URL: https://www.ide.go.jp/library/Japanese/Publish/Periodicals/Me_review/pdf/201903_01.pdf (дата обращения 05.09.2020).

[22] Rezaei M. Egypt and "Democracy Dilemma" / Masoud Rezaei. — DOI: 10.5897/AJPSIR2014.0763. — Текст: электронный // African Journal of Political Science and International Relations. — 2015. — June. — Vol. 9 (6). — P. 217-224. — URL: <https://academicjournals.org/journal/AJPSIR/article-full-text-pdf/B83139F52949> (дата обращения 05.09.2020).

[23] Egypt 2030: официальный сайт / The Arab Republic of Egypt Presidency. — URL: <https://www.presidency.eg/en/%D9%85%D8%B5%D8%B1/%D8%B1%D8%A4%D9%8A%D8%A9-%D9%85%D8%B5%D8%B1-2030/> (дата обращения 07.09.2020). — Текст: электронный.

[24] El Sharakawy P. Islamic – Secular Hybrid and the Egyptian State / Pakinam El Sharakawy. — DOI: 10.1080/19370679.2013.12023217. — Текст: электронный // Journal of Middle Eastern and Islamic Studies (in Asia). — 2018. — July 17. — Vol. 7. — Issue 1. — P. 17-58. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/pdf/10.1080/19370679.2013.12023217> (дата обращения 06.09.2020).

[25] Blaydes L. Challenges to Stability in Egypt / Lisa Blaydes. — Текст: электронный // Hoover Institution. — 2019. — April 23. — URL: <https://www.hoover.org/research/challenges-stability-egypt> (дата обращения 06.09.2020).

режима будет означать полный крах и дальнейшую радикализацию оппозиционных сил, наиболее весомой частью которых являются исламисты, а также недовольство политической и экономической элиты.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ВНЕШНЕЙ И ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКИ

Для президента ас-Сиси новая активизация радикальных исламистских групп на территории страны, прежде всего на Синайском полуострове стала неожиданностью и потому привела к необходимости ведения более эффективной борьбы против них. Хотя отчасти он унаследовал эту проблему от Х. Мубарака, в полной мере радикальные группы обосновались на Синайском полуострове только после январской революции 2011 года. Присоединение террористической группировки «Ансар Бейт аль-Макдис» к ИГИЛ и последовавшее за этим объявление «Исламским государством» в 2014 году Синайского полуострова «Вилаят Синай» («Синайский округ»), привело к новой активизации боевых действий на полуострове. После поражения ИГИЛ в Ираке и Сирии, часть боевиков переместилась на Синай^[26]. Аналитики утверждали, что проводимые антитеррористические операции должны не только послужить укреплению безопасности, но и консолидировать общество, милитаризировать политические институты и ликвидировать любую возможную оппозицию президенту А.Ф. ас-Сиси накануне президентских выборов 2018 года^[27]. Однако искоренить терроризм на Синайском полуострове пока не удалось, и во властных кругах получает распространение мнение о том, что борьба с терроризмом сосредоточена на его сдерживании, а не устранении^[28].

Именно в данном контексте следует также рассматривать сближение интересов и позиций Египта и Израиля по вопросу международного терроризма и борьбе против радикальных исламистских групп. Израиль рассматривает Синайский полуостров как «буферную зону», и заинтересован в скорейшей зачистке этой территории, которая после должна будет остаться демилитаризованной в соответствии с Кэмп-Дэвидскими соглашениями^[29].

С операциями на Синайском полуострове тесно связана также и Палестинская проблема. Контролирующее сектор Газа движение ХАМАС является ключевым фактором, определяющим палестинскую политику Каира. Поддержка ХАМАС «Братьев-мусульман» обусловила напряженность в отношениях с египетским правительством. Более того, после начала военных операций Израиля в секторе Газа Египет отказался от поддержки ХАМАС,

С операциями на Синайском полуострове тесно связана также и Палестинская проблема. Контролирующее сектор Газа движение ХАМАС является ключевым фактором, определяющим палестинскую политику Каира. Поддержка ХАМАС «Братьев-мусульман» обусловила напряженность в отношениях с египетским правительством. Более того, после начала военных операций Израиля в секторе Газа Египет отказался от поддержки ХАМАС,

[26] Чернин В. Синайский округ Исламского Государства и Израиль. / В. Чернин. — Текст: электронный // Институт Ближнего Востока. — 2018. — January 14. — URL: <http://www.iimes.ru/?p=40662> (дата обращения 06.09.2020).

[27] The Battle for Sinai: The Inside Story of Egypt's Political Violence. — Текст: электронный // Al Jazeera Centre for Studies. — 2018. — April 1. — URL: <https://studies.aljazeera.net/en/reports/2018/04/battle-sinai-story-egypts-political-violence-180401105807265.html> (дата обращения 07.09.2020).

[28] Al-Anani K. Egypt's counterterrorism strategy in Sinai: challenges and failures / Khalil al-Anani. — Текст: электронный // Responsible Statecraft — 2020. — September 5. — URL: <https://responsiblestatecraft.org/2020/09/05/egypts-counterterrorism-strategy-in-sinai-challenges-and-failures/> (дата обращения 10.09.2020).

[29] Turjeman S. Israel's Sinai Dilemma / Sami Turjeman. — Текст: электронный // The Washington Institute. — 2018. — April 23. — URL: <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/view/israels-sinai-dilemma> (дата обращения 10.09.2020).

рассматривая это как давление с целью побудить отказаться от сотрудничества с «Братьями-мусульманами». В новой хартии ХАМАС, принятой в 2017 году, это движение больше не упоминалось, а лидеры ХАМАС подчеркивали принцип невмешательства во внутренние дела Египта^[30].

Политика нынешнего египетского руководства в отношении Палестины и движения ХАМАС основана уже не на безусловной поддержке палестинских организаций, а на условиях разрыва с «Братьями-мусульманами» и другими уступками, позволяющими лучше обеспечивать безопасность АРЕ.

Наряду с этим Каир посредством Лиги арабских государств осудил возможность аннексии Западного берега реки Иордан Израилем как «новое военное преступление против палестинского народа»^[31].

Противостояние с «Братьями-мусульманами» и их союзниками предопределило позицию Каира и в ливийском конфликте. Ливийский кризис представляет собой серьезный вызов для внутренней стабильности и внешней политики Египта, выступающего за решение региональных конфликтов политическими методами. Данный конфликт имеет также большое геополитическое значение для Каира из-за стратегического сближения между ОАЭ и Саудовской Аравией. Кроме того, эти страны поддерживают

Халифу Хафтара против базирующегося в Триполи Правительства национального согласия, поддерживаемого, в свою очередь, Турцией и Катаром^[32].

Таким образом, представляется уместным подчеркнуть, что на ливийском направлении позиция президента ас-Сиси также определяется внутренним конфликтом с «Братьями-мусульманами», сторонники которого находят убежище на территориях, контролируемых Правительством национального согласия Ливии. Вероятность проведения египетскими ВС военной операции в Ливии по зачистке от исламистов и вероятная неудача в этом деле может подорвать народную поддержку режима Абдель Фаттаха ас-Сиси. Возможная неудачная операция в Ливии также может повлечь за собой укрепление позиций исламистов во главе с «Братьями-мусульманами» внутри страны, что может вынудить правящий режим отойти от планируемых в этом направлении мер и программ по дерадикализации общества на неопределенное время.

ВЫВОДЫ

Исламский фактор играл и играет существенную роль во внешней и внутренней политике АРЕ во все времена и при всех её президентах. Так, при президенте Х. Мубараке, одним из приоритетов политики было не только восстановление позиций Египта в арабском и мусульманском мире вследствие

[30] Hamzawy A. Palestinian Nationalism: Regional Perspective / Amr Hamzawy. — Текст: электронный // Carnegie Endowment for International Peace. — 2017. — URL: <https://carnegieendowment.org/2017/09/08/egypt-and-palestine-hamas-factor-pub-73039> (дата обращения 10.09.2020).

[31] Sharp J. M. Egypt: Background and U.S. Relations / Jeremy M. Sharp. — Текст: электронный // Congressional Research Service. — 2020. — May 27. — URL: <https://fas.org/sgp/crs/mideast/RL33003.pdf> (дата обращения 10.09.2020).

[32] Melcangi A., Dentice G. Libya's crisis is a tough puzzle to solve for Egypt / Alessia Melcangi, Giuseppe Dentice. — Текст: электронный // Atlantic Council. — 2020. — June 18. — URL: <https://www.atlanticcouncil.org/blogs/menasource/libyas-crisis-is-a-tough-puzzle-to-solve-for-egypt/> (дата обращения 15.08.2020).

заклучения Анваром Садатом мирного соглашения с Израилем в Кэмп-Дэвиде (1978 г.), но и восстановление религиозно-светского баланса в обществе. Политика сдерживания путем «кнута и пряника» не дала должного результата вследствие отсутствия последовательной религиозной политики. Поздние неудачи в процессе мирного урегулирования палестино-израильского конфликта также негативно сказались на престиже Х. Мубарака в самом Египте и арабском мире в целом.

Современные принципы внешней политики АРЕ основаны на ее ключевых детерминантах, к которым относятся: геополитическое положение, исламский фактор, принадлежность к арабскому миру и Африке, наличие стратегического Суэцкого канала, принадлежность к бассейну реки Нил, а также динамика взаимоотношений с такими мировыми центрами сил, такими как США, Китай и ЕС. Ныне арабский, африканский, исламский, азиатский, европейский и международный «круги» составляют основы внешнеполитической стратегии страны, в соответствии с которыми формируются приоритеты страны.

Внешняя политика современного Египта осуществляется в первую очередь исходя из интересов правящей элиты. Именно по этой причине, смены руководства страны, произошедшие в период 2011 – 2013 гг., привели к существенным политическим изменениям, о чем свидетельствуют резкие «повороты» как во внешней, так и внутренней политике страны.

После прихода к власти Абдель Фаттаха ас-Сиси Каир, учитывая новые политические реалии в мире, стал выстраивать более сбалансированное взаимодействие с другими мировыми державами, в первую очередь с Россией и Францией, что повлекло за собой ослабление позиций США в регионе. Вместе с тем исламский фактор остается одним из главных во внешней политике страны, определяющих и корректирующих её основные векторы и характер, что выражается при учёте и выборе методов осуществления внешней и внутренней политики Египта.

Во внутренней политике президент ас-Сиси стал рассматривать исламистов как своего основного противника режима. Для подавления как внутренних, так и внешних очагов активно используются Вооруженные силы АРЕ. Проводимая политика равного отношения ко всем религиям и пропаганды религиозной толерантности в стране не встречает должного понимания среди населения. Политика сдерживания, выражаемая в силовом прессинге, не привела к окончательному подавлению исламистов, и, как показывает новейшая история Египта, заводит правящий режим в очередной тупик, выхода из которого пока правительство АРЕ не видит.

Таким образом, исламский фактор во внешней политике АРЕ является прямым продолжением его проявления во внутренних политических процессах страны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Петрунина Ж. В. Военные реформы Мухаммеда Али как основа реализации планов по созданию независимой арабо-мусульманской империи / Ж. В. Петрунина. — Текст: непосредственный / Наука и школа. — 2007. — №3. — С. 66-69. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/voennye-reformy-muhammeda-ali-kak-osnova-realizatsii-planov-po-sozdaniyu-nezavisimoy-arabo-musulmanskoj-imperii> (дата обращения 02.09.2020).
2. Чернин В. Синайский округ Исламского Государства и Израиль. / В. Чернин. — Текст: электронный / Институт Ближнего Востока. — 2018. — January 14. — URL: <http://www.iimes.ru/?p=40662> (дата обращения 06.09.2020).
3. Abdallah B. Al-Azhar and Sisi's Regime: Structural Roots of Disagreement / Belal Abdallah. — Текст: электронный / Atlantic Council. — 2017. — April 7. — URL: <https://www.atlanticcouncil.org/blogs/menasource/al-azhar-and-sisi-s-regime-structural-roots-of-disagreement/> (дата обращения 05.09.2020).
4. Al-Anani K. Egypt's counterterrorism strategy in Sinai: challenges and failures / Khalil al-Anani. — Текст: электронный / Responsible Statecraft — 2020. — September 5. — URL: <https://responsiblestatecraft.org/2020/09/05/egypts-counterterrorism-strategy-in-sinai-challenges-and-failures/> (дата обращения 10.09.2020).
5. Allouche Y. Remembering the 1952 Egyptian Revolution / Yasmina Allouche. — Текст: электронный / Middle East Monitor. — 2017. — July 23. — URL: <https://www.middleeastmonitor.com/20170723-remembering-the-1952-egyptian-revolution/> (дата обращения 02.09.2020).
6. Blaydes L. Challenges to Stability in Egypt / Lisa Blaydes. — Текст: электронный / Hoover Institution. — 2019. — April 23. — URL: <https://www.hoover.org/research/challenges-stability-egypt> (дата обращения 06.09.2020).
7. Bowker B. Egypt's Revolution and the Lessons for Today / Bob Bowker. — Текст: электронный / Australian Institute of International Affairs. — 2017. — July 21. — URL: <http://www.internationalaffairs.org.au/australianoutlook/egyptian-revolution-1952-lessons/> (дата обращения 05.09.2020).
8. Dalloul M. A. A clash of former allies: Al-Sisi and the Grand Imam of Al-Azhar / Motasem A Dalloul. — Текст: электронный / Middle East Monitor. — 2020. — February 5. — URL: <https://www.middleeastmonitor.com/20200205-a-clash-of-former-allies-al-sisi-and-the-grand-imam-of-al-azhar/> (дата обращения 05.09.2020).
9. Darwish H. Egypt under Sisi: from an Authoritarian Dominant-Party System to Strongman Politics / Housam Darwish. — Текст: электронный / JETRO-IDE Middle East Review. — 2018-2019. — Vol. 6. — URL: https://www.ide.go.jp/library/Japanese/Publish/Periodicals/Me_review/pdf/201903_01.pdf (дата обращения 05.09.2020).
10. Egypt 2030: официальный сайт / The Arab Republic of Egypt Presidency. — URL: <https://www.presidency.eg/en/%D9%85%D8%B5%D8%B1/%D8%B1%D8%A4%D9%8A%D8%A9-%D9%85%D8%B5%D8%B1-2030/> (дата обращения 07.09.2020). — Текст: электронный.

11. El Sharakawy P. Islamic – Secular Hybrid and the Egyptian State / Pakinam El Sharakawy. — DOI: 10.1080/19370679.2013.12023217. — Текст: электронный / Journal of Middle Eastern and Islamic Studies (in Asia). — 2018. — July 17. — Vol. 7. — Issue 1. — P. 17-58. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/pdf/10.1080/19370679.2013.12023217> (дата обращения 06.09.2020).
12. Gerges F. A. Making the Arab world: Nasser, Qutb, and the Clash That Shaped the Middle East / Fawaz A. Gerges. — Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 2018. — 483 p. — Текст: непосредственный.
13. Hamzawy A. Palestinian Nationalism: Regional Perspective / Amr Hamzawy. — Текст: электронный / Carnegie Endowment for International Peace. — 2017. — URL: <https://carnegieendowment.org/2017/09/08/egypt-and-palestine-hamas-factor-pub-73039> (дата обращения 10.09.2020).
14. Melcangi A., Dentice G. Libya's crisis is a tough puzzle to solve for Egypt / Alessia Melcangi, Giuseppe Dentice. — Текст: электронный / Atlantic Council. — 2020. — June 18. — URL: <https://www.atlanticcouncil.org/blogs/menasource/libyas-crisis-is-a-tough-puzzle-to-solve-for-egypt/> (дата обращения 15.08.2020).
15. Rezaei M. Egypt and “Democracy Dilemma” / Masoud Rezaei. — DOI: 10.5897/AJPSIR2014.0763. — Текст: электронный / African Journal of Political Science and International Relations. — 2015. — June. — Vol. 9 (6). — P. 217-224. — URL: <https://academicjournals.org/journal/AJPSIR/article-full-text-pdf/B83139F52949> (дата обращения 05.09.2020).
16. Rivlin H. A. B. Mohammed Ali / Helen Anne B. Rivlin. — Текст: электронный / Encyclopedia Britannica. — URL: <https://www.britannica.com/biography/Muhammad-Ali-pasha-and-viceroy-of-Egypt> (дата обращения 02.09.2020).
17. Roy O. Islam: the Democracy Dilemma / Olivier Roy. — Текст: электронный / Wilson Center. — URL: <https://www.wilsoncenter.org/islam-the-democracy-dilemma-0> (дата обращения 05.09.2020).
18. Sharp J. M. Egypt: Background and U.S. Relations / Jeremy M. Sharp. — Текст: электронный / Congressional Research Service. — 2020. — May 27. — URL: <https://fas.org/sgp/crs/mideast/RL33003.pdf> (дата обращения 10.09.2020).
19. The Battle for Sinai: The Inside Story of Egypt's Political Violence. — Текст: электронный / Al Jazeera Centre for Studies. — 2018. — April 1. — URL: <https://studies.aljazeera.net/en/reports/2018/04/battle-sinai-story-egypts-political-violence-180401105807265.html> (дата обращения 07.09.2020).
20. Turjeman S. Israel's Sinai Dilemma / Sami Turjeman. — Текст: электронный / The Washington Institute. — 2018. — April 23. — URL: <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/view/israels-sinai-dilemma> (дата обращения 10.09.2020).
21. Why Egypt's Muslim Brotherhood Needs to Transform to Survive. — Текст: электронный / World Politics Review. — 2018. — February 20. — URL: <https://www.worldpoliticsreview.com/articles/24221/why-egypt-s-muslim-brotherhood-needs-to-transform-to-survive> (дата обращения 05.09.2020). — Режим доступа: по подписке.

REFERENCES

1. Abdallah B. Al-Azhar and Sisi's Regime: Structural Roots of Disagreement / Belal Abdallah. // Atlantic Council. — 2017. — April 7. — URL: <https://www.atlanticcouncil.org/blogs/menasource/al-azhar-and-sisi-s-regime-structural-roots-of-disagreement/> (access date 05.09.2020).
2. Al-Anani K. Egypt's counterterrorism strategy in Sinai: challenges and failures / Khalil al-Anani. // Responsible Statecraft — 2020. — September 5. — URL: <https://responsiblestatecraft.org/2020/09/05/egypts-counterterrorism-strategy-in-sinai-challenges-and-failures/> (access date 10.09.2020).
3. Allouche Y. Remembering the 1952 Egyptian Revolution / Yasmina Allouche. // Middle East Monitor. — 2017. — July 23. — URL: <https://www.middleeastmonitor.com/20170723-remembering-the-1952-egyptian-revolution/> (access date 02.09.2020).
4. Blaydes L. Challenges to Stability in Egypt / Lisa Blaydes. // Hoover Institution. — 2019. — April 23. — URL: <https://www.hoover.org/research/challenges-stability-egypt> (access date 06.09.2020).
5. Bowker B. Egypt's Revolution and the Lessons for Today / Bob Bowker. // Australian Institute of International Affairs. — 2017. — July 21. — URL: <http://www.internationalaffairs.org.au/australianoutlook/egyptian-revolution-1952-lessons/> (access date 05.09.2020).
6. Chernin V. Sinajskij okrug Islamskogo Gosudarstva i Izrail' [The Islamic State's Sinai Province and Israel] / V. Chernin. // Institut Blizhnego Vostoka [The Institute of Middle East]. — 2018. — January 14. — URL: <http://www.iimes.ru/?p=40662> (access date 06.09.2020).
7. Dalloul M. A. A clash of former allies: Al-Sisi and the Grand Imam of Al-Azhar / Motasem A Dalloul. // Middle East Monitor. — 2020. — February 5. — URL: <https://www.middleeastmonitor.com/20200205-a-clash-of-former-allies-al-sisi-and-the-grand-imam-of-al-azhar/> (access date 05.09.2020).
8. Darwisheh H. Egypt under Sisi: from an Authoritarian Dominant-Party System to Strongman Politics / Housam Darwisheh. // JETRO-IDE Middle East Review. — 2018-2019. — Vol. 6. — URL: https://www.ide.go.jp/library/Japanese/Publish/Periodicals/Me_review/pdf/201903_01.pdf (access date 05.09.2020).
9. Egypt 2030: the official website / The Arab Republic of Egypt Presidency. — URL: <https://www.presidency.eg/en/%D9%85%D8%B5%D8%B1/%D8%B1%D8%A4%D9%8A%D8%A9-%D9%85%D8%B5%D8%B1-2030/> (access date 07.09.2020).
10. El Sharakawy P. Islamic – Secular Hybrid and the Egyptian State / Pakinam El Sharakawy. — DOI: 10.1080/19370679.2013.12023217. // Journal of Middle Eastern and Islamic Studies (in Asia). — 2018. — July 17. — Vol. 7. — Issue 1. — P. 17-58. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/pdf/10.1080/19370679.2013.12023217> (access date 06.09.2020).
11. Gerges F. A. Making the Arab world: Nasser, Qutb, and the Clash That Shaped the Middle East / Fawaz A. Gerges. — Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 2018. — 483 p.

12. Hamzawy A. Palestinian Nationalism: Regional Perspective / Amr Hamzawy. // Carnegie Endowment for International Peace. — 2017. — URL: <https://carnegieendowment.org/2017/09/08/egypt-and-palestine-hamas-factor-pub-73039> (access date 10.09.2020).

13. Melcangi A., Dentice G. Libya's crisis is a tough puzzle to solve for Egypt / Alessia Melcangi, Giuseppe Dentice. // Atlantic Council. — 2020. — June 18. — URL: <https://www.atlanticcouncil.org/blogs/menasource/libyas-crisis-is-a-tough-puzzle-to-solve-for-egypt/> (access date 15.08.2020).

14. Petrunina Zh. V. Voennye reformy Muhammeda Ali kak osnova realizacii planov po sozdaniyu nezavisimoy arabo-musul'manskoj imperii [Mohammed Ali's military reforms as the basis for implementing the plans of creating an independent Arab-Islamic empire] / Zh. V. Petrunina. // Nauka i shkola [Science and school] — 2007. — №3. — P. 66-69. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/voennye-reformy-muhammeda-ali-kak-osnova-realizatsii-planov-po-sozdaniyu-nezavisimoy-arabo-musulmanskoj-imperii> (access date 02.09.2020).

15. Rezaei M. Egypt and "Democracy Dilemma" / Masoud Rezaei. — DOI: 10.5897/AJPSIR2014.0763. // African Journal of Political Science and International Relations. — 2015. — June. — Vol. 9 (6). — P. 217-224. — URL: <https://academicjournals.org/journal/AJPSIR/article-full-text-pdf/B83139F52949> (access date 05.09.2020).

16. Rivlin H. A. B. Mohammed Ali / Helen Anne B. Rivlin. // Encyclopedia Britannica. — URL: <https://www.britannica.com/biography/Muhammad-Ali-pasha-and-viceroy-of-Egypt> (access date 02.09.2020).

17. Roy O. Islam: the Democracy Dilemma / Olivier Roy. // Wilson Center. — URL: <https://www.wilsoncenter.org/islam-the-democracy-dilemma-0> (access date 05.09.2020).

18. Sharp J. M. Egypt: Background and U.S. Relations / Jeremy M. Sharp. // Congressional Research Service. — 2020. — May 27. — URL: <https://fas.org/sgp/crs/mideast/RL33003.pdf> (access date 10.09.2020).

19. The Battle for Sinai: The Inside Story of Egypt's Political Violence. // Al Jazeera Centre for Studies. — 2018. — April 1. — URL: <https://studies.aljazeera.net/en/reports/2018/04/battle-sinai-story-egypts-political-violence-180401105807265.html> (access date 07.09.2020).

20. Turjeman S. Israel's Sinai Dilemma / Sami Turjeman. // The Washington Institute. — 2018. — April 23. — URL: <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/view/israels-sinai-dilemma> (access date 10.09.2020).

21. Why Egypt's Muslim Brotherhood Needs to Transform to Survive. // World Politics Review. — 2018. — February 20. — URL: <https://www.worldpoliticsreview.com/articles/24221/why-egypt-s-muslim-brotherhood-needs-to-transform-to-survive> (access date 05.09.2020). — Access mode: subscription.

Выбор в пользу территориальных воинских формирований в Мексике: создание мексиканской Национальной гвардии

Маркос Пабло Молоезник

PhD, Университет Гвадалахары (Мексика)

«Национальная гвардия не гарантирует правосудия, ни в коем случае утешения или сдерживания, которое дает ограниченный и кратковременный результат. Это решение представляет собой путь милитаризации вопреки функциям гражданских институтов».

Луис Рауль Гонсалес Перес

Омбудсмен / Национальная комиссия по правам человека

Палата депутатов, 9 января 2019 года

АННОТАЦИЯ

Процесс милитаризации общественной безопасности в Мексике представлен в двух формах: непосредственное участие вооруженных сил в области внутренней безопасности и создание и развитие так называемых “территориальных воинских формирований” или военизированных организаций,

управляемых военнослужащими, из которых они состоят. В рамках данной работы был рассмотрен процесс создания Национальной гвардии и отхода на второй план федеральной полиции, имеющей гражданский характер, а также усиление процесса милитаризации общественной безопасности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Территориальные воинские формирования - Военизированные организации - Национальная гвардия США - Национальная гвардия Франции - Мексика.

The Choice for Intermediate Forces in Mexico: The Birth of the Mexican National Guard

Marcos Pablo Moloeznik

PhD, Universidad de Guadalajara (Mexico)

“The National Guard does not guarantee justice, in any case deterrence or containment that has limited and short-term effects. This decision constitutes a path of militarization, in opposition to functions of civil institutions”.

Luis Raúl González Pérez

Ombudsman / Comisión Nacional de los Derechos Humanos

Chamber of Deputies, 9th January 2019

ABSTRACT

The process of militarization of public security in Mexico is presented under two modalities: the direct engagement of the Armed Forces in the field of internal security and the creation and development of so-called intermediate forces or paramilitary forces, often commanded

and made up of military personnel. Throughout this contribution, a review of the process of creating the National Guard and the disappearance of the federal police with a civil profile and the consolidation of the process of militarization of public security.

KEY WORDS

Intermediate forces – paramilitary forces – Nacional Guard – Gendarmerie – Mexico.

BRIEF INTRODUCTION

Throughout the historical evolution of Mexico, the successive governments — including those of political alternation have used the armed forces as the primary response to public insecurity and violence.

However, this process of militarization — the direct commitment of the military in the field of public security — is subjected to a continuous transformation.

This change occurs with the creation of the National Gendarmerie in 2014 as a division of the federal police and, more recently, with the appearance of the National Guard under the command of the army.

The presidential agreement that the Armed Forces have to carry out public security tasks to the aid of the National Guard^[1] will add five more years of military intervention in the streets^[2].

Therefore, the choice is in favor of intermediate forces or militarized police that privilege the repressive function of the State. This is the legacy of continental Europe and the antithesis of the civil police of Anglo-Saxon tradition.

The purpose of this article is to account for the process of creating the National Guard in Mexico from the doctrine of intermediate forces.

ABOUT INTERMEDIATE FORCES

The International Committee of the Red Cross (ICRC) notes: “In the majority of States the law enforcement bodies are civilian

in origin and nature and are usually attached to the Ministry of the Interior or of Justice. Other States entrust law enforcement responsibility to military or paramilitary bodies, which operate under the responsibility of the Ministry of Defence”^[3].

This last type of bodies is called security forces, also known as intermediate forces in the doctrine. Napoleon I, in a letter addressed to the King of Naples, described the French National Gendarmerie (from French “gens d’armes”, men-at-arms) as a unique force in Europe that brings the most reliable information, “half civilian, half military”^[4]. For this reason, the Gendarmerie had a double historical belonging to the Ministry of Interior and the Ministry of Defence (since January 2009 this institution is attached to the Ministry of Interior), it is considered as reserve for the armed forces, has a military status, it is capable of combat in case of an armed conflict and its disciplinary regime is based in the code of military justice.

It is noteworthy than in the world there are two main models of intermediate forces: the National Guard of the United States of America and the National Gendarmerie of France. The “structure and organization [of these forces] will also depend on the political organization of the State [...] tend to have a strict hierarchical (military-type) set-up with as many functional levels as there are different ranks. They are mainly closed

[1] How we began. // National Guard – 2019. – URL: <https://www.nationalguard.mil/about-the-guard/how-we-began/> (access mode: 21.01.2021).

[2] ACUERDO por el que se dispone de la Fuerza Armada permanente para llevar a cabo tareas de seguridad pública de manera extraordinaria, regulada, fiscalizada, subordinada y complementaria. // Official Gazette of the Federation. – 2020. – URL: https://www.dof.gob.mx/nota_detalle.php?codigo=5593105&fecha=11/05/202 (access mode: 23.02.2021).

[3] De Rover C. To Serve and to Protect. Human rights and humanitarian law for police and security forces. Second Edition, Revised and updated by A. Bienert. – Geneva: ICRC, 2014. – P. 133. – URL: <https://shop.icrc.org/catalogsearch/result?q=Serve+and+protect> (access mode: 20.02.2021).

[4] Quel avenir pour la gendarmerie?. Rapport d’information n°27 (2007-2008) fait au nom de la commission des affaires étrangères. // Sénat. – Paris, 2008. – URL: https://www.senat.fr/rap/r07-271/r07-271_mono.html#toc0, (access mode: 15.01.2021).

systems and most decision-making processes are of the “top-down variety”^[5].

The intermediate forces are a hard nucleus of the police in which the personnel have a “military state”. These forces have their origins in the two biggest revolutionary movements of the XVIII century: the independence of the Thirteen colonies in North-America and the French Revolution, with the creation of the National Guard and the Gendarmerie Nationale respectively^[6].

These coercive instruments correspond to the first historical manifestations of the Rule of Law — also known as Liberal Rule of Law — because the emphasis of the functions of the state apparatus relate to freedom and right to security^[7].

The advantages of having this type of security forces is that in case of internal disturbances and tensions that surpasses the capacities of the civilian police, there is no need to use the armed forces^[8].

Lutterbeck summarized the debate on the existence of these intermediate forces in the following way: “Analysis typically view the persistence of gendarmerie or paramilitary forces as somewhat of an anachronism or anomaly. Representing a continuation of military or quasi-military presence in domestic security, their existence is of course at odds with one of the basic principles — and indeed achievements — of the modern nation-state, at least in its liberal-democratic

form: the separation between police and military. As militarized police forces, they are also often associated with authoritarian or repressive tendencies, and are seen as a potential threat to civil liberties. In the following, however, it is argued that despite, or actually because of, their anomalous status, such intermediary forces have gained tremendous importance over recent years. Precisely because they combine the characteristics of police and military forces, they have come to play an increasingly salient role of the post-Cold War security agenda: in the field of border control [...] and that of peace support operations [...]”^[9].

Also Easton and Moelker add to the academic debate on the militarization of the police. He “[...] concentrates on two paradoxical trends. On the one hand, attention is being paid to the military character of police organizations, an issue which has been discussed since the advent of modern police forces [...] The core of this discussion is the impact of the military structure and culture on different aspects of our society. In the 19th and 20th centuries and up until now, military organizational principles are for example implemented in different kind of organizations such as religious groups, youth associations, hospitals and the police [...] On the other hand, the development of democracies raises questions about how to democratize/demilitarize police forces to meet all the requirements of a modern

[5] De Rover C. To Serve and to Protect. Human rights and humanitarian law for police and security forces. Second Edition, Revised and updated by A. Bienert. – Geneva: ICRC, 2014. – P. 133, 327. – URL: <https://shop.icrc.org/catalogsearch/result/?q=Serve+and+protect> (access mode: 20.02.2021).

[6] Moloeznik M.P. and Bravo Aguilar N.T. Libro blanco de la guardia nacional (Abordaje y análisis de expertos y actores nacionales e internacionales) / Moloeznik M.P. and Bravo Aguilar N.T. // The LXIV Legislature of the Chamber of Deputies. – Mexico City, 8-9 January. – P. 16-17.

[7] Díaz E. Estado de Derecho y sociedad democrática. – Madrid: Taurus, 1985.

[8] Moloeznik M.P. Internal Disturbances and Tensions. / D. Djukic and N. Pons // The Companion to International Humanitarian Law. – Leiden and Boston: Brill and Nijoff Publishers, 2018. – P. 416-417.

[9] Lutterbeck D. Between Police and Military. The New Security Agenda and the Rise of Gendarmeries, Cooperation and Conflict. // Journal of the Nordic International Studies Association. – 2004. – Vol. 39, Issue 1. – P. 50-51.

constitutional state. The concept of community policing is at the center of this trend [...] Both trends are useful to conceptualize the impact of the blurring boundaries between the police and the armed forces upon the organizational and operational functioning of police forces all over the world”^[10].

Currently, “the global trend of having civilian commands among the public security institutions is very clear: 75% of the countries have a complete or predominantly civilian command [...] In the last 20 years, countries such as Austria, Belgium, El Salvador, Guatemala, Luxemburg, Serbia, and Ukraine, have pushed reforms to disappear the gendarmeries and have only civilian bodies”^[11].

Regardless of the different positions, the intermediate forces are ad hoc coercive instruments to respond to the risks and threats to security in the Post-Westphalian era^[12] such as transnational organized crime and terrorism (through the border control and its presence in areas in where the state is weak). Threats to the international peace and security – by taking part in Peacekeeping missions^[13] –, and other situations of violence in the domestic sphere, such as maintaining law and public order^[14].

UNITED STATES NATIONAL GUARD

The National Guard has its origins in the independence of the thirteen colonies based on the concept of “nation and people in arms” of the XVIII century. This concept consisted of a system of citizen militias, conformed by armed volunteers fighting for an independent nation, genesis of second generation wars^[15].

The National Guard reflects the federal model/pact, because each state of the Union has this coercive instrument to its disposal and the governor is the supreme commander. Furthermore: “[...] at federal level, at regional/State level and sometimes even at municipal level. This often goes hand in hand with decentralized legislative powers and hence different laws governing the responsibilities and powers of the different structures at the federal, regional/state and municipal level”^[16].

The National Guard can be defined as the local armed force, composed by citizens and trained by the respective state authorities, to defend and preserve the sovereignty of the country, peace and internal order. In cases of emergency, this force is capable to solve critical situations, without mobiliz-

[10] Easton. M. and Moelker R. Police and Military: two worlds apart? Current Challenges in the Process of Constabularisation of the Armed Forces and Militarisation of the Civilian Police. / M. Easton, et al (eds.). // *Blurring of Military and Police Roles*. – The Hague: Eleven International Publishing, 2010. – P. 2.

[11] Sánchez Valdés V. M. Seguridad pública en el mundo: ¿quién está al mando? – Nexos, 7 January 2019. – URL: <https://seguridad.nexos.com.mx/seguridad-publica-en-el-mundo-quien-esta-al-mando/> (access mode: 10.01.2021)

[12] Arcudi G. Forces de police et forces armées, sécurité et défense: où sont les frontières? / M. Liechti, G. Arcudi and M. Vonlanthen. // *Frontiers entre police et armée*. – Genève: Institut International de Recherches pour la Paix à Genève, Cahier du Gipri (2), 2004. – P. 17–34.

[13] Friesendorf C. International Intervention and the Use of Force: Military and Police Roles. // The Geneva Centre for the Democratic Control of Armed Forces (DCAF). – 2012. – URL: <https://www.peacepalacelibrary.nl/ebooks/files/383260469.pdf> (access mode: 15.01.2021).

[14] To Serve and to Protect: Guide for Police Conduct and Behavior. // International Committee of the Red Cross. – Geneva: ICRC, 2015. – P. 7. – URL: <https://shop.icrc.org/to-serve-and-to-protect-guide-for-police-conduct-and-behaviour-first-aid-print-en> (access mode: 19.01.2021).

[15] Moloeznik M.P. Public Order and Safety / D. Djukic and N. Pons // *The Companion to International Humanitarian Law*. – Leiden and Boston: Brill and Nijhoff Publishers, 2018. – P. 49–50.

[16] De Rover C. To Serve and to Protect. Human rights and humanitarian law for police and security forces. Second Edition, Revised and updated by Anja Bienert. – Geneva: ICRC, 2014. – P. 133. – URL: <https://shop.icrc.org/catalogsearch/result/?q=Serve+and+protect> (access mode: 19.01.2021).

ing the Army, or bring an effective control until the military arrives.

It is an intermediate force or militarized police that has a double nature, civilian and military at the same time, which justifies the constitutional power of the President of the United States to use it in cases of emergency, catastrophes or armed conflict, in his capacity of Commander in Chief of the Armed Forces. The National Guard is a coercive instrument capable to deal with emergencies and situations that can be considered as gray areas, between war and peace, that the ICRC names other situations of violence (OSV)^[17]. Consequently, it must be considered as a body used for reaction/repression, with personnel that is trained to face international armed conflicts (interstate or traditional) as well as non-international (intra-social) using the highest intensity of the force of a State, which legitimately monopolizes the use of force.

Summarizing, the United State National Guard is a decentralized model with a part time nature that comes from 1636, although recognized as part of the armed forces of the emerging American state in 1775. It is formed with citizens that voluntarily join it and decide to use their free time in serving for this institution, while keeping their main civilian activity. Federalism constitutes a distinctive mark, because each state of the United States has its own National Guard to – in principle – respond to emergency situations, natural disasters or public disorders.

GENDARMERIE NATIONALE OF FRANCE

This corporation responds to the traditional conception of public order, foreseen in the Napoleonic Code of the XIX century^[18]. Characterized by its military and centralized structure, extended throughout the entire territory, it focuses in the protection and extension of the political power of the governing persons or groups. Repressive and reactive on crime and at the service of the princes or State, with the ultimate goal to maintain public order^[19].

The particularity of the gendarmerie is that it constitutes a police force with a military status: the gendarme is defined as the “soldier of law” because it is a military in charge of a police mission, the same manner as a police officer. As established in Article 1 of the decree of 20 May 1903: “the gendarmerie is a force established to guarantee the public security and maintain the law and order”.

It is essentially a military force because of its organization, missions and values. It is also known as the “fourth branch of the army”^[20].

This military dimension is very notorious in terms of its *modus operandi* and characteristics (life in barracks and use of uniforms in particular); its ceremonialism and symbolism (for instance, its oath); and also for the status and spirit of its personnel.

[17] Moloeznik M.P. Internal Disturbances and Tensions. / D. Djukic and N. Pons // *The Companion to International Humanitarian Law*. – Leiden and Boston: Brill and Nijhoff Publishers, 2018. – P. 516-517.

[18] Moloeznik M.P. Public Order and Safety / D. Djukic and N. Pons // *The Companion to International Humanitarian Law*. – Leiden and Boston: Brill and Nijhoff Publishers, 2018. – P. 590.

[19] Balbé M. Modelos policiales comparados. // VII Seminario “Duque de Ahumada”, Seguridad y Estado Autonómico. – Madrid: Ministerio del Interior, 1996. – P. 113-127.

[20] Quel avenir pour la gendarmerie?. Rapport d'information n°27 (2007-2008) fait au nom de la commission des affaires étrangères. // Sénat. – Paris, 2008. – URL: https://www.senat.fr/rap/r07-271/r07-271_mono.html#toc0, (access mode: 15.01.2021).

The gendarmes are professional soldiers (career), subject to the military chief of staff (code of military justice) as defined by the law of 24 March 2005. According to it, it is forbidden for a gendarme, as for any other military personnel, to be associated with any political group or association. Furthermore, it is subjected to the duty of reserve, obligation of not diminishing the neutrality of the armies, prohibition to go on strike and freedom of association.

According to Vaultier: "The Gendarmerie National's missions are as follows: public order, restoring order, counterterrorist intervention, criminal investigation, prevention, assistance and rescue missions, surveillance of the territory and overseas police and military police [...] Overall, the activity of the gendarmerie breaks down into 50 percent civil defense, 40 percent criminal investigation, and 10 percent military missions"^[21].

In this framework, the ICRC^[22] recognizes that: "Maintaining law and order is the responsibility of civil authorities. It is the task of the civil police and/or of paramilitary troops, such as gendarmeries, which are specially equipped, organized and trained for such missions".

The political-administrative organization of France responds to the centralized nature of its State and therefore: "[...] the law enforcement body will usually

be an equally centralized monolithic body with a vertical chain of command extending from the top central level to the lowest local level"^[23].

In a summary, the Gendarmerie Nationale of France (1791) is a centralized and full-time model. It is a unique body that exercises its jurisdiction in all French territory, including the possessions overseas. Its members commit their entire life to this career that has two scales, one for the officials that will exercise the command and the other for the execution of the orders (gendarmes and non-commissioned officers).

THE BIRTH OF THE MEXICAN NATIONAL GUARD

The "Alternative Project of Nation 2018 – 2024" of the National Regeneration Movement (Movimiento de Regeneración Nacional "MORENA") that endorsed Andrés Manuel López Obrador to the presidency of Mexico, constitutes a diagnosis of the hecatomb in which Enrique Peña Nieto^[24] leaves the country after his mandate, however this "Project" practically does not include proposals of public policy.

The only exception to the absence of proposals is the announcement of the creation of the National Guard, without clarifying a definition of this body or what its missions and functions would be.

[21] Vaultier D. The Military's Role in Homeland Security in France. / J. L. Clarke // *Armies in Homeland Security. American and European Perspectives*. – Washington, D.C.: National Defense University, 2006. – P. 214-215. – URL: <https://www.hsdl.org/?view&did=481961> (access mode: 19.02.2021).

[22] *Violence and the Use of Force*. // International Committee of the Red Cross. – Geneva: ICRC, 2015. – P. 6 – URL: <https://shop.icrc.org/violence-et-usage-de-la-force-871.html> (access mode: 8.02.2021).

[23] De Rover C. To Serve and to Protect. Human rights and humanitarian law for police and security forces. Second Edition, Revised and updated by Anja Bienert. – Geneva: ICRC, 2014. – P. 133. – URL: <https://shop.icrc.org/catalogsearch/result/?q=Serve+and+protect> (access mode: 19.01.2021).

[24] Wilkinson D. México: la militarización de la seguridad pública. // Human Rights Watch, 4 October 2018. – URL: <https://www.hrw.org/es/news/2018/10/04/mexico-la-militarizacion-de-la-seguridad-publica> (access mode: 15.01.2021).

Shortly before taking position as President López Obrador^[25] presents the “2018 – 2024 Peace and Security Plan”.

In the plan, “[...] it is enunciated a radically different public security paradigm completely different from what has been applied in the previous six years [...]”^[26]; while recognizing that: “[...] the police and martial strategy applied in the last twelve years has left a human and social tragedy of incalculable dimensions: more than 200 thousand people killed and more than 37 thousand are missing –of which almost five thousand are minors– a hardly calculable number of people displaced by violence and millions of people who have had to modify their life patterns to protect themselves”^[27].

Within this framework, it is proposed to rethink national security and reorient the Armed Forces; because: “If the Army and Navy have experienced attrition and loss of confidence among some sectors of the population, this has been due to orders from the civil command to participate in repressive actions or in police functions for which these institutions have not been empowered or trained”^[28].

However, “In the absence of a professional police institution capable of facing the challenge of insecurity and violence, it is necessary to continue to have the military institutions in the preservation and recovery of the public security and the fight against crime [...] These circumstances lead us to propose that, without abandoning

its constitutional obligations to ensure the national security and territorial integrity of the country (including its airspace and the territorial sea), the preservation of National sovereignty and assistance to the population in cases of disaster, our Armed Forces participate in the construction of peace through a leading role in the formation, structuring and training of the National Guard, which should assume the functions of preserving strategic facilities and civil protection at the federal level in all its facets, beyond conjuncture nature of the Plan of DN-III (natural disasters)”^[29].

Thus, the creation of the National Guard is proposed, “[...] as the primary instrument of the federal Executive power to prevent crime, preserve public safety, recover of peace and the fight against crime throughout the country”^[30].

It is conceived as “[...] similar to corporations such as the French National Gendarmerie, an armed force responsible for the police missions, and the Spanish Civil Guard, an armed institute of a military nature that performs public security functions. [...] The personnel of the new body will come from the Military and Naval police, as well as the current Federal Police, and additionally civilians and troop elements will be summoned to contribute in the formation of new elements, which will receive training in military facilities, according to a curriculum developed jointly

[25] López Obrador A.M. Plan de Paz y Seguridad 2018-2014. – 25 November 2018. – URL: <https://lopezobrador.org.mx/temas/plan-nacional-de-paz-y-seguridad/> (access mode: 15.01.2021).

[26] López Obrador A.M. Plan de Paz y Seguridad 2018-2024. – 25 November 2018. – P. 3. – URL: https://lopezobrador.org.mx/wp-content/uploads/2018/11/PLAN-DE-PAZ-Y-SEGURIDAD_ANEXO.pdf (access mode: 15.01.2021).

[27] Ibid. – P. 10.

[28] Ibid. – P. 14.

[29] López Obrador A.M. Plan de Paz y Seguridad 2018-2024. – 25 November 2018. – P. 16. – URL: https://lopezobrador.org.mx/wp-content/uploads/2018/11/PLAN-DE-PAZ-Y-SEGURIDAD_ANEXO.pdf (access mode: 15.01.2021).

[30] Ibid. – P. 17-18.

by the Ministries of Defense, Navy, Interior and Citizen Security [...] The permanent tasks of formation of elements will depend on the Military Education System with civil and military teachers”^[31].

Finally, a term of three years is set for the new corporation to reach full institutional and operational functioning with a state of force of 50,000 troops, which allows it to cover the 266 regions in which it is planned to divide the country (delimited by the amount population and crime incidence); and, at the same time, it is recorded that “the operational command of the National Guard will be in charge of officers of the Mexican Army or, in the coastal areas, of the Mexican Navy”^[32].

In case there was any doubt about the operational dimension, the document states that: “The Ministry of Defense will assume the operational command of the National Guard, the recruitment, training and organization of its troops, as well as its equipment, deployment and operability, based on the requirements indicated by the Security Coordinations and in compliance with the guidelines of action elaborated by the Secretariat of Citizen Security”^[33].

In this context, in November 2018, legislators of the parliamentary group of the MORENA party in the Congress (Chamber of Deputies) presented an initiative to reform various articles of the Constitution, which was referred

to the Committee on Constitutional Points, an instance that in December approved the respective opinion and sent it to the Review Chamber on January 2019.

The main contents of the proposal are:

- That the federation has a police institution of civil character and hierarchy called National Guard, responsible for security tasks that safeguard the life, liberty/freedom, integrity and heritage of people, and, the preservation of assets and resources of the nation.

- The organic structure of the National Guard would be attached to the secretariat of the security branch and would have a Board of Chiefs of Staff composed of members of the ministries of Security, Defense and Marine.

- The representation of the Ministry of Security would formulate the national program in this area and the operational programs, policies, strategies and actions. Meanwhile, the Ministry of Defense would arrange for the hierarchical/command structure, discipline, service regime, promotions, benefits, income, professionalization and fulfillment of the responsibilities and tasks of the National Guard, that should be identical to those that apply in the Armed Forces^[34].

In November 2018, the Organic Law of the Federal Public Administration is reformed and the Secretariat of Citizen Security and Protection (SCSP) is created, transferring all the powers assigned to the Ministry

[31] Ibid. – P. 17-18.

[32] Estrategia Nacional de Seguridad Pública. / Government of Mexico. // Gaceta. – 1 February 2019. – URL: https://infosen.senado.gob.mx/sbsp/gaceta/64/1/2019-02-01-1/assets/documentos/Estrategia_Seguridad.pdf (access mode: 15.01.2021).

[33] López Obrador A.M. Plan de Paz y Seguridad 2018-2024. – 25 November 2018. – P. 19. – URL: https://lopezobrador.org.mx/wp-content/uploads/2018/11/PLAN-DE-PAZ-Y-SEGURIDAD_ANEXO.pdf (access mode: 15.01.2021).

[34] González Rodríguez J. de J. Guardia Nacional en México. LXIV Legislature of the Chamber of Deputies. // Centro de Estudios Sociales y de Opinión Pública. Carpeta Informativa. – February 2019. – P. 8. – URL: <http://www5.diputados.gob.mx/index.php/camara/Centros-de-Estudio/CESOP/Novedades/Carpeta-informativa-Guardia-Nacional-en-Mexico> (access mode: 17.02.2021).

of Interior in matters of public security and National security^[35].

While the National Development Plan 2019-2024^[36] includes both proposals in the first section entitled "Politics and Government", establishing, among others, the following objectives of the National Public Security Strategy: rethink national security and reorient the Armed Forces and establish the National Guard^[37].

In the case of the Armed Forces, the commitment taken is that the military instrument keeps "[...] its constitutional tasks in the preservation of the national security and territorial integrity of the country, the defense of national sovereignty and assistance to the population in cases of disaster [...]".

Regarding the creation of the National Guard, it is based on the recognition that "Given the lack of a national corporation of professional police, capable of facing the challenge of insecurity and violence, it is necessary to continue to have the military institutions in the preservation and recovery of public security and the fight against crime for a period of five years, ending in 2023, while the formation of the National Guard is completed [...]".

For the head of the Executive Branch, the essential characteristics of this new coercive instrument considered "essential in the prevention of crime, the preservation of public security, the recovery of peace and the fight against crime throughout the country", are the following:

1. Permanent institution of a police nature, in charge of tasks of prevention and combat of crime, with a focus on social proximity and full respect for human rights;

2. Assigned to the SCSP, whose head will preside over the command body in charge of strategic and tactical aspects. This body will consist of a Board of Chiefs of Staff composed of members of the Security, National Defense and Marine ministries;

3. It is conceived as an institution of mixed or intermediate character, as an organ with civil command, composed of members with training, hierarchy, discipline and structure of military character;

4. Will act in a subsidiary manner and in support of state and municipal police;

5. In its initial phase the new corporation will have members from the Military Police, the Naval Police and the Federal Police^[38].

While the six-year objectives of the National Guard are more ambitious than the "Peace and Security Plan 2018-2024" background, because the objectives contemplate a "[...] growth up to 140 thousand elements and the coverage of 266 regions distributed in the 32 states of Mexico [...]"; giving priority in coverage to the most violent and conflictive areas

It should be noted that in the call launched by the SCSP for the entry of applicants to the National Guard, the 12 recruitment centers are military facilities located throughout Mexico.

[35] Decreto por el que se reforman, adicionan y derogan diversas disposiciones de la Ley Orgánica de la Administración Pública Federal. / Ministry of the Interior. // Official Gazette of the Federation. – 30 November 2018. – URL: https://www.dof.gob.mx/nota_detalle.php?codigo=5545331&fecha=30/11/2018 (access mode: 01.02.2021).

[36] Plan Nacional de Desarrollo 2019-2024. / Ministry of the Interior. // Official Gazette of the Federation. – 12 July 2019. – URL: <https://www.gob.mx/cenace/acciones-y-programas/plan-nacional-de-desarrollo-2019-2024-195029> (access mode: 18.02.2021).

[37] Estrategia Nacional de Seguridad Pública. / Ministry of the Interior // Official Gazette of the Federation. – 16 May 2019. – P. 35. – URL: https://www.dof.gob.mx/nota_detalle.php?codigo=5560463&fecha=16/05/2019 (access mode: 28.01.2021).

[38] López Obrador A.M. Primer Informe de Gobierno 2018-2019. – 1 September 2019. – URL: <https://lopezobrador.org.mx/2019/09/01/primer-informe-de-gobierno/> (access mode: 25.01.2021).

The National Development Plan, is based on the objective 8 “Public security, national security and peace” of the National Public Security Strategy^[39] published approximately one month before.

Among the contents of the document, not contemplated in the National Development Plan, it is worth mentioning:

-To strengthen and maintain the country's Internal Security and guarantee the external defense of Mexico, with the participation of the Armed Forces and the National Guard;

-The Directorate of the National Guard will be integrated by the Secretary of Citizen Security and Protection, who will have the top position in the direction, but also by the Ministries of Defense and Navy. This will improve coordination between these institutions;

-Acceptance that “[...] while the National Guard develops its structure, capabilities and territorial implementation, the Armed Forces will continue to provide its collaboration for Public Security”^[40].

This may explain, in part, that it is a two-star General who is entrusted with the command of the National Guard. To comply with the “requirement” of having a civilian exercising the command, “the commander of the Guard National, DEM Brigadier General Luis Rodríguez Bucio, retired from active service of the Mexican Army and Air Force on August 31”, according to EFE News agency^[41]. In short, a retired General is

the head of the National Guard, as if with his retirement and putting his uniform aside he abandons his military status and culture.

In that order, for the Mexican Commission for the Defense and Promotion of Human Rights^[42], among other NGOs, the proposal to create a national guard has no other meaning than to militarize public security. Hence its strong opposition to the said institution having functions of prevention, investigation, detention and presentation of detainees, because:

a) The creation of the national guard is a verifiable threat to human rights since the increase in the illegal and excessive use of force, as well as the arbitrary deprivation of liberty/detention, extrajudicial executions, torture and forced disappearance have been documented.

b) The creation of the national guard is contrary to the international assessments and recommendations of international organizations and experts.

c) The militarized model of the national guard for public security tasks, weakens civil control and accepts military intervention, putting human rights, institutions and legal procedures (basis of democracy) at risk.

d) The creation of a national guard that is responsible for preventing and combating crime implies the institutionalization of a military regime in the country's public security policy.

[39] Estrategia Nacional de Seguridad Pública. / Ministry of the Interior // Official Gazette of the Federation. –16 May 2019. – URL: https://www.dof.gob.mx/nota_detalle.php?codigo=55604638&fecha=16/05/2019 (access mode: 28.01.2021).

[40] Estrategia Nacional de Seguridad Pública. / Ministry of the Interior // Official Gazette of the Federation. –16 May 2019. – P. 34, 44, 45. – URL: https://www.dof.gob.mx/nota_detalle.php?codigo=55604638&fecha=16/05/2019 (access mode: 28.01.2021).

[41] El comandante de la Guardia Nacional mexicana se jubila del Ejército. // EFE Noticias. – 3 September 2019. – URL: <https://www.efe.com/efe/usa/mexico/el-comandante-de-la-guardia-nacional-mexicana-se-jubila-del-ejercito/50000100-4056057> (access mode: 10.01.2021).

[42] La propuesta del Presidente Andrés Manuel López Obrador de militarizar la seguridad pública a través de la creación de una guardia nacional. // Mexican Commission for the Defense and Promotion of Human Rights. – 2019. – P. 3 – URL: <http://www.cmdpdh.org/publicaciones-pdf/cmdpdh-propuesta-amlo-militarizacion-con-la-guardia-nacional.pdf> (access mode: 28.01.2021).

In general, there is a clear stance against the National Guard of most of the analysts and representatives of civil society who participated in the public consultation hearings related the National Guard convened by the Political Coordination Board of the LXIV Legislature of the Chamber of Deputies of the Congress of the Union, held on January 8 – 9th 2019.

Beyond the opposing voices, in the First Annual Report of the President – which accounts for the activities carried out from December 2018 to August 2019 – the creation of the National Guard is confirmed with the amendments or adoption of the following 3 legal instruments:

- Decree by which various provisions of the Constitution of the United States of Mexico are reformed, added and derogated in matters of National Guard.

- Decree issuing the National Guard Law^[43].

- Regulation of the National Guard Law^{[44][45]}.

Under the Law^[46], the National Guard is a decentralized administrative body of the Secretariat of Citizen Security and Protection, whose purpose is to perform the function of public security in charge of the Federation.

The regulation establishes that the National Guard has technical, operational and administrative autonomy for the exercise of its attributions, obligations, powers, and, the dealing of matters within its competence ^[47].

For Luis Raúl González Pérez, President of the National Commission on Human Rights: “The hybrid nature and characteristics of the body that is intended to be created, rather than giving certainty, will generate confusion and it will open areas of vulnerability for its integration and operation”^[48].

In other words: “These basic agreements that the National Guard is federalist and civilian will cease. From being a federalist to being an instrument of the central government, and also from being civilian to being professional”, according to Alejandro Madrazo Lajous, Coordinator of the Drug Policy Program a CIDE institution^[49].

THE CHOICE FOR INTERMEDIATE FORCES IN MEXICO

In light of the political decision to create the National Guard instead of starting from existing coercive instruments such as the Federal Police and its Gendarmerie Division, it is worth asking why adopting a new model. A security analyst responds

[43] Ley de la Guardia Nacional. // Official Gazette of the Federation. – 27 May 2019. – URL: https://www.dof.gob.mx/nota_detalle.php?codigo=5561285&fecha=27/05/2019 (access mode: 28.01.2020).

[44] Reglamento de la Ley de la Guardia Nacional. Official Gazette of the Federation. – 29 June 2019. – URL: <https://www.dof.gob.mx/index.php?year=2019&month=06&day=29> (access mode: 28.01.2020).

[45] López Obrador A.M. Primer Informe de Gobierno 2018-2019. – 1 September 2019. – P. 35. – URL: <https://lopezobrador.org.mx/2019/09/01/primer-informe-de-gobierno/> (access mode: 25.01.2021).

[46] Ley de la Guardia Nacional. // Official Gazette of the Federation. – 27 May 2019. – URL: https://www.dof.gob.mx/nota_detalle.php?codigo=5561285&fecha=27/05/2019 (access mode: 28.01.2020).

[47] Reglamento de la Ley de la Guardia Nacional. Official Gazette of the Federation. – 29 June 2019. – URL: <https://www.dof.gob.mx/index.php?year=2019&month=06&day=29> (access mode: 28.01.2020).

[48] Moloeznik M.P. and Bravo Aguilar N.T. Libro blanco de la guardia nacional (Abordaje y análisis de expertos y actores nacionales e internacionales) / Moloeznik M.P. and Bravo Aguilar N.T. // The LXIV Legislature of the Chamber of Deputies. – Mexico City, 8-9 January. – P. 62.

[49] Ibid. – P. 118.

to this question: “[...] The weakness of the Mexican institutions allows and encourages their redesign every six years, the political promises and the need to create a unique seal of each administration lead to a perpetual change that helps very little to the solution of the problems that affect the society [...]”^[50].

Precisely, both the creation of the Gendarmerie during the presidency of Enrique Peña Nieto (2012-2018), and of the National Guard in the current administration headed by Andrés Manuel López Obrador (2018-2024), illustrate the tendency to undo all the measures adopted by the previous administration and “reinvent” the security-intelligence apparatus.

As a result, the unwanted effects are high costs, endemic staff turnover – especially those qualified, with university degrees, senior management – and inhibits institutional development.

In other words, Mexico lacks state policies, understood as: “those that follow up relevant national issues and commit to the strategic interest of the country. Their conception, application and first results imply periods that go far beyond the temporality of a government’s [mandate]”^[51]. The absence of State policies in the different dimensions of the security is felt, heavily, in a Mexico suffering from endemic violence according to the standards of the World Health Organization (WHO).

Javier Oliva Posada, an academic at the UNAM, expressed it bluntly during his appearance before the Congress: “Why are we gathered here? Because the civil authority is asking the military to intervene, the military have not raised their hands to intervene. In all cases it has been the civil authorities with their improvisations”^[52].

In the words of Miguel Concha Malo, General Director of the Human Rights Center Fray Francisco de Vitoria: “[...] The large attribution of faculties and the prominence granted to the Armed Forces in this initiative translates into an unacceptable recognition of the inability of the civil authorities to face the challenges of insecurity in the country, which is politically and legally extremely dangerous”^[53].

Although the most serious issue, as highlighted by Ernesto López Portillo, academic at the IberoAmerican University is that “when the decision makers based their actions in the intuition and they do not gather the theoretical knowledge and the systematized empirical evidence [...] The decision makers accept or not to enter in the interpretation of the complexity of the security. When they accept it then they recognize the relevance of the evidence [...] the problem here in Mexico is that the vast majority of those who make public policy decisions decide not to know, or to know only generalities, to repeat unproven assumptions, to use

[50] Jiménez F. El fin de la Policía Federal y el incierto futuro de la Guardia Nacional. CIS Pensamiento Estratégico. Consultores en Inteligencia y Seguridad. – 25 July 2019. – P.1. – URL: <http://cisestrategico.com/?s=El+fin+de+la+Polic%C3%ADa+Federal+y+el+incierto+futuro+de+la+Guardia+Nacional> (access mode: 25.02.2020).

[51] Escobar S.S. La política de defensa como política del Estado. – Caracas: Revista Nueva Sociedad, july-august 1995. – Vol. 138. – P. 74. – URL: https://static.nuso.org/media/articles/downloads/2432_1.pdf (access mode: 25.02.2020).

[52] Moloeznik M.P. and Bravo Aguilar N.T. Libro blanco de la guardia nacional (Abordaje y análisis de expertos y actores nacionales e internacionales) / Moloeznik M.P. and Bravo Aguilar N.T. // The LXIV Legislature of the Chamber of Deputies. – Mexico City, 8-9 January. – P. 37.

[53] Moloeznik M.P. and Bravo Aguilar N.T. Libro blanco de la guardia nacional (Abordaje y análisis de expertos y actores nacionales e internacionales) / Moloeznik M.P. and Bravo Aguilar N.T. // The LXIV Legislature of the Chamber of Deputies. – Mexico City, 8-9 January. – P. 77.

the most popular rhetoric and connect with the great open-air auditorium, not because it offers a policy based on proven causalities or at least under controlled experimentation, but because it knows how to sell the promise. [...] The entire narrative of the National Guard proposal, as was the narrative of the Interior Security Law, is based on a promise that is not anchored in evidence that allows interpreting causal relationships. [...]”^[54].

Hence, “[...] the militarization of public security does not solve in depth the problem that Mexico is experiencing. It is not a matter of parties or people, but of evidence and results [...] what is being proposed with the National Guard is more of the same that we had had, we want to resolve the different violence in this country with a single response, a reactive response, a punitive response that is not addressing the causes or origins. That it is not identifying factors of risk, that it is not turning those risk actors into protection factors”, as highlighted by Edna Jaime, founder and general director of México Evalúa^[55].

All this aggravated by a context of endemic violence, since: “In a decade (2007-2017) 242,086 people were killed, representing 77 percent of the homicides committed since the beginning of the 21st century”^[56].

Alfonso Durazo Montaña, Secretary of Civilian Security and Protection (SCSP), exposes the three essential aspects that lead to the creation of the National Guard:

“First, recognizing that Mexico is facing a national insecurity crisis that has already become a national emergency situation. Second, the attention of this emergency requires the integration of a security force in the shortest possible time to recover the peace and calm of the society. And third, the imperative of optimizing the use of the different resources available to the Mexican State within the Ministry of Defense (SEDENA), Ministry of Navy (SEMAR), the Federal Police, the SCSP and other related institutions”^[57].

The Division General Luis Crescencio Sandoval González, Ministry of Defense, insists on how the National Guard should operate: “As already mentioned, we will receive the policies, strategies, plans, from the Secretariat of Civilian Security and Protection. We, SEDENA, the Armed Forces, are going to operate through the National Guard [...] the hard core of the National Guard will be composed of military and naval personnel; although only at the beginning, since we are going to be recruiting civilians and there will be a time when that structure is going to be completely of people who come from civil life to be part of that National Guard, but now we need a structure that provides us the confidence, the ease, and the possibility of developing the National Guard”^[58].

This new institution is questioned by experts under the following arguments:

For Ernesto López Portillo, “The National Guard, with what we know so far, looks

[54] Ibid. – P. 44-45.

[55] Ibid. – P. 96-97, 100-101.

[56] Portilla Tinajero R. Políticas públicas y violencia. La relación entre la acción pública de los gobiernos estatales y la violencia generada por el crimen organizado en México: PhD thesis. – Universidad de Guadalajara, 2019. – P. 1.

[57] Moloeznik M.P. and Bravo Aguilar N.T. Libro blanco de la guardia nacional (Abordaje y análisis de expertos y actores nacionales e internacionales) / Moloeznik M.P. and Bravo Aguilar N.T. // The LXIV Legislature of the Chamber of Deputies. – Mexico City, 8-9 January. – P. 20.

[58] Ibid. – P. 25.

much more like a model that in the theory is known as the doctrine of occupation. There is no official text or speech to associate it with a model of police in democratic countries”^[59].

Catalina Pérez Correa, at CIDE further endorses this idea by saying that: “It does not work, because it is based on an occupation logic that does not allow civilians and local governments to be in charge of the security, and there is no lasting security model that works without the participation of the society and that can be imposed from the outside”^[60].

According to Alejandro Hope Pinson, Director of the MC2 project, Less Crime, Less Punishment, “The existing intermediate bodies have characteristics that clearly differ from the National Guard that is being discussed today and that take it away from the models that are invoked as inspiration:

a. They complement, but do not replace the police. The Gendarmerie and the National Police coexist in France. Similarly in Spain between the Civil Guard and the National Police Corps. As well as in Italy the Carabinieri and the State Police.

b. The gendarmeries usually have geographically bounded missions. They are usually deployed in rural areas and small towns. For urban areas, police forces are used.

c. Increasingly, these intermediate bodies have been transferred from the ministries of defense to the ministries

of the interior, this is the case of Spain, France and Chile”^[61].

For Conrado López Hernández, postulating lawyer and former officer of the Army and the preventive police, “A National Guard anywhere in the world is constituted by the civilians, not by the military. Even a National Guard must be superior to its own Armed Forces, it must even be the counterweight, to serve as a counterweight to a threat, including a coup d’état, because the National Guard must be made up of civilians. It is generally the National Guard at the service of each federative entity, as established by the Constitution [...]”^[62].

Indeed, the institution already in place is of a centralist nature, so the states lose the coercive instrument that they should have under normal circumstances. It responds, thus, to the guidelines of the federal government and probably to a state-centric conception of security. This means that the Mexican National Guard denatures and distorts the federal spirit of this force, as well as its civilian and voluntary character.

It is worth asking if the National Guard already in force continues with the militarization of public security, because its Commander is a military, the Unit Coordinations are Battalion, Company, Section, Platoon and Squadron^[63], the Inter-Institutional Operational Coordination, of a permanent nature, is composed of representatives of the SCSP, Ministry

[59] Ibid. – P. 47.

[60] Moloeznik M.P. and Bravo Aguilar N.T. Libro blanco de la guardia nacional (Abordaje y análisis de expertos y actores nacionales e internacionales) / Moloeznik M.P. and Bravo Aguilar N.T. // The LXIV Legislature of the Chamber of Deputies. – Mexico City, 8-9 January. – P. 106.

[61] Ibid. – P. 52-53.

[62] Ibid. – P. 40.

[63] Reglamento de la Ley de la Guardia Nacional. Official Gazette of the Federation. – 29 June 2019. – URL: <https://www.dof.gob.mx/index.php?year=2019&month=06&day=29> (access mode: 28.01.2020).

of National Defense, and the Ministry of Navy^[64], it presents a profile of militarized police or intermediate force, based on the command-obedience relationship, that is, of a vertical nature, composed largely of armed forces, and whose main function is reactive by its own essential characteristics and composition.

Again Alejandro Hope Pinson, answers this question in an affirmative way because: "[The Executive Power] seek only to solve the contradiction between the need to continue having, in the short term, military support in matters of public security and the lack of a legal and constitutional framework for its intervention [...] it may be that the objective is not only to solve this legal problem but having also the purpose of establishing an intermediate body of military nature for purposes of territorial control as it is the case in European countries [...]"^[65].

Fernando Ríos Martínez, Executive Secretary of the National Network of Civil Human Rights Organizations, "All Rights for Everyone", emphasizes that: "In the current debate there is a very strong ambiguity, it is a hybrid system, this has been pointed out, but the budget, training and doctrine are under the Ministry of Defense (SEDENA), which needs to be clarified precisely so that this ambiguity is eliminated"^[66].

Alberto Erubiel Tirado Cervantes emphasizes the heterogeneity of its composition: "This is a hybrid, whose main weakness lies in the recruitment process and the question of formal education. Indeed, this hybrid is being formed with

federal policemen who are required, at least, a high school diploma; and also by military that only have primary or secondary school completed [...] I am raising hard data and facts. This conjunction shows us a heterogeneous conglomerate that, in order to standardize them in criteria of formation and attention in functions of public security and civilian attention, generates a problem and a learning curve that will take more than 10 or 15 years"^[67].

The Law of the National Guard, in its transitory articles, contemplates the extinction of the Federal Police, a corporation that must transfer –gradually– its human, financial and material resources to the National Guard. In this way, the death certificate of the Federal Police, including its Gendarmerie division, is signed, and the financial, material and human resources that were put by the previous administration of Felipe Calderón Hinojosa (2006-2012) and Enrique Peña Nieto (2012-2018) will be lost.

This decision ends the historic opportunity to develop a civilian police under the central government in Mexico.

CONCLUSION: TOWARDS THE MILITARIZATION OF PUBLIC SECURITY?

In contrast, the United States National Guard and the French Gendarmerie Nationale are maintained and consolidated throughout the years –beyond the government in turn–. Furthermore, these institutions generate intangibles elements such as traditions (including myths), symbols,

[64] Ibid.

[65] Moloeznik M.P. and Bravo Aguilar N.T. Libro blanco de la guardia nacional (Abordaje y análisis de expertos y actores nacionales e internacionales) / Moloeznik M.P. and Bravo Aguilar N.T. // The LXIV Legislature of the Chamber of Deputies. – Mexico City, 8-9 January. – P. 49.

[66] Ibid. – P. 56.

[67] Ibid. – P. 114.

strategic thinking and doctrine, mysticism of service, sense of belonging or principle of identity of its members, leadership, trust, loyalty, integrity, prestige, and spirit de corps; with positive effects that transcends any political agendas.

Additionally, they professionally retain and develop enrolled personnel and the process of formation and training of the human critical mass is continuous and constant; what is reflected in the organizational results and in the high social recognition they enjoy.

Both intermediate forces are born in the heat of the bourgeois revolutions of the late eighteenth century, adapt to changing environmental circumstances, and coexist with civil police; given that 75 percent of nation-states opt for the civil police model and civilian controls^[68].

On the contrary, the Mexican governments of the last decade are committed to a police model based on the militarization characterized by its centralization and hierarchy composed of military commanders. While the global trend is characterized by the demilitarization of police institutions encouraging decentralization processes and mission-type orders.

Paradoxically, the process of militarization of the public security apparatus takes place under democratic governments of political alternation^{[69] [70]}.

Pedro Salazar Ugarte, Director of the Institute of Legal Research of the UNAM believes that: "[...] the proposal to create a National Guard imply constitutionalizing the militarization of the country"^[71].

For Alberto Erubiel Tirado Cervantes, an academic at the Universidad Iberoamericana, the National Guard translates into the consolidation of a permanent state of exception: "If, with the military police operations, mini states of emergency were not declared, with the simple intervention of the federal Executive through the National Guard, the State of emergency becomes permanent, denying our federalist essence and denying constitutional controls to which the Mexican State is bound"^[72].

Currently, the state of force of the National Guard is estimated at 76,000 troops, which is double the extinct federal police. However, its results are poor, since in the second half of 2019 alone there were 35,588 intentional homicides.

But its main failure was the "Culiacán" operation of October 17, 2019, whose objective was the arrest of Ovidio Guzmán López, son of Joaquín "El Chapo" Guzmán, who, faced with threats and the firepower of the Sinaloa cartel, was released by the National Guard, with a balance

[68] Sánchez Valdés V. M. Seguridad pública en el mundo: ¿quién está al mando? – Nexos, 7 January 2019. – URL: <https://seguridad.nexos.com.mx/seguridad-publica-en-el-mundo-quien-esta-al-mando/> (access mode: 10.01.2021).

[69] Moloeznik M.P. Tratado sobre Pensamiento Estratégico-Militar. Enseñanzas para el sistema de defensa de México. – Mexico: Colectivo de Análisis de la Seguridad en Democracia, A.C. (CASEDE), 2018. – P. 485 – URL: <https://www.casede.org/index.php/biblioteca-casede-2-0/defensa-y-fuerzas-armadas/fuerzas-armadas-mexicanas/410-tratado-sobre-pensamiento-estrategico-militar> (access mode: 10.01.2021).

[70] militarización de la seguridad pública en América Latina. / Moloeznik, M.P. and Medina Nuñez I. – Guadalajara: Universidad de Guadalajara, 2019.

[71] Moloeznik M.P. and Bravo Aguilar N.T. Libro blanco de la guardia nacional (Abordaje y análisis de expertos y actores nacionales e internacionales) / Moloeznik M.P. and Bravo Aguilar N.T. // The LXIV Legislature of the Chamber of Deputies. – Mexico City, 8-9 January. – P. 84.

[72] Ibid. – P. 110.

of eight dead, 16 wounded and the escape of 51 inmates from the Aguarruto prison^[73].

In conclusion, the option of intermediate forces of the last two Mexican governments consolidates the process of militarization of the public security, which with Andrés Manuel López Obrador takes to its maximum expression by creating the National Guard.

The presidential agreement that the Armed Forces have to carry out public security tasks to the aid of the National Guard will add five more years of military intervention in the streets^[74].

It should be noted that this decree gives soldiers many of the same responsibilities as members of the civilian police forces, such as arresting suspects, securing crime scenes, and executing arrest warrants.

In summary, and according to WOLA^[75], “[...] the militarization of public security for more than a decade –since former President Felipe Calderón began the massive deployment of soldiers in the country in 2006 – has failed to reduce violence and instead, it has led to massive human rights violations”; what to expect from the National Guard “Mexican style”.

[73] #LoMásLeído Octubre 2019: El operativo fallido en Culiacán, versiones y reacciones. // El Informador. – 31 December 2019. – URL: <https://www.informador.mx/LoMasLeido-October-2019-El-operativo-fallido-en-Culiacan-versiones-y-reacciones-t201912300004.html> (access mode: 10.02.2021).

[74] ACUERDO por el que se dispone de la Fuerza Armada permanente para llevar a cabo tareas de seguridad pública de manera extraordinaria, regulada, fiscalizada, subordinada y complementaria. // Official Gazette of the Federation. – 2020. – URL: https://www.dof.gob.mx/nota_detalle.php?codigo=5593105&fecha=11/05/202 (access mode: 23.02.2021).

[75] Maureen Meyer Un año después de la creación de la Guardia Nacional, México está lejos de desmilitarizar la seguridad pública. // Washington Office on Latin America. – 26 May 2020.

REFERENCES

1. #LoMásLeído Octubre 2019: El operativo fallido en Culiacán, versiones y reacciones. // El Informador. – 31 December 2019. – URL: <https://www.informador.mx/LoMasLeido-October-2019-El-operativo-fallido-en-Culiacan-versiones-y-reacciones-t201912300004.html> (дата обращения: 10.02.2021).
2. ACUERDO por el que se dispone de la Fuerza Armada permanente para llevar a cabo tareas de seguridad pública de manera extraordinaria, regulada, fiscalizada, subordinada y complementaria. // Official Gazette of the Federation. – 2020. – URL: https://www.dof.gob.mx/nota_detalle.php?codigo=5593105&fecha=11/05/202 (дата обращения: 23.02.2021).
3. Arcudi G. Forces de police et forces armées, sécurité et défense: où sont les frontières? / M. Liechti, G. Arcudi and M. Vonlanthen. // Frontiers entre police et armée. – Genève: Institut International de Recherches pour la Paix à Genève, Cahier du Gipri (2), 2004. – P. 17–34.
4. Balbé M. Modelos policiales comparados. // VII Seminario “Duque de Ahumada”, Seguridad y Estado Autonómico. – Madrid: Ministerio del Interior, 1996.
5. Decreto por el que se reforman, adicionan y derogan diversas disposiciones de la Ley Orgánica de la Administración Pública Federal. / Ministry of the Interior. // Official Gazette of the Federation. – 30 November 2018. – URL: https://www.dof.gob.mx/nota_detalle.php?codigo=5545331&fecha=30/11/2018 (дата обращения: 03.01.2021).

6. De Rover C. To Serve and to Protect. Human rights and humanitarian law for police and security forces. Second Edition, Revised and updated by A. Bienert. – Geneva: ICRC, 2014. – 440 p. – URL: <https://shop.icrc.org/catalogsearch/result/?q=Serve+and+protect> (дата обращения: 20.02.2021).

7. Díaz E. Estado de Derecho y sociedad democrática. – Madrid: Taurus, 1985.

8. Easton. M. and Moelker R. Police and Military: two worlds apart? Current Challenges in the Process of Constabularisation of the Armed Forces and Militarisation of the Civilian Police. / M. Easton. // *Blurring of Military and Police Roles*. – The Hague: Eleven International Publishing, 2010. – P. 1-17. – URL: https://www.researchgate.net/publication/301198652_'Police_and_Military_Two_Worlds_Apart_in_Easton_M_M_den_Boer_J_Janssens_R_Moelker_T_van_den_Beken_Eds_Blurring_of_Military_and_Police_Roles (дата обращения: 23.02.2021).

9. Escobar S.S. La política de defensa como política del Estado. – Caracas: Revista Nueva Sociedad, july-august 1995. – Vol. 138. – P. 70-79. – URL: https://static.nuso.org/media/articles/downloads/2432_1.pdf (дата обращения: 25.02.2020).

10. Estrategia Nacional de Seguridad Pública. / Government of Mexico. // *Gaceta*. – 1 February 2019. – URL: https://infosen.senado.gob.mx/sgsp/gaceta/64/1/2019-02-01-1/assets/documentos/Estrategia_Seguridad.pdf (дата обращения: 15.01.2021).

11. Estrategia Nacional de Seguridad Pública. / Ministry of the Interior // *Official Gazette of the Federation*. – 16 May 2019. – URL: https://www.dof.gob.mx/nota_detalle.php?codigo=5560463&fecha=16/05/2019 (дата обращения: 28.01.2021).

12. El comandante de la Guardia Nacional mexicana se jubila del Ejército. // *EFE Noticias*. – 3 September 2019. – URL: <https://www.efc.com/efe/usa/mexico/el-comandante-de-la-guardia-nacional-mexicana-se-jubila-del-ejercito/50000100-4056057> (дата обращения: 10.01.2021).

13. Friesendorf C. International Intervention and the Use of Force: Military and Police Roles. // *The Geneva Centre for the Democratic Control of Armed Forces (DCAF)*. – 2012. – URL: <https://www.peacepalacelibrary.nl/ebooks/files/383260469.pdf> (дата обращения: 15.01.2021).

14. González Rodríguez J. de J. Guardia Nacional en México. LXIV Legislature of the Chamber of Deputies. // *Centro de Estudios Sociales y de Opinión Pública. Carpeta Informativa*. – February 2019. – 93 p. – URL: <http://www5.diputados.gob.mx/index.php/camara/Centros-de-Estudio/CESOP/Novedades/Carpeta-informativa.-Guardia-Nacional-en-Mexico> (дата обращения: 17.02.2021).

15. Jiménez F. El fin de la Policía Federal y el incierto futuro de la Guardia Nacional. *CIS Pensamiento Estratégico. Consultores en Inteligencia y Seguridad*. – 25 July 2019. URL: <http://cisestrategico.com/?s=El+fin+de+la+Polic%C3%ADa+Federal+y+el+incierto+futuro+de+la+Guardia+Nacional> (дата обращения: 25.02.2020).

16. La propuesta del Presidente Andrés Manuel López Obrador de militarizar la seguridad pública a través de la creación de una guardia nacional. // *Mexican Commission for the Defense and Promotion of Human Rights*. – 2019. – P. 3 – URL: <http://www.cmdpdh.org/publicaciones-pdf/cmdpdh-propuesta-amlo-militarizacion-con-la-guardia-nacional.pdf> (дата обращения: 28.01.2021).

17. Ley de la Guardia Nacional. // Official Gazette of the Federation. – 27 May 2019. – URL: https://www.dof.gob.mx/nota_detalle.php?codigo=5561285&fecha=27/05/2019 (дата обращения: 28.01.2020).
18. López Obrador A.M. Plan de Paz y Seguridad 2018-2014. – 25 November 2018. – URL: <https://lopezobrador.org.mx/temas/plan-nacional-de-paz-y-seguridad/> (дата обращения: 15.01.2021).
19. López Obrador A.M. Plan de Paz y Seguridad 2018-2024. – 25 November 2018. – 22 p. – URL: https://lopezobrador.org.mx/wp-content/uploads/2018/11/PLAN-DE-PAZ-Y-SEGURIDAD_ANEXO.pdf (дата обращения: 15.01.2021).
20. López Obrador A.M. Primer Informe de Gobierno 2018-2019. – 1 September 2019. – URL: <https://lopezobrador.org.mx/2019/09/01/primer-informe-de-gobierno/> (дата обращения: 25.01.2021).
21. Lutterbeck D. Between Police and Military. The New Security Agenda and the Rise of Gendarmeries, Cooperation and Conflict. // Journal of the Nordic International Studies Association. – 2004. – Vol. 39, Issue 1. – P. 45-68.
22. Maureen Meyer Un año después de la creación de la Guardia Nacional, México está lejos de desmilitarizar la seguridad pública. // Washington Office on Latin America. – 26 May 2020.
23. Moloeznik M.P. Internal Disturbances and Tensions. / D. Djukic and N. Pons // The Companion to International Humanitarian Law. – Leiden and Boston: Brill and Nijoff Publishers, 2018. – P. 416-418.
24. Moloeznik M.P. Public Order and Safety / D. Djukic and N. Pons // The Companion to International Humanitarian Law. – Leiden and Boston: Brill and Nijhoff Publishers, 2018. – P. 590-591.
25. Moloeznik M.P. Tratado sobre Pensamiento Estratégico-Militar. Enseñanzas para el sistema de defensa de México. – Mexico: Colectivo de Análisis de la Seguridad en Democracia, A.C. (CASEDE), 2018. – 550 p. – URL: <https://www.casade.org/index.php/biblioteca-casade-2-0/defensa-y-fuerzas-armadas/fuerzas-armadas-mexicanas/410-tratado-sobre-pensamiento-estrategico-militar> (дата обращения: 10.01.2021).
26. Moloeznik M.P. and Bravo Aguilar N.T. Libro blanco de la guardia nacional (Abordaje y análisis de expertos y actores nacionales e internacionales) / Moloeznik M.P. and Bravo Aguilar N.T. // The LXIV Legislature of the Chamber of Deputies. – Mexico City, 8-9 January.
27. Moloeznik M.P. and Medina Nuñez I. Contextualizaciones Latinoamericanas. Proceso de militarización de la seguridad pública en América Latina. / Moloeznik, M.P. and Medina Nuñez I. – Guadalajara: Universidad de Guadalajara, 2019.
28. Plan Nacional de Desarrollo 2019-2024. / Ministry of the Interior. // Official Gazette of the Federation. – 12 July 2019. – URL: <https://www.gob.mx/cenace/acciones-y-programas/plan-nacional-de-desarrollo-2019-2024-195029> (дата обращения: 18.02.2021).
29. Portilla Tinajero R. Políticas públicas y violencia. La relación entre la acción pública de los gobiernos estatales y la violencia generada por el crimen organizado en México: PhD thesis. – Universidad de Guadalajara, 2019.
30. Quel avenir pour la gendarmerie?. Rapport d'information n°27 (2007-2008) fait au nom de la commission des affaires étrangères. // Sénat. – Paris, 2008. – URL: https://www.senat.fr/rap/r07-271/r07-271_mono.html#toc0 (дата обращения: 15.01.2021).

31. Reglamento de la Ley de la Guardia Nacional. Official Gazette of the Federation. – 29 June 2019. – URL: <https://www.dof.gob.mx/index.php?year=2019&month=06&day=29> (дата обращения: 28.01.2020).

32. Sánchez Valdés V. M. Seguridad pública en el mundo: ¿quién está al mando? – Nexos, 7 January 2019. – URL: <https://seguridad.nexos.com.mx/seguridad-publica-en-el-mundo-quien-esta-al-mando> (дата обращения: 10.01.2021).

33. To Serve and to Protect: Guide for Police Conduct and Behavior. // International Committee of the Red Cross. – Geneva: ICRC, 2015. – 36 p. – URL: <https://shop.icrc.org/to-serve-and-to-protect-guide-for-police-conduct-and-behaviour-first-aid-print-en> (дата обращения: 19.01.2021).

34. Vaultier D. The Military's Role in Homeland Security in France. / J. L. Clarke // Armies in Homeland Security. American and European Perspectives. – Washington, D.C.: National Defense University, 2006. – P. 203-230. – URL: <https://www.hsdl.org/?view&did=481961> (дата обращения: 19.02.2021).

35. Violence and the Use of Force. // International Committee of the Red Cross. – Geneva: ICRC, 2015. – 66 p. – URL: <https://shop.icrc.org/violence-et-usage-de-la-force-871.html> (дата обращения: 08.02.2021).

36. Wilkinson D. México: la militarización de la seguridad pública. // Human Rights Watch, 4 October 2018. – URL: <https://www.hrw.org/es/news/2018/10/04/mexico-la-militarizacion-de-la-seguridad-publica> (дата обращения: 15.01.2021).

